

C.COM

КАТАКОМБНЫЙ МЭЙНСТРИМ,
КНИГА ПЕРВАЯ:

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР ПОДЗЕМНОЙ СУДЬБЫ

ОГЛАВЛЕНИЕ:

ПРИТЯЖЕНЬЕ ЗЕМЛИ

“Откуда начинается река?..”

Урок истории

“Так вот моё начало”

Исток

“А мы под землю – сквозь канализацию!..”

Туман на Чатыр-Даге

Устье

Открытие

Интермедия

Действие входа

Действие совсем немного мистическое

ПОКА НЕ МЕРКНЕТ СВЕТ, ПОКА ГОРИТ СВЕЧА...

Пурга на Чатыр-Даге

Никитский Круг

Серёжа и Лёша

Единство непохожих

На Заморова...

Салчак

27 июня каждого года

Друг в далёком далеко

Несколько фотографий

Никитское лето

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРИТЯЖЕНЬЕ ЗЕМЛИ	4
“Откуда начинается река?..”	11
Урок истории	12
“Так вот моё начало”	27
Исток	39
“А мы под землю – сквозь канализацию!..”	57
Туман на Чатыр-Даге	70
Устье	79
Открытие	108
Интермедия	116
Действие входа	123
Действие совсем немного мистическое	139

ПРИТЯЖЕНЬЕ ЗЕМЛИ

“Кому мы строчим наши письма?”
: Стриж

Начинать подобные книги можно по-разному.

Можно – прикинувшись “объективно-отстранённым”, написать: «рождением отечественной спелестологии по праву считается...» Или этак менторски, свысока: «самая глубокая раскопанная мной рукотворная пропасть... самый узкий и извилистый шкуродёр в Системе Налобная... самое длительное моё пребывание под землёй – без воды, света и воздуха...» [Крайний вариант подобного изложения близок к психопатологии: «Никто до Меня, Самого Умного и Значительного, не додумался написать об этом – Один Я Впервые в Мире осмеливаюсь говорить и писать о...»]

Если проблемы лишь с чувством юмора, можно начать автобиографически: «Помню, году этак в девятьсот втором, когда мне было два с половиной года...»

– Или кондово-отмороженно: «все принятые формы повествований изжили себя — а потому я буду выпендриваться по мере сил, лишь бы ни на кого не оказаться похожим» [обычно за таким тоном прячется литературная беспомощность и страх, что если излагать свою мысль общепринятым языком, станет ясно: автор — профан в обсуждаемых вопросах, без должных знаний и опыта сующий рыло в несоответствующий ему видеоряд >,–

... ещё вариант: с высоты постигнутых знаний на официально-суконном языке с массой отлатыненных неологизмов вещать о довольно-таки банальных истинах,– без всякого уважения к иным методикам постижения Мира, иным мировоззрениям и культурно-этическим постулатам, давя и осмеивая в утончённо-научной форме конкурирующие представления и иные взгляды на мир — а особенно тех, кто не разделяет утилитарную любовь Автора к объекту повествования...

: Все эти манеры в равной степени чужды и отвратительны мне.

А потому я, в соответствии с мудрым советом Р. Ибрагимбекова, буду писать лишь о том, о чём кроме меня никто не сможет написать – и так, как кроме меня, никому сказать не дано.

Но не в том смысле, что “лучше кого-то”, или “правильнее” (ни на какую особую “правильность” или “лучшесть” я в принципе не претендую) — просто *свой личный жизненный опыт* могу изложить *только я*,– и *моим голосом*, опять же, *дано говорить только мне*.

У остальных могут быть иные слова и мнения. Иная манера повествования и язык. Литература – не спорт. Понятия “лучше” или “хуже” в ней более, чем

условны. Есть лишь владение Сюжетом и Словом, и есть – невладение ими. Когда этого не дано: как, скажем, музыкального слуха. Или цветового зрения.

И все дела.

Видящие наш Общий Подземный Мир иначе, чем я, имеют право на свою точку зрения – которая достаточно представлена в существующей литературе, – но можно-ли эту точку зрения полагать объективной?..

— Кто доказал, что геолого-карстоведческое отношение к Миру Подземли хоть в чём-то “умнее” просто-го кайфа *ощущенья пещеры*, а спортивные рекорды и первопрохождения вертикальных пещер “выше” медико-биологических исследований спелеонавтического толка или *социально-культурного бытия* мира, сложившегося в московских (а также самарских, питерских и одесских) каменоломнях на стыке спелеологии, диссидентского движения и самодеятельной песни?.. Доказательств такого рода нет, и просто не может существовать, – с моей личной точки зрения. Ибо нельзя сравнивать несопоставимое в принципе: представьте, что аквалангист-спасатель выпендривается перед новым русским дайвером важностью своей *работы*, водолаз корит аквалангиста недостижимой для него глубиной в 200 подводных метров – а всех их “опускает на дно” батисфера Биба иль некий трансокеанский лайнер, стремящийся с тысячьо-другой богатеньких буратино (оркестры, бары, бассейны и прочее) навстречу старой подводной mine...

: *Каждый хорош и достаточно важен на своём месте.* И каждое явление – на своём.

А посему я не собираюсь в чём-то оправдываться и доказывать, что мои спелеоинтересы “главнее” или “важнее” иных. Исключения будет делаться в тех случаях, когда мне и моим друзьям *приходилось отвечать* на подобные нападки лиц, ставящих собственное понимание Мира Подземли над прочими. И обличёнными при этом соответствующей властью.

В остальном постараюсь быть по возможности толерантным. Но вообще-то мне всегда были равно неприятны что “спелеалики”, хвастающиеся друг перед другом количеством принятых накануне стаканов (за собственным разгильдяйством и бездарностью презирающие любую ветвь спелеологии, сложностью превышающую методику “забросился – нажрался – выбросился”) — что крутые спелеоспортсмены: панически боящиеся заблудиться в любом маломальски сложном лабиринте и за крутостью спортивной своей и надуманной системой справок-разрядов прячущие банальный комплекс интеллектуальной неполноценности. А также политруки-организаторы так называемого “массового спелеотуризма”, в угоду власти объявившие посещение и изучение рукотворных пещер, как и занятия спелеонаукой (исключая единственно дозволенное ‘карстоеденье’) «*болезненным вывихом*» и «*отклонением от нормы*», –

К чему это привело, я пытался объяснить на соответствующих страницах “Спелеопенталогии”.

В угоду политкорректности из которой был исключён ряд эпизодов, для меня лично и для многих моих друзей оказавшихся ключевыми в нашей подземной (и не только подземной) судьбе.

– Когда писал “Пенталогию” < а следом за ней и “Катакомбный Итог”: “версию исправленную и улучшенную” >, думал: описать эти скандальные эпизоды тоже самое, что свести какие-то счёты. Поскольку и тени подобного не хотелось – эпизоды были исключены.

Однако, кое-кто воспринял моё умолчание очень своеобразно – результатом чего стало несколько интернетных конфликтов и склок.

Интернет – штука удобная: не выходя из дома, не вставая из-за стола, можно в любого кинуть какое угодно количество грязи.

При этом оставаясь недосягаемо-анонимным.

Поскольку я к данного рода героям не отношусь, отвечаю вполне подробно и под своим именем.

При этом не буду чураться цитат – иной раз весьма пространных. С акцентированием на конкретных свидетелях конкретных событий, ибо после интернетного издания “Спелеопенталогии” некоторые упомянутые в ней лица изволили заметить: вся “Пенталогия” высосана из пальца, всё описанное в ней – бред и домыслы, клевета и враньё, сведение личных счётов, продиктованных МДП автора, и боле ничем, – и вообще: ничего такого в светлой нашей истории не было, потому как не могло быть...

«Котёл я у тебя не брал, вернул его целым, и дыра была в нём изначально» –

— Знаете, дорогие мои, сами напросились.

Промолчали бы тихо в сторонке – не пришлось бы мне отвечать.

Не пришлось бы полностью переписать “Пенталогию”, окончательно разделив её на то, что имеет отношение к нашим идеям, теориям и практикам, а потому названо мной “Катакомбным Итогом” — и то, что в новой (и надеюсь, окончательной версии) называется “Катакомбным Мэйнстримом”.

То есть – главным течением нашей подземной жизни.

Катакомбном во всех вокабулах данного слова.

* * *

Изначально у меня в мыслях не было собирать “под отдельной обложкой” рассказы, посвящённые моим друзьям, – тем более, дополнять их нескромным описанием того, как я пришёл в Мир Подземли. Но наши творческие планы и замыслы лишь отчасти определяются нами. Завершив “Катакомбный Итог” – “спелестологическое четверокнижие”, описывающее грани современной спелестологии (и одновременно итог её почти сорокалетнего развития) – понял: невозможно, говоря о Подземле, умолчать о тех, кому *по самому большому счёту* обязан своими строками. Особенно о тех, кто сам о себе уже сказать не сможет.

Как невозможно, говоря о спелестологии, обойти одобрительным молчанием пусть не все, но хотя бы самые важные моменты её истории. Ибо не будь их – всё было бы по-другому. В том числе в моей личной судьбе.

И что наша, уходящая в прошлое, история — как не основа всего, что нами достигнуто и когда-то достигнуто будет?

А что какие-то страницы её выглядят “не очень прилично” — так Боже ж мой! Милые мои! Когда творили ту самую историю — чем думали, а?..

: Ладно. Не переживайте.

Описывать буду лишь те эпизоды, свидетелем которых был лично. Или мои самые близкие друзья. А потому удержусь от подробностей разгрома детского спелеотуристического клуба Игоря Всеволодыча Черныша в подмосковной Балашихе, и не буду описывать собрания “московской спелеокомиссии”, принимавшие воистину судьбоносные для многих из нас решения. Если сошлюсь на чьё-либо мнение, или приведу обижающую кого-то цитату — будьте уверены: и мнение это подтверждено неоднократно иными свидетелями, и цитата не выдернута из контекста. Да и события, о которых буду говорить, вовсе не казались тогда их творцам и соучастникам чем-то из ряда вон выходящим,— гадким иль подлым делом,— а в русле эпохи проистекали, в главном течении её — творя/кодируя на годы вперёд “особенности национальной спелестологии” .

То есть — наш катакомбный мэйнстрим.

: Такое время было — анекдот с ударной фразой «хлопцы, похоже, обиделись?» придумали позже. Когда *прозрение* пришло не только к единицам.

И повествование моё не будет абстрактно-безличным — нет ничего смешнее, когда уважаемый автор начинает говорить о себе в третьем лице, да ещё с перечислением личных официальных званий, заслуг и степеней < например, известный карстовед, профессор и прочее В. Н. Осинский в труде-монографии своей жизни вещает: «группа под руководством заслуженного деятеля науки РСФСР, доцента геологических наук, профессора В. Н. Осинского...» >,— мнение свидетелей описываемых мной событий процитирую в необходимом объёме, но коль излагаю *собственное мнение о нашем мэйнстриме* — буду это делать от первого лица. В полной готовности как ответить за личные ошибки и просчёты — так принять поздравления коллег и радость Читателя за *личные* реальные свершения. Или без обиняков поведанные эпизоды.

: Сколько камней полетит потом в лицо или в спину — не важно. Мы в ответе за все свои слова и деяния; бежать этой ответственности преступно и глупо.

* * *

«Время уходит.»¹

И «уходит наше поколение — рудиментом в нынешних мирах»²,—

: поколение “двойной верёвки”, керосинок и бензиновых примусов, лампочек накаливания и плекса, телогреек и ‘дутиков’, романтики неведения и непонимания, первых кассетников и первых

¹ М. Башаков.

² Ю. Визбор.

длительных Пребываний,— поколение, открывшее сказочно свободный мир
Подземли в душном мареве совкового прессы —

«Здесь и там умирают ровесники,

Тают в воздухе жесты и лица —

И звонят телефоны, как вестники

Побоявшиеся явиться»³ —

= «всё меньше, меньше, меньше Нас: живых, чьи имена
и лица так много значили в судьбе...»⁴

: Это одна из причин творимых мною строк.

Пока остаётся хоть кто-то, с кем можно сверить мороки памяти, кому нужны мои слова — нужно писать. Ибо потом станет *поздно*.

Потом придёт черёд иных: кто не нуждается в свидетелях Прошлого.

Чьи голоса всё громче и громче тогда, когда некому их оспорить. И некому возразить.

* * *

– И ещё. Я благодарен столь многим людям, что были рядом со мной все мои “подземные годы”, что полный список моих друзей, учителей и товарищей мог бы занять страниц 20 убористого текста. И хоть главная тема моего повествования именно о них — сказать о всех, пусть и мельком, возможным не представится. А потому назову хотя бы тех, без чьей помощи моё изложение просто не могло состояться,— прекрасно понимая, что каких бы слов благодарности ни написал, их всё равно не хватит для отражения моего *творческого долга*:

Александру Игоревичу Морозову, Владимиру Георгиевичу Попову, Леонарду Николаевичу Жданову и Саше Мишину — как своим истинным Учителям;

Ольге — без которой не было бы многого в моей жизни, что привело в итоге к написанным строкам;

Степанову Максиму — за первую мою интернетную публикацию;

Саше Никольскому — за прекрасные подземные фотографии, публикацию в Интернете моих, весьма не бесспорных, статей,— а также за предоставленные материалы, создание РОСС, сайта «Спелеоастрономия» и организацию Первой Международной Старицкой Спелестологической конференции;

Алексею Полякову — за профессиональную подземную фотосъёмку и создание сайта «Сова»;

Ярославу Колпакову — за создание сайта «Горизонты» и высококлассную редакционную работу;

Косте Волкову — за помощь и дружбу;

³ И. Губерман.

⁴ В. Молодняков.

Мише Сохину – за сохранение архивов ГКС и других подмосковных спелеогрупп, также за альтернативное мнение по ряду вопросов и описание исторически важных эпизодов, свидетелем которых я не был;

Андрею Парфёнову – за истинно профессиональные геологические и топографические Знания;

Юре Долотову – за совместную работу по созданию Единой спелестологической классификации подземных полостей, исторические и геологические консультации;

Заграевскому Сергею – за исторические и археологические консультации, а также за профессиональную коррекцию моих текстов;

Каздыму Алексею – за исследования техногенных подземных отложений и техногенного карста; также за профессиональные консультации;

Глубоцкому Алексею – за стоическое многолетнее отслеживание всех, публикуемых в прессе, спелестологических материалов и постоянное снабжение меня результатами своих трудов;

Антону Прохоренко – за славную спелеобиблиографическую деятельность: только благодаря его стараниям я мог ознакомиться с трудами В. М. Слукина и Т. М. Белоусовой, важнейшими для меня лично работами И. В. Черныша и В. Н. Андрейчука; соответственно —

Таисии Белоусовой и Слукину Всеволоду Михайловичу – за прекрасные книги о спелестологии;

Вячеславу Андрейчуку – за исследования подземного микроклимата;

Игорю Всеволодовичу Чернышу – за подлинно прогрессорскую деятельность на спелеопедагогической ниве и замечательные исследования пещерных городов Средней Азии;

Виталию Стёпкину – за исследования культовых пещер Среднего Дона и духовного аспекта спелестологии;

Ю. Ю. Шевченко – за поведенное чудо исиахии;

Оларду Диксону – за открытие Пути Шамана, подземные камлания и медитации;

Паулю Пилигриму – за слово “спелестология” и написанные об этом слова;

Константину Борисовичу Серафимову – за Слово и Дело;

Данилову Ивану, Ионкину Андрею, Ване Ростиславову – за всё, что нас соединило в ночи белого камня;

Юре Агафонову, Саше Пузанкову, Андрею Любченко и Ивану Галкину – за доверенные мне дневники и письма;

Диме Галкину, Сергею Полковникову, Кузнецову Сергею, Сергею Кирееву, Ане Лагуткиной и Фёдору Николаеву – за помощь при топосъёмке наиболее сложных участков Никитской Системы, их найденные Продолжения и разделённый уют Пребываний;

Оле Дьяковой – за то, что подарила мне возможность написания этой книги;

Лёше Константинову – за профессиональные медицинские знания и необходимые физиологические и параметрические консультации;

Диме Веселину – за эниологические консультации в свете феномена САЯ;

Юре Кирину – за прекрасные рисунки и многолетнюю редакционно-художественную деятельность на посту “главного господина оформителя” наших газет-маразматок;

Мише Горбаченкову и Сергею Школьникову – за дружбу, опережающие время технические изобретения в области Подземного Света и замечательные подземные фотографии;

Глебу Зырянову – за истинно высокохудожественную фотосъёмку под землёй и на поверхности оной; также – за открытие системы Мартингал;

Жене Богданову – за дружбу и доброе подземное партнёрство во многих наших начинаниях;

Кире Желяеву – за Звук под землёй и дружбу;

Игорю Брычкину – за партнёрство и дружбу;

Саше Жарову – за дружбу и стойкость характера;

Юре Дёмину – за поддержку и помощь;

Юлику Рашковскому и Серёже Лецине – за дружбу, соавторское участие во всех моих строках, а также за прекрасные стихи и песни;

Анжеле Индан – за дружбу и помощь в издании моих строк;

Грише Чернякову – за вскрытые никитские Продолжения и избранную судьбу Спасателя;

Игорю Юрьевичу Прокофьеву – за открытие Системы Никитская;

Милутину Велковичу – за Великое Пребывание в пещере Самар и написанную об этом книгу;

Маурицио Монтальябини – за потрясающие спелеонавтические Пребывания и возрождение понятия “спелеонавтика”;

Мишелю Сифру – за идею спелеонавтических Пребываний;

Миру Подземли — за дарованный кайф и радость его постижения;

Всем своим друзьям по Свече, Рюкзаку и Гитаре — за написанные мной книги “ильинского спелеоцикла”.

Перед особо щепетильными читателями, как обычно, извиняюсь за “непарламентскую лексику”, которую не счёл возможным заменить стыдливými эвфемизмами.

Ибо тогда это повествование было бы о других событиях и других людях. Живущих на иной Мировой Линии и ходящих в иные пещеры.

Написанное к тому же другим человеком.

И наверное — для совсем иного читателя.

: Так пропадает смысл понятия “река”, если лишить её истоков и притоков.

— Что ж: с них и начнём. «А остальное всё приложится»,—

“ОТКУДА НАЧИНАЕТСЯ РЕКА?..”

“Вот как будто бы Начало...”

“Каждый сходит с ума по своему” – достаточно расхожее утверждение.

И точно также каждый впервые попадает в Мир Подземли. Кого-то приводят друзья, однокурсники или одноклассники, коллеги по работе; кто-то приходит сам – уловив крохи информации о некоей пещере или каменоломне от знакомых (из книг, газет, телеящика),– кто-то, поражённый с детства подземными фантазиями Волкова или Верна, случайно натывается в походе на щель в земле... И безумно устремляется внутрь,–

: Кто-то вполне осознанно приходит в районную или институтскую секцию спелеологов.

— В первую мою Подземлю меня привели родители. Сами до того в пещерах ни разу в жизни не бывшие – и не предпринимавшие после даже в кошмарных снах подобных попыток, так им там не понравилось. *А я вот...* Что ж, в семье не без урода. Был поражён открывшемся мне Миром сразу, полностью – до глубины души и на всю оставшуюся жизнь.

– Случилось же это так:

В 1962 году мама моя работала в редакционно-издательском отделе ГИА-Па; переводчиком в том же отделе (комнате) работал некто А. Морозов. < Улавливаете?.. да-да: *тот самый* Александр Морозов, будущий Президент спелеофедерации страны,– лидер, на мой взгляд, тогдашней настоящей спелеологии – что и “логос”, и “спелео” во всех своих полноценных смыслах — человек, ставший моим кумиром с того самого “первого подземного раза”, а после – добрым патерналистским талисманом-охранником и поводырём во многом, чем я потом занимался под землёй,– “ангелом-хранителем и Державиным моей судьбы” одновременно –

– так рано и трагически погибший: во сне, под лавиной близ любимой своей пещеры Снежной...

... но тогда ещё – для моих родителей и меня, четырёхлетнего карапуза, “просто некий Морозов”. А потому именно так, без красотостей и запоздалых отчеств. >

... *Это было славное время – народ нашей страны, почувствовав долгожданную хрущёвскую оттепель и хлынувшие “как бы свободы”, вовсю отдался неизвестным доселе (при мрачной сталинской диктатуре) развлечениям: открывал для себя Литературу, что прежде была под запретом < у памятника Маяковскому вовсю и в открытую читали свои стихи будущие корифеи поэзии,– так свободно, вольно >,– в кинотеатрах или феллиниевские фильмы, в районах блочно-панельных новостроек молодые семьи получали квартиры, а в ДК и актовых залах заводов и институтов зазвучали гитары Окуджавы, Визбора, Высоцкого, Галича – и сотен других авторов: рождался невиданно популярный прежде жанр – Самодеятельная Песня,– студенты же и так называемая тогда «техническая и творческая интеллигенция» открыли для*

себя радость воскресного общения с Лесом. И столь невообразимые прежде виды туризма, как сплав по горным рекам, многодневные зимние походы на лыжах, велотуризм и горные лыжи, горный туризм (не путать с культивированным в специальных военных целях альпинизмом – после войны в глазах властей потерявшим своё военное предназначение, а потому плавно-медленно сворачиваемым сверху: десятки брошенных и разрушающихся довоенных приютов и альплагерей против единиц, оставшихся “в функционировании” — впрочем, это отдельная тема, и на время мы отвлечёмся от неё) —

— одним из новых видов экстремального туризма была спелеология. В течение века уже так или иначе существовавшая на Западе – но у нас бывшая под практически-абсолютным запретом.

Это достаточно важное и неудобное для многих официальных спелеодеятелей положение, – а потому мне придётся остановиться на нём чуть подробнее. И так как рассказ мой будет включать в себя не только мои личные ощущения, но и понятие об истории спелестонавтического движения в нашей стране (по крайней мере на примере хорошо знакомого мне московского спелеоэтноса), – подобных отступлений нам с Читателем не избежать. Что поделать: судьба человека неразрывно сплетается с судьбой окружающего мира, “хочет он того или нет”...

– и поскольку кому-то должно об этом написать — почему бы не мне? А каждый, кто знает больше – или иные страницы, мне оставшиеся неведомыми – пусть продолжит моё слово. Или возьмёт своё: с моим несогласием в принципе.

Потому что каждый человек имеет право на свои заблуждения, приколы и истины.

УРОК ИСТОРИИ

«СССР – страна с непредсказуемым прошлым...»

Спелестология не просто родилась из спелеологии. В нашей стране было время, когда слова “спелестология” не было – но как факт, как жанр досуга и образа жизни, она была – и составляла неотъемлемую часть спелеологии. И поскольку наша спелеология родилась из западной, а ту создал Эдуард Альфред Мартель, без хотя бы краткого упоминания истории возникновения и развития западной спелеологии мне не обойтись. Потому что всё познаётся не только в сравнении, но и в беде. А беда была, и большая.

Она и до сих пор аукается — хотя бы тем, что труды основоположника мировой спелеологии... так и не изданы на русском языке. И стыдливо молчат признанные светила российской спелеологии о судьбе её основателя А. Крубера, – не желают вдаваться в “детали биографий” основоположников спелестологии Стеллецкого и Грица, –

: Почему – не вопрос для тех, кто знает историю.

– Увы: тех кто знает историю, в нашей стране с каждым годом становится всё меньше и меньше. И пропорционально растёт количество “спелеоиванов, не помнящих родства” – причём незнанием этим весьма кичащихся. Почти как Геббельс своим бескультирием. А значит – хочу я того или нет – мне придётся коснуться ряда исторических моментов.

Во избежании эпигонского пересказа поведенного *до меня и заведомо лучше меня*, ограничусь цитатой из замечательной книги К. Б. Серафимова «Экспедиция во Мрак»⁵:

«Конец XIX века связан с именем выдающегося французского ученого и общественного деятеля Эдуарда Альфреда Мартеля, признанного основателя современной спелеологии. Спелеологии – не только как науки, но прежде всего, как общественного явления. Мартель организует многочисленные исследования поверхностной и подземной гидрогеологии и пещер Франции, Англии и других стран. Его книга «Пропasti», изданная в 1893 году, – первый фундаментальный труд по практической спелеологии.

В 1895 году Мартель основывает спелеологические общества Франции и Великобритании.

Гран-При Французской Академии наук и орден Почетного Легиона – высшая награда Франции – вручены Э. Мартелю, как признание его научной деятельности по изучению пещер.

27 июня 1888 года Мартель организует спелеологическую экспедицию в пещеру Брамабай [Ревущий вол]. Впервые к исследованиям привлекаются энтузиасты самых разных, не относящихся к спелеологии, профессий. «Их объединила идея первопроходчества, открытия новых земель... под землей»⁶, – так писал в своем исследовании “Спелеология, как социальный феномен” известный украинский спелеолог Александр Климчук.

Спелеологическая активность вызревала независимо от Мартеля. Он явился своеобразным центром кипения, кристаллизации назревших процессов.

Спелеология, как общественное движение, приобретает влияние и доминирует прежде всего в индустриальных нациях – как одна из составляющих широкого интереса к природе.

Ключевое понятие здесь – досуг. Не будет большой натяжкой сказать: уровень развития спелеологии соответствует уровню (не только количеству, но и качеству, направленности) досуга и является косвенным показателем степени социального развития общества. Безусловно важным является вопрос о том, какие виды заполнения досуга – потребительские или созидательные – обладают наиболее высоким социальным престижем в том или ином обществе, поощряются и обеспечиваются всей системой общественных отношений.

Остается только согласиться с Климчуком, – тем более, что вся история развития советской и постсоветской спелеологии, как общественного движе-

⁵ Компьютерный самиздат, 1995 г., <http://soumngan.com/works.php> .

⁶ А. Б. Климчук «Спелеология как социальный феномен», Самиздат, Киев, 1987 год.

ния, подтверждает его выводы.

Большое значение имело основание Э. Мартелем во Франции первого специального спелеологического журнала “Спелунка”. Доступность информации – залог успеха любого начинания.

С 1888 по 1914 год Мартель провёл 26 спелеологических экспедиций. А 1888 год стал годом зарождения кейвинга, как социальной спелеологии в мире.»

– Вот такая цитата. Говорящая, надеюсь, о многом. Каждой своей фразой. Посему следуем дальше:

На Западе датой рождения спелеологии принято считать 1890 год, когда французский археолог Э. Ривьер предложил ввести в обиход официальный термин “спелеология” (от греческого “спелеон”, то есть “пещера”, и “логос”, то есть “слово”: в расхожем европейском понимании “знание”). Были иные предложения, в том числе более краткая форма “спеология”, предложенная “в пику” Ривьеру М. де Нуссаком в 1892 году — но 4 августа 1893 года на XII Конгрессе французской ассоциации поддержки научных исследований Мартель сказал своё веское слово – и термин “спелеология” получил всеобщее признание.

Но что – название, слово? Не более чем звукоряд, обозначающе-кодирующий сущность. Ибо, как сказано у Лао-Цзы, «мириады сущностей ежемгновенно совершают работу – но нет слов».

: Так и с понятием “спелеология” — считать-ли спелеологами (и даже *спелеонавтами*, с “подачи” М. Сифра) пещерных троглодитов?.. А первым спелеоспасателем – крестьянина, что в XVII веке по приказу феодала спустился в пещерный колодец за телом кюри?..⁷

Не секрет: *во все времена и эпохи* находились люди, в соответствии с техническим оснащением своего века любопытства ради иль в поисках вожделенных сокровищ посещавшие пещеры. В пещерах и искусственных подземных полостях прятались разбойники, древние христиане, противники существующих режимов, мирные жители во время войн и стихийных бедствий, – в пещерах и катакомбах хоронили покойников (пример Киево-Печерской лавры и аналогичных европейских, африканских, американских и азиатских захоронений), в каменоломнях под Парижем перезахоронили тысячи человеческих останков при сносе старых городских кладбищ; в пещерах прятали клады и хранили рукописи, издревне лечились от разных болезней и медитировали в целях самопознания и религиозного сосредоточения; в пещерах искали и добывали полезные ископаемые и отложения гуано, – в тибетских книгах описаны рецепты лекарств, в состав которых входили толчёные кальцитовые натёки, —

– Вывод: *общение человека с Миром Подземли не прерывалась со времён мезолита*. Так что говорить о каком-либо “начале” спелеологии...

---

⁷ Что печально: первые же подземные “спасработы” были связаны не со спасением людей – а с выемкой из пещеры трупа.

: Факт – любая история не имеет по сути ни начала, ни конца. Ибо всегда были какие-то обстоятельства, что привели к тем или иным, сложившимся в эпизод, действиям – и после его “как бы завершения”, даже после самой последней “поставленной точки” всегда произойдёт-случится нечто продолжающее –

— О европейской “официальной спелеологии” можно сказать несколькими ‘перецитатами’ из книги В. Н. Дублянского “Занимательная спелеология”⁸: «первый в мире план небольшой искусственной пещеры под Неаполем был опубликован в 1546 году»; «в 1854 году в одной из пещер США сделана первая подземная фотография, а в 1859 году этот же эксперимент повторил в катакомбах Парижа Ф. Надир⁹, прототип Мишеля Ардана в романе Жюль Верна “С Земли на Луну”»; «в мае 1748 года математик Й. Нагел возглавил беспрецедентный по тем временам спуск в провал Сацоха (Моравия); им была преодолена отвесная часть входной шахты (50 м) и достигнута глубина 138 м»; «теоретические представления этого времени < о генезисе пещер > обобщены в книге Сиго де ла Фона “Чудеса натуры” (1778)», «в пещере Падрициано в 1839 году группа М. Линдера (Италия) спустилась на глубину 226 метров, а в пропасти Требич – на 329 м; даже по сегодняшним меркам это весьма значительное достижение»; «в 1850 – 1857 гг. А. Шмидл осуществил исследования лабиринтов Адельсбергской пещеры», «в 1879 г. в Вене было образовано “Объединение исследователей пещер”, которое ставило перед собой задачи изучения австрийских пещер, расширение знаний о них, заботу об организации экскурсий»; «в 1879 году возникли пещерное объединение “Ан-трон” (Постойна) и Швабский Пещерный Союз (Мюнхен), в 1892 году – английское и итальянское общества изучения пещер»; «традиции венгерской спелеологии восходят к 1037 году»; «начало исследованию пещер Бельгии положил в 1771 г. аббат де Феле», «первые исследования пещер Сомерсета и Дербшира датируются ещё XVI веком», – и так далее.

– А вот две цитаты с сайта “Спелестологическая Картинка Дня” [<http://www.speleoastronomy.org>]:

«Джованни Баттиста де Росси занимался исследованиями раннехристианских надписей и изучением римских катакомб. С 1850 года учёный открыл 27 катакомб, среди них катакомбы святого Каллиста, которые считались потерянными. С книгой де Росси "Христианские подземелья Рима" можно ознакомиться на сайте университета Гейдельберга.»

«Итальянец Антонио Босио с 1578 года систематически исследовал подземные катакомбы Рима. После его смерти вышла книга под названием "Roma Sotterranea", которая является первым в мире трудом по спелестологии.»

: Из приведённых цитат можно сделать два вывода:

1) История человеческих отношений с Миром Подземли (хозяйственно-практическая и духовная, в виде преданий, религиозных обрядов и легенд) никогда не разделяла Подземлю на “естественную” и “искусственную”. Как не

⁸ В. Н. Дублянский «Занимательная спелеология», “УралLTD”, 2000.

⁹ Так у Дублянского. На самом деле – Надар.

стала её разделять западная спелеология.

2) Традиции европейской спелеологии насчитывают *века*.

Но всё-таки подлинный её расцвет наступил в конце XIX ÷ начале XX веков, и он однозначно связывается с именами Э. А. Мартеля и его ученика и продолжателя Н. Кастере, буквально поставившими научные исследования и туристско-спортивные покорения пропастей и пещер “на поток”. И столь славно популяризовавшими изучение пещер в обывательско-общественном кругу своими печатными работами и лекциями. (Что ещё способствовало прогрессу в развитии западной спелеологии – это, безусловно, техническая революция: появление достаточно крепких верёвок и методик обращения с ними, ацетиленовые и электрические фонари, специальная горная техника – частично заимствованная у зарождающегося параллельно альпинизма, частично в профессиональной “подземной среде”: у разработчиков рудников и шахт.)

Также нельзя не сказать о малоизвестных в нашей стране замечательных спелеологических работах румынского учёного Эмиля Раковице (1868 ÷ 1947), который создал в 1920 году первый в мире институт спелеологии. Его стараниями было найдено множество новых видов живых существ и растений, встречающихся только под землёй; Э. Раковице сумел доказать, что эти “странные”, бегущие дневного света представители флоры и фауны произошли от поверхностных животных, рыб, насекомых и растений – шаг за шагом эволюционируя и приспособляясь к специфическим условиям подземного мира. Э. Раковице принадлежат первые определения *троглобионтов* – то есть живых существ, постоянно обитающих в пещерах – и *троглофилов*: то есть тех, чей цикл жизни связан с пещерами. По сути, эти классические работы стали началом экологии – науки о взаимосвязях среды обитания и населяющих её растениях и животных.

Не стоит думать, что Мартель, Кастере, Раковице – и десятки иных исследователей Подземли были аутсайдерами, шедшими “вперед эпохи” — отнюдь: *они стали выразителями социального интереса к Миру Подземли, свойственному развитому индустриальному обществу*. По своей массовости западная спелеология первой половины XX века настолько успешно конкурировала с иными отраслями туризма, что в США в двадцатых/тридцатых годах велись даже спелеологические войны за право владения “более популярной” у туристов пещерой.

Конечно, II Мировая война затормозила развитие спелеологии во всём мире – но уже в пятидесятые годы западная спелеология из разновидности досугового времяпровождения превратилась в явление социального порядка — причём безусловно созидательное: ибо в отличие от покупающего туристическую путёвку обывателя, спелеолог, открывающий и впервые проходящий пещеру – равно как проводящий в ней медицинские, геологические, исторические или иные исследования, *открывает мир*. В спелеоэкспедициях самым активным образом участвовали силы жандармерии, войск и полиции, – клубы бойскаутов, географические и геологические общества и институты, промышленные фирмы (не стоит думать, что только производители альпинистского и туристического снаряжения – спелеологические исследования были важны

строителям жилых и промышленных зданий, плотин и электростанций; не забудем также о рекламном спонсорстве), – повсюду, в том числе в заброшенных рудниках и каменоломнях оборудовались спелеомузеи, подземные спелеотерапевтические клиники и санатории; в известных пещерах один за другим открывались туристические маршруты, проводились физиологические и биоритмологические исследования и эксперименты. Многие районы, богатые пещерами, получали статус спелеологических заповедников. В каждой европейской стране, а также в США, Австралии и Канаде издавалось несколько спелеологических журналов самой различной “подземной ориентации” – одни посвящались исследованию искусственных пещер, другие покорению вертикальных пропастей, третьи – пещерам лабиринтового типа или обводнённым полостям. Телевидение и радио не отставали от прессы — каждый штурм новой пещеры освещался всеми средствами массовой информации; телевизионные и радиорепортажи из-под земли стали нормой “новостей дня”.

Возникла и профессиональная спелеология: известные спелеологи назначались директорами или сотрудниками создаваемых спелеозаповедников, музеев и пещер, приспособленных для экскурсий; по заказу городских властей и руководителей электродобывающих компаний спелеологи проводили обследования технических коллекторов и водоводов в теле плотин, естественных пещер на предмет отвода их вод для нужд действующих неподалёку электростанций; в городах, активно подработанных древней добычей камня, спелестологические обследования местности стали нормой перед возведением любого здания.

В результате этого спелеологического бума в последней трети XX века спелеология, как синкретичное сочетание науки, туризма и спорта, распалась на независимые ветви: “чисто спортивное” покорение вертикальных пещер-пропастей стало именоваться спелеоспортом; неспешное пребывание под землёй – спелеонавтикой (во французской версии) или кейвлайвингом в английской; покорение затопленных водой пещер, как и исследование подводных морских пещер стали именовать кейвдайвингом; изучение антропогенных пещер – спелестологией. Туристическое посещение пещеры любого типа теперь именуют кейвингом: за последние 30 лет это слово окончательно вытеснило из лексикона термин “спелеология”. Ибо то, что называется “логией” и подразумевает *реальную науку* – а не полуигровое отношение к оной – уже давно именуется карстоведением, гидрогеологией и геоморфологией. При этом пещеры вулканического происхождения успешно изучаются вулканологами; пещеры во льдах – гляциологами. И так далее.

Разделение это вполне отражает современный уровень зрелости дисциплины, что ещё столетие назад была уделом энтузиастов-любителей – но с годами развития избавилась от юношеских мороков (навроде “игры во взрослость”) и обрела собственный социально-научный лик. Причём не один, а сразу несколько. Подобно греческому богу Янусу или главному персонажу подземных легенд – Двуликой.

Но то — на Западе.

— А что же в России?..

– Увы: “как всегда”. Поскольку меня, как спелестолога, в первую очередь интересуют пещеры рукотворного происхождения – заброшенные рудники, каменоломни, храмы, шахты, подземные ходы, подземные города и монастыри, собирательно называемые нами “спелестологическими объектами” — начнём с них.

: Не то, чтоб земля российская была скудна “спелестологическими объектами” — подземные рудники, каменоломни и шахты, конечно, были (правда, в количестве, в несколько раз меньшем, чем на территории Франции – если сравнивать по плотности на единицу площади или народонаселения),– тем не менее, даже та “относительная малость”, что имелась, способна поразить воображение современного человека. Поскольку эту тему в подробностях я исследую в “Теоретической Спелестологии”, от излишнего самоцитирования воздержусь, но кратко замечу:

— В результате развития горнодобывающего промысла, а также фортификационного, церковного и бытового строительства на Руси мы получили не только достойные спелеологического и геолого-карстоведческого изучения обширные подземные лабиринты, но и уникальные памятники Истории и Мастерства, памятники Русской Культуры. А ещё – изобилие рукотворных подземных храмов. Нуждающихся в самом пристальном спелестологическом и краеведческом исследовании.

Да и естественных пещер на территории России хватало с избытком.

Однако что до действительно научного изучения или хотя бы туристического посещения пещер –

– и уж тем более “руко-

творных подземных объектов”...

В книге В. Илюхина и В. Дублянского «Приключения под землёй»¹⁰ даётся следующий список отечественных спелеодостижений <цитату, дабы не разрывать комментариями, даю “целиком и полностью” – комментарии приведу в сносках,– здесь же отмечу, что в качестве источника цитирования я мог бы воспользоваться довольно большим списком литературы – например, сослаться на гораздо более интересный сборник статей Самарской областной спелеокомиссии «Спелеология Самарской области» (статья М. П. Бортникова “История изучения карста и пещер Самарской области”), изданный в Самаре в 1998 году – как и на ряд аналогичных изданий,– но во-первых, обильные сноски и цитаты, приводимые с целью доказательства довольно очевидной мысли, не есть проявление уважения Автора к Читателю — а во-вторых, если цитировать – то самое фундаментальное из возможных и доступных изданий. К тому же излагающее точку зрения, с которой я не согласен в принципе >:

«СОВЕТСКАЯ СПЕЛЕОЛОГИЯ И ЕЁ ЗАДАЧИ.¹¹

¹⁰ Издательство “Физкультура и спорт”, Москва, 1981 г.

¹¹ Сразу: можно подумать, что у советской спелеологии задачи должны быть в принципе иными, чем у мировой. Впрочем, просто наук или искусств у нас не было: вместо литературы – литература соцреализма, вместо генетики, кибернетики и селекции – тюремно-лагерный прочерк (то же об астрофизике);

Советская спелеология в отличие от зарубежной, имеющей более чем 150-летний опыт работы и определённые традиции, очень молода. Конечно, это вовсе не означает, что лишь в конце 50-х гг. XX в. туристы и учёные впервые стали интересоваться тайнами, которые хранят в себе пещеры и шахты!¹²

Первые письменные указания на карстовые пещеры нашей страны (в Эстонии¹³) относятся к 1268 году. В конце XVII в. появляются сведения о ледяных пещерах на Волге.¹⁴ В первой половине XVIII в. в географических описаниях С. Ремизова, Ф. Страленберга, В. Татищева, В. Генина, И. Гмелина приводятся планы и описания Кунгурской ледяной пещеры на Урале и ряда пещер Сибири. Во второй половине XVIII в. многочисленные описания пещер Поволжья, Предуралья, Урала и Кавказа имеются в отчётах участников академических экспедиций И. Лепехина, Н. Рычкова, П. Палласа, И. Фалька и др. В начале и середине XIX в. сведения о пещерах Русской равнины, Урала, Крыма, Кавказа и Сибири приводятся в работах Н. Севергина, М. Киттары, А. Шренка, П. Кеппена, Г. Абиха и др. В конце XIX в. пещеры России обследуют В. Дмитриев, Ю. Листов, А. Миддендорф, П. Кропоткин и многие другие.¹⁵

В начале XX в. выделяются исследования А. Крубера¹⁶ (Крым и Кавказ),

вместо химии – “советская химия”, вместо физики – “советская физика”, – и так далее: *будто законы природы на территории нашей страны действовали как-то иначе.*

¹² Замечательный момент: начинаем с извинений, заодно сократив сроки существования западной спелеологии до зримых (ибо даны в цифрах) “150-ти лет”. Однако, весьма примечательный рубеж: *конец пятидесятых...*

¹³ Вопрос о существовании “карстовых пещер” в Эстонии весьма и весьма спорный; в более полной книге Дублянского ясно говорится: *карстовых пещер на территории Эстонии нет, – потому что какой карст возможен в сланцах или в песчаниках?..* Тогда как полости суффозионного происхождения, безусловно, имеются. Как имеются рукотворные сланцевые и песчаниковые каменоломни с собственной, весьма трагической историей. Не менее важно, что в то время Эстония не входила в состав государства российского. Да и нынче не входит. Так что... *какие б это пещеры ни были.* Но сказывается официальная пропаганда: раз из спелеонаук официально дозволено одно карстоведение, – значит, все пещеры ради кайфа их посещения следует именовать карстовыми.

¹⁴ Аналогичные “сведения о пещерах” на территории Европы “появлялись” ещё во времена римских легионеров. И ранее. Но имеет-ли сия “информация” отношение к собственно спелеологии?..

¹⁵ “др”, “др” – и “многие др.”. Красиво. Однако, речь идёт не о *специальных спелеологических исследованиях* (приведённых, к примеру, выше в цитатах из “чисто Дублянского”, без Илюхина) – а о банальных общегеографических экспедициях. Которые “во все времена и у всех народов” обязательно фиксировали существование пещер. *Но ведь так хочется по пропагандисткой привычке подменить одно другим!..*

¹⁶ Наконец в списке появляется первый по-настоящему спелеологический исследователь. Вообще нормальные люди в нашей стране именно с личностью

А. Козменко¹⁷ (Русская равнина), В. Варсанофьевой (Предуралье). Эти работы носят не только описательный характер. Во многих из них излагаются важные соображения об условиях образования пещер, особенностях их микроклимата и гидрогеологии, во многом опережающие представления западноевропейских исследователей.¹⁸

Русская дореволюционная спелеология – это спелеология одиночек, не имеющих ни спортивной подготовки, ни снаряжения для исследований сложных пещер. Поэтому в литературе имеются данные лишь о легкодоступных пещерах: Кунгурская и Капова на Урале, Балаганская на Ангаре, Вертеба в Подолии, Большой Бузулук в Крыму, Провал на Кавказе, Бахарденская в Средней Азии и др.¹⁹

А. А. Крубера связывают начало каких-либо спелеологических изысканий на территории тогдашней России; в честь его совершенно справедливо названа одна из популярных пещер горного Крыма, и ещё одна на Кавказе – “под занавес миллениума” ставшая мировой рекордсменкой по глубине: –1710 м! (Сейчас её глубина более двух километров.) Однако, современные спелеоисторики патриотической ориентации не любят вспоминать, что спелеологические исследования Крубера закончились в... сумасшедшем доме. И не при “проклятом царизме”, а при “власти рабочих и крестьян”. Так что Стеллецкому и Грицаю, о судьбах которых я рассказываю в “Теоретической спелестологии”, ещё повезло.

¹⁷ Не знаю, как можно подряд – не просто в одной строке! – ставить таких исследователей. Козменко умудрился “прохлопать” целый спелеологический район в самом центре России: буквально “у себя под носом”, близ современной Калуги. Хотя в его времена там уже вовсю разрабатывался известняк, и местные жители знали и по-своему использовали минимум пяток замечательной красоты карстовых полостей – глубина которых, по современным прогнозам, может достигать 300 метров. А что ж нам не сообщают ничего о замечательных исследованиях Г. А. Трютшольда?.. Неужели столь мощное светило геологии – “и многие др.”? Очевидно, как и И. Я. Стеллецкий, с именем которого современные исследователи искусственных подземных сооружений связывают обособление спелестологии в независимую отрасль Познания Мира.

¹⁸ Однако: ни разу у Кастере, Холидея, Якуча, Велковича или Сифра не встречал фразы подобного типа, – *вот бы узнать, почему? Может, не страдают комплексом неполноценности?* Тем не менее было бы славно выяснить, в чём конкретно наши гении “опережали” западных исследователей (и как такое может быть в науке, а не в спорте) – а также *каких именно*: уж не самого-ли Мартеля, на трудах которого учились? Право: стыдно бывает читать такие нелепые агитки. Стыдно и за “отечественную спелеологию”, и “за страну в целом”. Что подобной спесью хронически пытается противопоставить себя мировой цивилизации.

¹⁹ Следует прозрачный вывод: проклятый царизм сдерживал развитие отечественной спелеологии, – а уж после установления советской власти понеслось... Ан нет: и не понеслось, и сдерживало вполне естественное для того

Советский период характеризуется комплексным подходом к изучению карста на основе детальных геологических исследований, выполняемых в связи с решением практических задач.²⁰ В довоенные годы исследован ряд пещер Крыма (П. Василевский, П. Желтов), Кавказа (И. Щукин), Средней Азии (А. Ферсман, И. Зайцев), Урала (В. Альтберг, В. Смирнов), Сибири (Е. Милановский, Н. Соколов) и других районов страны. В ряде пещер Крыма и Кавказа начаты биоспелеологические исследования (Я. Бирштейн). В связи с археологическими и геологическими работами в Грузии и Средней Азии к исследованию труднодоступных пещер впервые привлекаются альпинисты (Л. Маруашвили, А. Блещунов). К этому же времени относится появление термина «пещерный туризм» (Б. Котельников). Новые материалы по изучению пещер и неглубоких (до 60 метров) шахт Крыма и Средней Азии обобщены И. Зайцевым, который излагает ряд важных соображений об их происхождении и гидрологическом значении.

Послевоенный этап развития советской спелеологии знаменуется резким усилением работ по изучению карста в СССР.²¹ Состоявшиеся в 1947 г.²² в Перми и в 1956 г. в Москве конференции по изучению карста²³ отметили некоторые успехи в изучении пещер. На Урале (Кунгурская) и на Кавказе (Воронцовская) начали работу первые в стране подземные научно-

времени отсутствие специального снаряжения, появившегося на десяток лет позже: *в связи с развитием массовой спелеологии на Западе. А у нас спелеология как была при царизме уделом одиночек, так и оставалась до пресловутого “конца пятидесятих годов”, – прочитайте внимательно следующий абзац, и всё поймёте.*

²⁰ *Как это тонко!* Это вам не гнилая буржуйская спелеология, что позволяет себе в полный оттяг шнырять-лазить по любым дырам и гротам, куда любознательность поведи может...

²¹ Для того, чтоб “на полную заценить” весь пустозвонный пафос данного абзаца, самостоятельно прочитайте главы из Кастере соответствующих годов описания < Холидея не предлагаю, потому как любой “идуший вместе” агитатор тут же упрекнёт меня: «ну да, у американцев войны не было...» > – *и сравните.* Весь пафос этого абзаца разлетится, как мыльный пузырь: в сравнении с тем, какие глубины и горизонтальные лабиринты всю штурмовала западная спелеология в те же годы, какой массовой была – и технически оснащённой. Включая поддержку правительств, армии и клубов бойскаутов, – обходясь при этом, почему-то, без “решающих постановлений” и съездов. *А сколько ежемесячных журналов выходило “за бугром” уже в эти годы со спелеологической направленностью публикаций... (У нас до сих пор на всё пространство СНГ – один “Свет”, выходящий с грехом пополам “раз в год по обещанию”.)*

²² Обратите особое внимание – и запомните: **ВАЖНЕЙШАЯ ДАТА!**

²³ Всего лишь карста – а не спелеологии, как вида туризма и спорта. Впрочем, дата не менее важна, чем предидущая.

исследовательские стационары²⁴. Участие в их работе спортивной молодёжи²⁵ обеспечило открытие ряда труднодоступных ходов. Однако, как отмечал в 1956 году профессор И. Попов, роль спелеологического направления в исследованиях карста была ещё очень незначительной, а участие молодёжи в работах спелеологов – минимальным. В 1958 г. в стране было известно (но не полностью заснято и неравномерно изучено) около 500 карстовых²⁶ пещер и шахт.»

– остановимся на этом моменте. Ибо настало время объяснить, отчего даже по официальной версии до “конца пятидесятых” *спелеологии в нашей стране, ни как планомерно изучаемой и пропагандируемой науки, ни как массового вида туризма, ни как, паче чаяния, “образа жизни”, не существовало.*

– Объясняю: потому что не существовало, и всё. Как не существовало никаких демократических свобод и связанных с ними напрямую вольно избираемых видов отдыха.

: Был в двадцатые годы так называемый “пролетарский туризм”. Достаточно “дикий”, свободный и вольный, – но в начале тридцатых годов “Общество пролетарского туризма” переквалифицировалось в угодное власти состояние, начав борьбу с независимыми от него туристическими формами досуга, *как с бродяжничеством.*²⁷ Отдыхать отныне дозволялось лишь “в местах принудительного отдыха” – официальных санаториях. Или купаясь в Чёрном море. Из прочих видов туризма (что – то самое, активно-познавательное, созидательное – но никак не потребительское отношение к Миру) был дозволен лишь альпинизм, – под руководством инструкторов, разумеется (и это правильно), в таких военизированных отрядах-клубах...

Впрочем: что до созидательной сущности альпинизма... Боюсь, “тут я немного погорячился”. Созидателен он лишь когда речь идёт о покорении-исследовании новых горных районов; в этом смысле экспедиции тридцатых и пятидесятых годов XX века западных альпинистов в Гималаи были явлением, безусловно созидательным. Натаскивание на скоростные техники лазанья/беганья по одним и тем же, тысячи раз пройденным маршрутам, ничего, кроме спортивно-развлекательного начала, в себе не содержат. Конечно, прежде чем штурмовать непокорённые вершины высшей категории сложности, человек должен в совершенстве овладеть не просто азами – тонкостями альпинизма — однако, не стоит одно подменять другим. И средство *прикладного военно-спортивного образования* выдавать за цель.

— Ведь в том-то и фокус: *военные альпи-*

²⁴ Во всём прочем мире уж лет пятьдесят занимавшиеся *практическим лечением* больных.

²⁵ А неспортивной, но научной – что: запрещалось участвовать?

²⁶ И опять – карста. Ну будто другого рода полости в земле не образуются, не существуют и не имеют права быть... А вообще: ‘ВОРОШИЛА В МЕШКЕ НЕ УТАИТЬ’. Как ни переписывай и ни приглаживай реальную историю, какие казённые термины ни изобретай...

²⁷ См. «На суше и на море», 1930 г. №7 и 1935 г. №7.

нисты были товарищу Сталину нужны не менее, чем планеристы и парашютисты,— будущие герои-десантники; байдарочники, неорганизованные “пешедральщики”, велосипедисты, спелеологи и любители лыжных походов по тундре в структуру десантных войск никак не вписывались. Мало того: отвлекали трудящуюся молодёжь от тех занятий, что были бы Родине гораздо более полезны. И физические силы не на то тратили, и умы смущали. Хочешь туризма — заслужи-ка, милый друг, ударным трудом и загубленным здоровьем на благо ВПК путёвочку от профсоюза в назначенное для отдыха место. Хочешь спорта — вот тебе на выбор три кита, три основы будущих ВДВ: планеризм, парашютизм и альпинизм. Выбирай любой, не стесняйся. И не мечтай о том, о чём мечтать не время.

: К победоносной войне готовились. На территории Европы, в центре которой Альпы и всякие Татры-Судеты,— а потому альпинистов готовили пачками, в тысячах лагерей²⁸,— как парашютистов, планеристов и лётчиков,— “прочие же обождут”. Не только вся экономика страны — наука, спорт и формы туристического досуга также были подчинены готовящемуся завоеванию мира. И поскольку спелеологические исследования к Мировой Революции не имели никакого отношения — более того: хрен поймёшь, зачем лезут в свои норы, чем занимаются там вне контроля советской власти — отношение к ним было соответствующее.

: Вот ответ. “Но это ещё не всё”. Кончилась война, что по предательски начал Гитлер, не дождавшись совсем чуть-чуть нашего сокрушительного удара,— казалось бы *теперь, когда альпинисты стали не нужны и количество альплагерей по стране сократили в сотни раз,—*

— *теперь можно заняться спелеологи-*

ей?..

— Ан, нет. Потому как после войны эстонские “зелёные братья” шхерились в сланцевых каменоломнях и наводили ужас на комиссаров в пыльных шлемах, вагонами гнавших гражданское население Прибалтики в Сибирь (что недогнали в начале сороковых), и свежи были воспоминания о том, что в одесских каменоломнях вполне можно противостоять власти, оккупировавшей поверхность (в Аджимушкае была совсем иная история),— прятались дезертиры и по старицким “заломкам” от жуткого двухнедельного наступления подо Ржевом, когда победоносные наши маршалы завалили немецкие позиции телами необученных мальчишек и стариков “в три наката”,—

: Эстонские каменоломни просто взорвали со всеми “зелёными братьями”, сгрузив во вход две машины тротила. Такое нашли решение, немцам под

---

²⁸ Принимая немецких альпинистов на Кавказе (было чему поучиться), думать не могли о том, что воевать с теми же самыми инструкторами-товарищами придётся не в ихних Альпах, а по месту обучения... Впрочем, так же не думая о последствиях, обучали на своих полигонах немецких лётчиков, танкистов и военных химиков — см. замечательно документированную книгу Ю. Л. Дьякова и И. С. Бушуевой «Фашистский меч ковался в СССР» [«Советская Россия», Москва, 1992 г.].

Аджимушкаем почему-то не пришедшее в голову. < Может, оттого, что первая и последняя вылазка партизан на поверхность окончилась полным провалом? Отвыкшие от солнечного света, они днём выбрались под яркое солнце на ослепительный снег – и по приказу политрука попытались атаковать продовольственный обоз, что охраняла команда румынских инвалидов... С соответствующим успехом. После чего из отряда дезертировало до 4/5 оставшихся в живых его участников: запасённые продукты кончились, да и сидеть под землёй “спелеонавтам по приказу партии” надоело. Так что воевать немцам с ними не пришлось — достаточно было запереть оставшихся спелеоотморозков внутри и не позволять им приближаться ко входу, используя ядовитые газы, гранаты и прочее.²⁹ >

– На фотографии эстонского леса, снятые с борта “кукурузника” в апреле, мне, как спелестологу, было страшно смотреть. Будто изрыт лес кротовыми норами — только приглядишься к прутикам деревьев, вникнешь в масштаб – и понимаешь: не кротовые это норы, – катакомба...

: ГЕКАТОМБА.

Не осуждаю никого и никого не оправдываю – излагаю события, одним из героев которых был мой дядя, Виктор Калганов. Знаменитый десантник Борода (участник печально известного Крымского десанта, командир передового отряда Дунайской флотилии, проникший в ещё занятый немцами Будапешт по сетям городской канализации и разминировавший канализационные системы Белграда – то есть фактически создатель и первый руководитель спецподразделения, ныне называемого “городской подземный спецназ”) — ему, одному из немногих в Советской армии, разрешалось носить бороду. Книга, посвящённая ему, так и называлась: «Отряд Бороды».

... Со старицкими пещерами-каменоломнями поступили подобным образом. Зашуганный МДП, боящийся собственной тени несостоявшийся Правитель Земного Шара < уж и герб был утверждён соответствующий, и на месте храма Христа-Спасителя гигантское здание ДС строилось, в котором было решено “принять в состав СССР последнюю республику”³⁰ > издал в 1947 году «Указ о запрещении несанкционированного (самовольного) посещения рудников, шахт, каменоломен и прочих подземных объектов.» Включая пещеры.

: Вот вам спелеология. А уж спелестология какая пошла...

— В ознаменование этого психопатического Указа прошли по обоим берегам Волги от Калинина до Ржева сапёрные части НКВД из дивизии “Незабудка” — и взорвали к чёртовой матери все обнаруженные входы в каменоломни, карстовые пещеры (имелось в районе немало таких – сказочной, между прочим, красоты) и даже барсучьи

²⁹ «В катакомбах Аджимушкая», «Крым», 1970 год.

³⁰ В. Суворов, «Последняя республика». АСТ, 1995.

норы.³¹ Не удивляйтесь: барсук – первый помощник спелестолога, он свою нору в районе с каменоломнями всегда норовит выкопать как можно ближе к Системе, чтобы войти в неё и использовать её, готовую – вместо того, чтоб копать сотню метров от природы необходимых ему лабиринтов...

Повезло ещё, что входы в некоторые пещеры-каменоломни по окончанию добычи камня были закрыты местными жителями (чтоб не терялись дети), или замыты случайными оползнями. Часть входов просто ускользнула от внимания подрывников, ибо находилась слишком далеко от берега Волги. Так что чего исследовать – осталось.

Но также были взорваны каменоломни на западе Московской области. И поблизости от Ленинграда и Москвы. В результате чего через тридцать лет мы, конечно, получили немислимых сложностей прохождения и вскрытия лабиринты, – многие из спелестологов законно полагают, что самые сложные в техническом отношении не вертикальные пещеры и не гипсовые гиганты Подолии – а наши родные бывшие каменоломни, приведённые бериевской “Незабудкой” в состояние полного спортивно-тренировочного рая...

Однако, хочется, чтоб таких незабываемых подарков в истории нашей было поменьше.

Так что ‘эпикарстовая’ конференция от 47-ого г. – всего лишь сбор перепуганных Указом карстоведов в наивной попытке доказать власти, что они свои, советские. “Не буржуинские”³². И пещеры им, собственно, не сильно-то и нужны — см., например, описание района, достаточно богатого подземными полостями разнообразного происхождения – Ступишин А. В., «Равнинный карст и закономерности его развития на примере Среднего Поволжья» [Казань, 1967 г.]: мало того, что не смотря на обилие полостей, из всего его изобилия упоминаются – и то вскользь – лишь три самых незначительных и мелких, – автор замечает: «природа образования пещер в значительной степени связана с гравитационными трещинами, с трещинами бортового скола и потому Жигулёвские пещеры лучше не относить к карстовым образованиям». Вот так, дословно. “Я не я, и лошадь не моя – моя хата с краю, о пещерах ничего не знаю и карстование к спелеологии не имеет никакого отношения”. Причём – в 1967 году! Вот как сказывается инерционность мышления, сформированного в сталинскую эпоху... Думаете, преувеличиваю? Ничуть. Просмотрите отчёты любой карстоведческой экспедиции по тому же району – Отрешко А. И. «Карст Куйбышевской области» (Куйбышев, 1961 год), – отчёты А. С. Баркова, возглавлявшего карстоведческое исследование района в тридцатых годах (там упоминаний о подземных полостях на порядок больше), – или аналогичные отчёты по любому иному региону. Увидите: за редкими исключениями (Н. А. Гвоздецкий, В. Н. Дублянский) официальные советские карстovedы после

³¹ Информация получена от В. Калганова; её подтвердил ряд старицких старожилов при опросах 1992-1993 гг. Опрос проводился участниками нашей спелеогруппы совместно с местным отделением “Красных следопытов”.

³² Отсюда бульдожья хватка за термин “советская спелеология”; сокращённо – “СС”.

войны бежали пещер, как чёрт ладана. А уж упоминаний об искусственных подземных выработках, ходах и фортификациях – пусть даже вскрывающих естественные пустоты иль обильно раскарстованных – **просто не найдёте**. Ибо не то, что говорить — думать о них в те годы полагалось “в высшей степени не приличным”.

На этом фоне понятно, что конференция 1956 года – попытка откосить от Указа под начинающуюся оттепель, вслед за известным съездом “говной нашей партии”. Как бы поругавшем Сталина и его невообразимые нормальным человеческим разумом “перегибы”.

И, в общем, карстоведы добились успеха: в отношении спелеологии действие Указа было “как бы отменено”.

Справедливости ради, замечу: в современном Интернете не удалось найти текста “Указа от 1947 года”, – есть лишь текст известного “Закона о Недрах”, что предшествовал Указу и подводил под все его положения крепкую законодательную базу. [Первая строка этого Закона гласит: «Все недра нашей страны принадлежат Государству» – на мой взгляд, уже одной этой фразы было достаточно для полного и безоговорочного запрета спелеологии и спелеологии. Ибо самостоятельное посещение-исследование госсобственности – процесс достаточно криминальный по самой своей сути и от диггерства не отличим. Не оттого-ли, между прочим, в некоторых регионах бывшего СССР спелеологи называют себя диггерами, а диггеры – спелеологами?..

: «В каждой шутке есть доля шутки...»]

: Конечно, наивно полагать, что абсолютно все законодательные акты советской власти будут представлены в Интернете неким государственным доброхотом, – однако, и в профессиональной литературе упоминания об этом Указе не встречаются. Есть лишь косвенные доказательства его существования – отражённые в этапах развития горной промышленности и её структуризации и в соответствующих постановлениях горнодобывающих трестов и министерств, – и есть устные упоминания весьма уважаемых спелеологов и спелеологов старших поколений. [См., например, <http://www.echo.msk.ru/programs/mir/19420/>] Верить им или нет — личное дело Читателя. Но известно, что многие (вполне реальные) постановления власти в сталинскую эпоху, причём и по более важным государственным вопросам, принимались и воплощались на практике, не оставляя бумажных следов. О них знали, ими руководствовались при принятии важнейших решений, – попытки отыскать их в архивах близки к поискам чёрной кошки в тёмной комнате; в Интернете – просто бессмысленны. И что говорить о столь частных документах – когда даже о существовании “секретных приложений” к известному пакту Молотова-Рибентропа товарищ Горбачёв врал всей стране и всему мировому сообществу на голубом глазу (при этом не забывая осведомиться у своего помощника Яковлева: «Как, ты ещё не уничтожил эти позорящие нас документы?...»), –

— вдали о так называемой “докладной записке” Ватутина/Жукова Сталину о приграничном развёртывании наших войск и объявлении тайной мобилизации накануне Великой Отечественной войны, –

: ввали буквально обо всём –

Так что всерьёз удивляться не стоит. Как, очевидно, и искать какие-то “следы” спустя столько лет. Мне лично хватает нескольких упоминаний об этих постановлениях тех лиц, которым я доверяю. И тех следов эксплоссионного вида, что они оставили на месте многих пещерных входов.

Тем более, что развитие спелеологии всё-таки началось — и такими темпами...

“ТАК ВОТ МОЁ НАЧАЛО”

*“К чёрту будние заботы!
С рюкзаками по субботам...”*

Открыв для себя мир самодеятельного туризма – нерегламентированного никакими правилами истинно свободного времяпровождения, население крупных городов нашей страны в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов устремилось в леса, горы, на озёра и реки. В интеллигентных компаниях стали модными слова “рюкзак”, “байдарка”, “кеды”, “штормовка”, “горные лыжи” и, конечно, “гитара”: ни одни дружеские посиделки не обходились без песен Окуджавы, Городницкого, Якушевой и Визбора. Следует заметить, что развитие самодеятельной песни и туризма в нашей стране не просто “шло нога в ногу” – развитие это было *синкретичным*, то есть насколько самодеятельная песня сформировала и определила облик нашего туризма (его эстетические и философские ценности), настолько всеобщее увлечение туризмом “писало песни” – задавая *моду* на их тематику, размер и форму.³³ И на мой взгляд, если всерьёз говорить о каких-то самобытных чертах нашего туризма (в том числе о спелеологии), о его отличии от западного — так это об изначальной неразрывности с самодеятельной песней. Откуда – одно из её многочисленных наименований: *“туристическая песня”*.

Как уже отмечалось, это было достаточно дивное время. Дивное невиданным *ощущением свободы*, и в первую очередь свободы самовыражения, невысказанной прежде. < Что говорить о каких-то “свободах”, когда за одно пятиминутное опоздание на работу в сороковые годы можно было “огрести” такие неприятности, что многие предпочитают о них не вспоминать, – и о каком “самовыражении” можно вести речь, когда полстраны если не сидело в лагерях, то

³³ Вот лишь пара примеров – из поистине сонма прекрасных и характерных строк: *«Я не знаю, где встретиться нам придётся с Тобой: глобус крутится, вертится, словно шар голубой, – и мелькают города и страны, параллели и меридианы...»*; *«От любящих мужей и от любимых жён хоть иногда – но надо не находиться рядом, – хотя бы раз в сезон...»* Дух свободы и романтики вольных путешествий, отвергающий городское прозябание и ставший *буквальной модой* того времени, отражён в этих строках.

трудились-вкалывало в разнообразных “шарашках” по 12 часов в сутки? До туризма-ли тут было, до писания песенок?... >

— Теперь каждый мог взять в руки гитару, освоить три-четыре аккорда – и стать любимцем друзей, желанным гостем в любой компании; взвалив на плечи рюкзак и погрузившись в электричку субботним вечером (суббота тогда была рабочим днём) открывать, подобно Христофору Колумбу, персональные Америки и Вест-Индии подмосковных озёр, лесов, рек... А уж в долгожданный отпуск –

: Названия Чегет, Домбай, Теберда, Эльбрус и Бакуриани за считанные годы вытеснили Евпаторию, Юрмалу и Сочи.

Где находится Ясная поляна, интеллигентный человек начала шестидесятых мог и не знать – но сколько стоит билет до Солнечной поляны, мог ответить среди ночи. Ибо копил деньги на дорогу.

Это – с одной стороны. С другой — ясное дело, неповоротливая и традиционно отстающая от мировой экономика нашей страны оказалась не в состоянии удовлетворить спрос тысяч “новообращённых туристов”. Отец мой, например, сам сделал первые мои горные лыжи – набил металлические канты, из стали выточил и согнул фиксирующие пятки ботинок части крепления... Нередко можно было видеть, как в хозяйственном магазине вполне нормальные с виду люди примеряют на голове железный эмалированный дуршлаг: замечательное изделие, служившее основой для горнолыжной или спелеологической каски.

: Естественно, что кроме горного туризма, сплава по рекам, горных лыж и зимних лыжных походов было открыто столь неизвестное прежде хобби, как спелеология. И произошло это не по решению некой карстоведческой конференции – а просто потому, что произошло. Спелеология, как форма туризма, возникла у нас наравне с его прочими экстремальными видами и практически одновременно: с теми же горными лыжами, скажем.

– Или с велотуризмом.

Оттого поначалу была и неорганизованной, и любительской, и “неуправляемой сверху”. А уж по уровню оснащения...

: *Без слёз невозможно вспомнить некоторые картинки, с детства врезавшиеся в память.*

Например: общеизвестно, что для посещения любой пещеры важнейшим является СВЕТ. Так вот – света в продаже практически не было. По крайней мере того, что пригоден для пребывания под землёй с современной точки зрения. Кому *очень повезло* – оснащался двухбатареечным “китайским фонариком”³⁴; кому *просто повезло* – плоскими линзовыми отечественного производ-

³⁴ Одно из наследий “великой и нерушимой советско-китайской дружбы на веки”; интересно, что китайский народ, сам того не ведая, сделал столь много для развития отечественного туризма... Достаточно вспомнить (кроме упомянутых фонариков) знаменитые термосы, кеды, удобные эмалированные кружечки с крышечками, – что ни говори, а важнейшие туристические атрибуты.

ства (батарейки хватало на час-полтора, но тогда ещё на них, слава Богу, писали примерную ёмкость в А/ч: образованный человек мог сделать соответствующие выводы). Кому *повезло иначе* – покорял пещеры с полосками плекса (от западного “плексиглас”, по-нашему – “оргстекло”, то есть “органическое стекло”). А одна группа рассекала по Сьянам (известной подмосковной каменоломне) с тяжеленными “космическими аккумуляторами” – где они работали, догадаться было не трудно: в Жуковском. Что ж, по крайней мере *свет* у них был надёжный. В отличие тех, кто ходил по Системе с деревянными дрынами, обмотанными паклей и тряпками, пропитанными общедоступным соляром. Как чадили эти факела, можно себе представить. От характерной дымовой завесы, что *волочилась* по штреку за такой группой, по-видимому и произошло понятие “волок”. То есть – дымовая подземная завеса.

Конечно, в хозяйственных магазинах можно было купить свечи. По цене, доступной всем. Свеча за 9 копеек горела ровно и ярко и несгоревшего парафина после себя практически не оставляла – но сгорала слишком быстро. В два раза “более важная её сестрица” за 18 копеек горела очень тускло (почему нельзя было оснащать её более толстым фитилём – загадка), оставляя к тому же массу неиспользованного парафина – зато хватало её аж на 12 часов. Наверно, именно тогда появились в подземном обиходе “ходовые парафинки” – разрезанная сбоку металлическая консервная банка с проволочкой сверху для ношения в руке. Огарок свечи, вставленный в такую баночку, не задувался при движении, – так малообеспеченные спелеологи первого поколения решили проблему “ходового света”. Поскольку электрический, благодаря советской плановой экономике, могли позволить себе не все.

Второе важнейшее для спелеолога – источник калорий для приготовления пищи. Конечно, оптимальным со всех точек зрения (до конца XX века) являлся примус «шмель»³⁵, – да вот беда: *в розничной продаже его невозможно было увидеть*. Микроскопические партии, что временами-таки поступали в магазины, расхватывались страждущими в течение часа.

Ну, двух.

У кого на дачных чердаках валялись отечественные изделия парогенераторного типа марки «рекорд», работавшие на керосине (рекорд чего это был – не знаю; уж точно не долголетия³⁶), чувствовали себя счастливыми. Прочие довольствовались банальными фитильковыми керосинками или кострами у входа. Дым которых нередко затягивало вовнутрь.

– Но всё это была фигня против романтики посещения подземли.

³⁵ Бессовестно ‘скоммунизденный’, то есть “содранный” с австрийского альпинистского примуса тридцатых годов, – это говорит как и об “уровне” работы нашей промышленности, так об её “творческих методах” и характерном “времени запаздывания” против мировых.

³⁶ Взрывались они страшно, а также забивались гостинцами “от фракции тяжелых углеводородов”. Ну и пахли соответствующе: *запах керосина* воспет ещё Джеромом К. Джеромом.

Ещё одно довольно важное понятие (по крайней мере при подземной ночёвке) – спальное место. И здесь я сделаю некоторое отступление:

— Дело в том, что российский спелеотуризм *изначально полагал ночёвку под землёй как само собой разумеющееся действие*. В отличие от западного спелеотуризма. И это тоже одно из существенных его отличий, – если говорить не о пропагандистских штампах “кто круче, перее и правильнее”, а об отличиях принципиальных. Случилось так потому, что первое поколение наших туристов генерации “конца пятидесятых – начала шестидесятых” не столько приходило в лес или в пещеры, сколько *уходило из города*.

Мотивация эта, представляющаяся мне важнейшей, была обусловлена чисто социальными факторами. В первую очередь – миром совка, царящем в городах. Его бюрократически-давящими регламентациями, пропагандой и интеллектуальной безвкусицей — неважно, на каком уровне воспринимаемой. Важно, что и токарь, и военный, и инженер, и студент к концу рабочей или учебной шестидневной недели *так охреневали* от ежедневного беличьего колеса “дом – давка в транспорте – работа/учёба/служба – очереди в магазинах – давка в транспорте – дом – телевизор/газета – сон”, что оставаться на воскресенье среди опостылевших бетонных или кирпичных стен *просто не считали возможным*. Прибавьте к этому традиционную совдеповскую жилищную неустроенность — ну куда, к примеру, было деться влюблённым студентам в выходные дни? Торчать в кинотеатре? Хорошо; для поцелуйных объятий там было самое место. Но для более интимной личной жизни кино подходило не более, чем забытые родственниками “в три наката” коммунальные (в большинстве своём в то советское время) хоромы. Учтите, что в нашей стране при коммунистах “секса официально не существовало” – застуканные в общаге во время полового акта студенты немедленно исключались из института, причём с максимально громким “разбором полёта” на общественном собрании. Дачи были счастьем немногих избранных властью или вороватого “торгового сектора” (равно как личные автомашины), – а потому ТЫСЯЧИ ЛЮДЕЙ С РЮКЗАКАМИ ШТУРМОВАЛИ ВЕЧЕРНИЕ СУББОТНИЕ ЭЛЕКТРИЧКИ.

«К чёрту будние заботы: с рюкзаками по субботам мы торопимся уйти в лесную даль; мы штурмуем электрички, сто дорог зовут привычно – и ругают нас, хоть уши затыкай...»

: В этих словах – всё. Как и в их продолжении: *«Отойдите, контролёры – не вступайте с нами в споры; пощипите дураков, чтоб штрафовать! Посмотрите: у нас сами даже девушки с усами — не мешайте нам “культурно отдыхать” ...»* Отношение к государственным структурам и пропагандируемой идеологии – вкуче с неким моральным превосходством над теми, кто остаётся в городе: *“...мы торопимся уйти в лесную глушь: нам навстречу дуют ветры, отступают километры – и костёр горит, как пламя наших душ...»*

А потому было даже не столь важно, куда. Важно – почему и откуда. Случалось и так: человек с рюкзаком и гитарой садился на вокзале у выхода из метро (на Павелецком это, например, было место “под шлямбуром” – ржавым

старым крюком, торчащим из стены меж бывшими уже метрошными “входом” и “выходом”) или у расписания электричек – и начинал наигрывать «Звенигород» Визбора, «Ну, пожалуйста» Дулова, «Деревянные города», «Канаду» иль «Кожаные куртки» Городницкого — и постепенно собирал вокруг себя поклонников данного автора или песни. Когда группа полагала себя достаточно укомплектованной, выезжали на первой подходящей по расписанию электричке. И по дороге решали, куда едут.³⁷

Соответственно, первые спелеологи, осваивающие подмосковные каменоломни (какое это было чудо-дивное открытие: оказывается, чтоб попасть под землю, вовсе не обязательно полгода копить деньги на поезд или авиабилеты – пещеры есть и под боком, – всего полчаса на электричке!..) не мыслили себе их посещения на час-другой. И полагали ночёвку под землёй естественно-неизбежной.

: Как в палатке в лесу у костра.

– На чём же спали под землёй “на заре советской спелеологии”?

Экспедиционный геологический спальник можно было приобрести у друзей, по осени возвращавшихся из экспедиций. В магазине можно было купить нечто, гораздо менее тёплое. Но-таки – можно. Или сшить-изготовить самому. (Как и рюкзак, брезентовый анорак или штормовку.³⁸) Однако в условиях подземли одного спальника было мало: температура сырого глиняного иль относительно невлажного каменного пола = +6° С. В качестве термоизолирующей подстилки многие применяли надувной резиновый матрас. Комфорт его прекрасно оправдывал себя на озёрном или речном побережье, а также при купании – но вот что до спанья под землёй... Боюсь, был несколько эфемерным. К тому же малейшая трещина – и считай, меж тобой и холодным полом нет ничего. Альтернативный вариант был: подобно альпинистам, шить матерчатые коврики, меж двух слоёв которых набивался раскрошенный шариковый пенопласт или вставлялись полоски из более жёсткого “пенистого”. Которые часто ломались.

Один мой знакомый решал проблему ночёвки просто: по дороге к пещере набирал мешок сена из попутного стожка, и спал на нём. Укутавшись телогрейкой. Не утруждая, конечно, себя последующем выносом из Системы наверняка сгниющей подстилки.

— Но трудности, связанные с отсутствием необходимого снаряжения, “романтиков первого поколения” не останавливали. < На *каких* верёвках и с *каким* “железом” проводились в этот период любительские исследования вертикальных пещер, могут поведать уцелевшие “старые спелеологи”; думаю, воспоминания их будут не сильно отличаться от

³⁷ Так возникли знаменитые “песни-пароли”.

³⁸ Факт, известный мне лично, а не по рассказам: первые свои пуховки и пуховые спальники Саша Морозов с товарищами создавал сам, используя в качестве источника пуха *пуховую перину*. Как при этом выглядела квартира (и некоторое время после), можно себе представить.

моих. Лично я слышал немало душераздирающих историй о применении бельевых верёвок в качестве основных, а также о самодельных карабинах, вытаскиваемых из проволочного прутка, самохватах из консервных банок – и прочем. >

: *ПОДЗЕМЛЯ ЗВАЛА И ПРИТЯГИВАЛА, ВЛЮБЛЯЛА В СЕБЯ – что были нам эти трудности?..*

: По барабану. Выживали – в смысле, оставались в рядах ходящих под землю – не только самые физически одарённые, но и самые талантливые, как конструкторы. Самые изобретательные на предмет достать что угодно там, где ничего нет, и соорудить любую нужное из лома, которого было навалом. А также сэкономить всё, что можно. Даже самую одноразовую вещь или приспособление использовать минимум два раза. И это ещё одно зримое отличие нашей любительской спелеологии от западной: *не только обязательные ночёвки под землёй и любовь к преодолению трудностей (у советского человека – уже в крови), но и необычайные ремонтно-конструкторские способности.*

– Мы ведь даже свечи научились пользоваться “по два и более раз”: парафин от сгоревших свеч собирается в естественно опустошённую консервную банку, растапливается, затем туда втыкается фитилёк, поддерживаемый проволочкой (можно даже: кусочек разлохматившегося комбеза), – и “стационарная парафинка” готова. *Как подобное изделие, помню, поразило наших западных друзей...*

— и как меня лично шокировало описание У. Холидеем своей первой подземной ночёвки, приключившейся с ним, когда он был уже весьма известным спелеологом, – как он мучился на надувном матрасе в пуховом спальнике, не в силах заснуть от дискомфорта,³⁹ –

– и как без слёз (от смеха, на нервной почве) мне было трудно дочитать о мучениях М. Сифра, “дающего дуба” В ДВУХ ПУХОВЫХ СПАЛЬНИКАХ НА РАСКЛАДУШКЕ В КОМФОРТНОМ ЖИЛОМ МОДУЛЕ⁴⁰...

— Да что свечи, когда в нашей стране и шариковые стержни умудрялись “дозаправлять” (а позже – вполне официально – фломастеры), – на всю жизнь запомнилась картинка, увиденная в детстве чрез некое полуподвальное оконце: цилиндрической формы агрегат с торчащими снизу стержнями, перед ним “заправщик” в синем халате и нарукавниках, – синих от разбрызганной пасты, то есть не равномерно-синих, а как бы пятнами. «Маскировочно-синих», – сказал бы теперь. То есть не только спелеологи — вся страна, прошедшая под руководством “КП=СС” страшную школу *выживания*, была способна на многое, немыслимое с точки зрения западного обывателя. И необывателя – тоже. Отсюда столь высокий уровень советского инженерного, автомобильного, радиоэлектронного и швейного *любительства*, – а теперь и компьютерного хакерства. Ибо в стране,

³⁹ У. Холидей «Приключения под землёй», ГЕОГРАФГИЗ, 1963.

⁴⁰ М. Сифр, «Один в глубинах земли», “Мир”, 1966.

где ничего невозможно купить или достать, желающий приобрести нечто поневоле учится это “нечто” создавать сам. (Или красть. Коль возможно.)

Сейчас может показаться удивительным, что подавляющее большинство спелеологов того времени в качестве своей городской профессии избрало работу театральных монтажников сцены — но ларчик открывался просто: эта профессия позволяла на халяву обзавестись не только карабинами, применявшимися в театрах при монтаже декораций, но также тросами, необходимыми для изготовления тросовых лестниц — основного снаряжения, применявшегося в шестидесятых годах при покорении вертикальных пещер. Как поведал мне в частной беседе один из примечательных спелестологов и спелеологов “первого романтического поколения” Петя Крот [П. Николаев], “в те годы *не спелеологов* среди рабочих сцены в московских театрах практически не было”. Сам Петя Крот считался очень богатым спелеологом: он располагал тросовыми лестницами общей длиной в 240 м. Естественно, театральная среда не могла не оказать своего влияния на формирующийся спелеоэтнос — мир театральной игры, представления, прикола во многом составил игровой мир российской спелеологии и спелестологии. Чем и определил — наравне с самодеятельной песней — её *артистическую* составляющую.

* * *

В начале шестидесятых мои родители, как и другие представители “научно-технической интеллигенции”, вполне освоили субботне-воскресные походы в лес; на счету была летняя отпускная поездка в Приэльбрусье (в горы отец влюбился столь же сильно и “с первого раза”, как я в Мир Подземли); естественно, на работах все делились впечатлениями о проведённых отпусках и минувших выходных. Узнав, что понятие “рюкзак” для моей мамы не является чуждым, Саша Морозов спросил:

– А под землёй побывать хотите? В настоящей пещере?..

: Не было тогда ни для кого деления мира подземли на “искусственный” и “естественный”, на “вертикальный” и “горизонтальный”. Будущие покорители сверхглубоких шахт и рекордсмены длительных подземных пребывания не просто *не гнушались* — полагали вполне естественным еженедельные “уик-эндные” посещения заброшенных каменоломен.

– В самом деле: коль душа твоя суть часть подземного мира, и без пещер тебе просто невыносимо жить,— разве можно отказаться от их посещения-изучения, благо добираться до них пресловутые “электрические полчаса”, и ещё “минут пятнадцать ходу”?..

: Мне думается, что нельзя. И так же полагали тогда (а Саша Морозов — всю жизнь) грядущие апологеты спортивной вертикальной спелеологии.

– *В настоящей пещере???* — изумлённо переспросила моя мама. Она-то полагала, что до них “только самолётом можно долететь”...

– В самой что ни на есть настоящей,— авторитетно подтвердил Юра Франц, работавший в той же комнате. (К сожалению, не помню его профессии;

спелеологическое настоящее запомнилось лучше: в честь его, например, было названо одно из силикатских “морей” – Море Франца. В те годы, наравне с Георгом Людковским и Данилой Усиковым, Юра был постоянным спутником Саши в его подземных экспедициях; позже пути их разошлись – почему, писать не мне. Мама моя работала в редакционно-издательском отделе ГИАПА редактором; Саша – переводчиком. *И каким: СЕМЬ ЯЗЫКОВ*, – “остальные со словарём”, –

: Именно от него я впервые узнал о Э. А. Мартеле, труды которого Саша перевёл на русский язык без всякой надежды на публикацию, – и он впервые поведал мне первоначальный, “авторский” вариант предания о Дзуликой.

– Сходство с бажовской Хозяйкой Медной горы я обнаружил сам. Годы спустя. Когда всерьёз занялся спелеомифологией, начал собирать по крупицам мифологическую информацию о подземном мире — рассеянную в религиозных культах, сказках разных народов, литературных произведениях – и был поражён их ничем, как казалось, необъяснимым сходством, –

Однако, закрываю эту раздувшуюся скобку:) – и возвращаюсь в майский день 1962 года.

Родители мои, конечно, загорелись идеей “пойти под землю”: каждому нормальному человеку свойственно любопытство. И каждый из тогдашних новообращённых туристов стремился при возможности испытать и увидеть что-то новое. *Мир в те годы просто распахнулся перед людьми – своим неожиданно открывшимся простором, свободой, чувствами и красками*, –

И было странно этим не пользоваться. Кстати, основные темы тогдашних философско-туристических песен – именно эти: распахнутость мира (“а распахнутые ветра...”), – зов дороги, ветер странствий, – свобода путешествующего человека — и новые горизонты, что открывались с каждым движением из города:

– “ветер рвёт горизонты и раздувает рассвет...”

: Думаю, многие в те годы впервые попали под землю именно так – со случайными знакомыми или коллегами по работе, от жажды увидеть и найти нечто новое, – *от буквальной романтики, что словно пропитывала воздух того времени* –

: В общем, от “моды на романтику”. На приключения и путешествия.

...: Действительно оказалось, всего полчаса на электричке. Потому что дороги нашей тогдашней я совсем не помню. < Каждые выходные до и после этого похода наша семья ездила с отцовской компанией то на Киржач, то на Рузу, то на Вору, – на туристические и песенные слёты, и просто отдохнуть, покататься, собрать грибы или приготовить шашлычок; зимой каждые выходные ходили на лыжах на 20 ÷ 30 км, — *те дороги* очень хорошо помню. А вот эту, столь для меня важную – нет. >

К “дыре” (буду пользоваться современной устоявшейся терминологией) подошли, когда уже темнело.

: Здоровенная яма-карьер, в ней некое устройство из металлических ферм с

ковшом — как теперь понимаю, специальный карьерный экскаватор. И транспортёр для отсыпки добытого камня. Пока переодевались, стемнело. Что для меня тогда была “пещера”? Просто слово... Но всё ж отчего-то понимал: да, вот она, *именно пещера, — самая настоящая, — и сейчас я в неё войду...*

: Словно предчувствуя Будущее, прекрасно осознавал, что происходит. В четыре года. И потому запомнил — на всю жизнь. Каждую, наверно, минуту своего Первого Подземного Похода.

< Теперь — знаю: Мир не только состоит из ветвящихся Мировых Линий, — любая сущность Мира иль процесс, явление, действие описываются неизмеримым числом *информационных матриц*. Резонанс которых “имеет место быть”, ибо среди сонма колебаний, вибраций и частот, что соответствуют как бы дискретным описывающим Мир матрицам, всегда найдутся одинаковые иль бесконечно сходные. А дальше дело тренировки. И потому никакой загадки в экстрасенсорике нет, — есть набор заблуждений в волоке пустопорожних философий и всеобщей безграмотности, и есть действительно не познанное до конца, но познаваемое явление.

: Резонанс меж близкими родственниками в силу генетического (иль психологического: в случае супругов) сходства фиксировался достаточно часто. Приписывался “телепатии”.

— *Резонанс с самим собой, как бы будущим, — то есть “угадывание” наиболее вероятных и сильнее по этому проявляющихся грядущих Мировых Линий — много чётче, чем гадание профессиональных цыганок, “пользующих” это явление. (Интуиция наша — отсюда, как и предчувствие каких-либо событий.)*

Вся моя будущая жизнь так или иначе сопрягалась с Миром Подземли — вот я и “почувал себя грядущего” детским, незамутнённым школьными догмами, разумом.

: Такое можно дать объяснение. >

... Вошли во вход, — тогда в него можно было войти в полный рост. Начал накрапывать дождик; со скального выступа над входом занавесом струи воды. За ними корни деревьев. Из щелей меж камней. В свете фонаря тут же — развилка. “Т”-образная, ход влево и вправо. Правый широкий, слева почти до потолка — вал серой земли.

— Нам влево, — говорит Саша. Удивляюсь, почему: ведь справа — шире и выше...

— А там через пять метров тупик, — поясняет Юра.

Переползаем-перекатываемся через земляной вал, дальше штрек. На полу рельсы. И лежащая на боку вагонетка.

Сразу понимаю — наверно, тем же предчувствием-предупреждением из будущего: вот она, ценность. Осталась от разработчиков.

— *В будущем каждая такая находка под землёй будет с восхищением и трепетом рассматриваться со всех сторон, фотографироваться...*

... Идём по штреку меж рельсов. Развилки: остроугольные, ходы всё время уходят вправо. Куда-то далеко в центр Системы. Не сворачиваем лишь в один

левый ход – там тоже тупик.

Идти по штреку страшно интересно. И *неимоверно интересно*: что там, за поворотом — куда уходят правые штреки? Соединяются-ли между собой, можно-ли, если пойти по ним, снова вернуться в это место – но с другой стороны?..

— Приходим в грот. На полу в ряд ровные обтёсанные плиты: остались от разработчиков. Почему не вывезены наверх, – и почему оставили вагонетку?..

: Непонятно.

На ровные плиты родители и Саша с Юрой стелют надувные матрасы и спальники. Сбоку щель; ведёт влево и назад. Вспоминаю, что слева, совсем недалеко, видел ещё один грот. Пока родители возятся с вещами, аккуратно удаляюсь туда со своим фонариком (сказано было, что там туалет – и удаляюсь я действительно по нужде, строго, куда обещал: понимаю, что *потеряться...*), – сделав, что обещал родителям, осматриваю щель в правой стене грота. Кажется: она может соединиться с гротом, где остались взрослые, – а вдруг та, что оттуда уходит в эту сторону, и эта — одно и тоже?..

: Такая цепь рассуждений. Втискиваюсь, покоряю. Оказываюсь прав – появляясь в нашем гроте с той стороны, откуда меня меньше всего ждали.

: Получаю честно заработанный подзатыльник, – первую свою спелестологическую награду.

Но чувствую себя при этом не хуже Колумба в самый знаменательный день его жизни.

< *О, если бы знал — сколько их будет потом: таких наград... Соответствующего масштаба и силы. Впрочем, если б и знал – что с того?..* >

Потом мы с Юрой Францем идём за водой. Вдвоём. По дороге встречаем некий весёлый народ, – красиво горят бенгальские огонёчки, у многих в руках парящие под сводом воздушные шарики (один, приняв “бенгальскую искру”, с оглушительным грохотом лопается), – невеста в белой фате... «Свадьба под землёй?»

– Почему бы и нет? Как-то нормально всё воспринимается. Будто так и надо: ни одной догмы в сознании. “И в подсознании примерно столько же”.

< – Эва! Отзовитесь, те далёкие молодожёны, – когда развелись, и почему?.. А вдруг я-таки принёс вам Счастье – и “серебряную” там же отметив, подумывайте вы о золотой??? >

: Возвращаемся в грот. Франц и Морозов долго, очень долго возятся с агрегатом, называемым ими «Петькой». Кажется, моя мама сильно злится: «ну когда же, когда?...»

– Колпачок полетел, – ставит диагноз Морозов. Довольно неутешительным голосом.

– Есть ещё один, – говорит Юра, – я взял.

Меняют неведомый мне колпачок, снова колдуют — и вдруг ослепительно-белый свет вспыхивает под днищем кастрюли, установленной на агрегате, – заликает собой грот...

: “Петромакс” – так называлось это устройство. Как говорят, по именам изобретателей Петра и Макса. Очень немногие счастливицы могли тогда похвастаться его обладанием, – производился он в Венгрии, и вывезти его из страны было то-ли страшно дорого, то-ли просто не разрешалось.

В те годы. Но, возможно, не разрешался ввоз в нашу страну – в пропитке асбестового колпачка использовались соли цезия и тория, и власть вполне могла счесть их “ядовитыми”. Или потенциальных советских потребителей – не в праве обладать в домашнем пользовании столь секретными химическими соединениями.

А идея-то была простая: каталитическое свечение. Потому как CsCl и ThNO₃, смешанные в определённой пропорции, дают при нагреве до 600° C бело-жёлтый свет. Яркость которого (как и спектр) определяются соотношением солей, плотностью пропитки асбестового колпачка и температурой нагрева. Теперь подобных агрегатов, работающих на газе, в нашей стране “хоть ж. жри”, –

< не зря ходили в августе 1991 к Белому Дому, позже сказавшемуся жёлтым, затем чёрным, а после снова покрашенным в “радикальный белый цвет”... >

— тогда же единственной возможностью оснаститься подобным спелеологическим чудом был путь его самоконструирования. Методом проб и ошибок.

: Подбирали толщину отверстия форсунки примуса, толщину колпачка, плотность пропитки и процентное соотношение солей (какими путями доставали столь экзотическую “химию”, догадаться не трудно: хитили с секретных производств), – ничего не получалось, пока не выяснили: единственный нормальный вариант работы такого устройства – когда у примуса “шмель” снимается верхний металлический колпачок-отражатель, вместо которого ставится, прижатый металлическим кольцом, его асбестовый аналог. Пропитанный в нужном соотношении солями.

По-моему, Морозов был первым, кого осенила данная идея. Кстати: не одним изобретением “русского петромакса” был славен Саша Морозов – на всевозможном ‘железе’ его конструкции целое поколение спелеологов покорило сотни вертикальных пещер. Саша первым разработал тактику и стратегию штурма глубоких пропастей, в основе которой (в отличие от догм западной спелеологии) был принцип долговременного пребывания и неспешного “врастания” в исследуемую полость, – соответственно, Сашей и его товарищами были впервые сконструированы необходимые для таких пребываний элементы экипировки, сделавшие пребывание под землёй (в более, чем экстремальных условиях) достаточно комфортным – тёплое изотермическое нательное бельё, гидрокомбинезоны специального спелеологического назначения (ибо официально производимые во всём мире ‘гидры’ предназначены исключительно для подводного плавания, но никак не для сложнейшей работы под землёй, на верёвках в окружении разнообразного ‘железа’ и шкурников), особой конструкции спальные мешки, автономные транспортные модули, подземные

палатки и многое другое —

: достаточно быстро сашины идеи о “неспортивном поведении в пещерах” — то есть о естественной доминанте спелеонавтического отношения к Подземле над спелеоспортивным — пришли в противоречие с исключительно спортивно-кондовым отношением к пещерам спелеологов типа Илюхина; конечно, Саша и его товарищи (а за ними сотни действительно стоящих спелеологов) “послали спортивную спелеологию товарища Илюхина в полость, не столь отдалённую” — и хотя перед тем как бы принимали некое участие в деятельности “официальной спелеологии”, всяческие отношения с ней расторгли. Но случилось это через несколько лет —

— На другой день уходим “гулять” по Системе. У Юры садится свет, и с собой берём фырчащего “петьку”. В его ослепительных сполохах кажется, что свет у остальных тоже сел. Мои родители не выказывают восторга прогулкой — в отличие от меня. Штреки, рельсы, залитые тонким зеркалом воды гроты, грязь на полу. Через которую меня перетаскивают на руках (в основном Франц, расставаться с которым я не желаю; Морозов воспринимается настолько главным в этом выходе, что подходить к нему и о чём-либо спрашивать просто не решаюсь).

: Бог Подземли, занятый сложной и непонятной мне работой. Идёт впереди, придирчиво осматривая то бутовые, то монолитные стены штрека. Пол впереди плавно поднимается, почти смыкаясь с потолком,— затем поворачивает чуть влево и затыкается то-ли монолитом, то-ли бутовой стенкой. Мне сзади, из-между родителей, не видно. Вперёд меня не пускают.

Морозов отходит чуть назад (родители ворчат, но что они могут возразить Ему?..) и говорит, указуя рукой в заложенную бутом до потолка стену — на взгляд, неотличимую от точно таких же справа и слева:

— Здесь.

— Они с Францем начинают её разбирать. Отец немного помогает им, мама удерживает меня поодаль.

Через какое-то время в низком проходе становятся видны лишь ноги Франца — он принимает у Морозова вынимаемые камни и передаёт их моему отцу, который складывает их справа и слева от входа в раскоп. Потом,— ещё через какой-то промежуток времени,— Франц и Морозов вываливаются обратно в штрек (мама моя и отец на два голоса уже умоляют их “прекратить всё это и возвращаться домой”,— потом узнаю из разговоров с родителями, что отец испытывал сильнейшую клаустрофобию — остаётся отдать должное его мужеству: *провести с подобным острым приступом сутки под землёй — подвиг*).

— Попробуй пролезть,— предлагает мне Морозов,— кажется, выбились.

Мама и отец против, я за — и побеждаю. Трое против двух. Проползаю легко — мне ведь всего четыре года! — почти выпадаю в грот, что кажется мне ПРОСТО ОГРОМНЫМ в тусклом свете моего фонарика (с плоской батареейкой и линзой — я потом долгие годы хранил его, как талисман и пользовал при своих, в тайне от родителей совершаемых исследованиях коллекторов и подвалов),— какая-то колонна впереди; ходы уходят влево, вправо и вперёд — и

самое удивительное: под ногами рельсы, но какие-то странные, две дощечки с набитой на них жестяной полосой...

Ору назад в проход:

– Здесь всего полно! Лезьте сюда!

: Как будто сделать это им так же легко и просто. Но как-то пролезают, просачиваются. Под грохотанье и скрежет расталкиваемых и выдавливаемых вперёд, ко мне камней. Потом мы долго, очень долго гуляем по этой новооткрытой системе. До полного озверения моих родителей.

А потом возвращаемся в грот. И домой.

Но я остаюсь там – в Системе Силикатная, всей своей четырёхлетней душой и сердцем. То есть — В МИРЕ ПОДЗЕМЛИ.

ИСТОК

«Если все шагают в ногу...»

– Ну, стало быть, “спелеологию разрешили”. То есть прекратили “запрещать”. И на том, как говорится, спасибо. Посмотрим, как дальнейшие события освещаются казённой печатью, – заодно, как водится, попытаемся поймать дополнительный кайф от стилистики изложения. Цитирую по той же книге В. Н. Дублянского и В. В. Илюхина «Путешествия под землёй»:

«С 1958 – 1959 гг. начали активные спелеологические исследования научные коллективы Института минеральных ресурсов (Симферополь), Института географии им. Вахушти (Тбилиси), Пермского, Самаркандского, Казанского, Иркутского и других университетов. Несколько позже к ним подключились организации геологической службы. Большую роль в координации исследований сыграли Междуведомственная комиссия по изучению геологии и географии карста и Комиссия карста и спелеологии АН СССР, а также Всесоюзный институт карстоведения и спелеологии.

Начало творческого содружества учёных и спелеологов-любителей, во многом определившее направление развития советской спортивной спелеологии,⁴¹ было положено совместными работами спелеологов и сотрудников Комплексной карстовой экспедиции АН УССР в Горном Крыму. В 1958 – 1962 гг. здесь было проведено несколько десятков совместных экспедиций с участием спелеологов-любителей из Симферополя, Ялты, Севастополя, Москвы,

---

⁴¹ Охренть: серьёзные научные учреждения занимаются не подготовкой “спелеологических научных кадров”, а... организацией спелеоспорта. С тем же успехом ИГАН или МГРИ могли ковать туристическо-песенные кадры; ИАИА развивать спортивный лыжный туризм... Ну а ленинградская мореходка – плодить туристов-байдарочников.

Киева, Харькова, Свердловска, Перми, Красноярска, Новосибирска, Томска и многих других городов страны. Во время экспедиций разрабатывались основные положения техники и тактики спелеологического туризма, создавалась методика комплексного изучения пещер и шахт, рождались первые, рабочие варианты их спортивной и научной классификации. Костяком инструкторского состава советских спелеологов в это время стали туристы и альпинисты, перенесшие под землю свой опыт работы в горных районах СССР⁴². Определялись новые формы подготовки спелеологов – школы предлагерной подготовки и спелеолагеря.

В 1958 – 1962 гг. возникли спелеологические секции в Москве и Ленинграде, Свердловске и Красноярске, Львове и Тернополе, Новосибирске и Перми, Краснодаре и Тбилиси⁴³. Завершением организационного этапа явился Первый Всесоюзный слёт спелеологов (Крым, 1962). С этого момента спелеотуризм утвердил себя как общественное движение, прочно вошёл в систему советского туризма. Руководство спелеосекциями осуществляла Центральная секция спелеотуризма, а с 1977 г. – Комиссия спелеотуризма Федерации туризма Центрального совета по туризму и экскурсиям ВЦСПС⁴⁴.

В постановлении президиума Центрального совета по туризму и экскурсиям, принятом в 1964 г., чётко сформулирована основная задача спелеологического туризма: «Разведывание и изучение пещер, с тем, чтобы эти замечательные памятники природы стали достоянием широких масс трудящихся нашей страны». Этим постановлением советам по туризму и экскурсиям рекомендовано «направлять работу секции на разведывание и изучение пещер в целях использования их как экскурсионных объектов; организовывать в секциях

---

⁴² Вообще, конечно, сильно непонятно – какого рода спелеоопытом могут располагать туристы-альпинисты... Потому как *даже верёвочная техника* в альпинизме и горном туризме *принципиально иная, чем в спелеологии*. Ибо задачи решает несопоставимо-разные. Но пусть даже и так – “за отсутствием гербовой пишем на простой”, и на безрыбье доспелеологической в принципе эпохи сгодился опыт горников и альпинистов — пусть так. Тогда самое интересное: спустя десять лет организаторы советской спелеологии начисто позабыли, откуда взялся их первоначальный спелеоопыт – запретив административными ограничениями любой приток в спелеологию “кадров со стороны” и дозволив официально заниматься ей лишь тем, кто набирался драгоценного опыта под их мудрым руководством.

⁴³ Обращаю внимание Читателя: не были организованы при поддержке перечисленных выше организаций, а *возникли*. Каким образом и по каким причинам, я уже поведал.

⁴⁴ Как обычно, коммунистические пропагандисты нам навязывают свой вариант истории, выдавая желаемое за действительное. На самом деле спелеосекциями, вошедшими в “официальную систему профсоюзного туризма и отдыха”, было охвачено не более 15 % всех, занимающихся спелеологией (по мнению В. Мальцева “две сотни человек из нескольких тысяч”, то есть и того меньше); к чему это привело в конечном итоге, я поведаю в одной из следующих глав.

обучение туристов-спелеологов правилам поведения в пещерах, технике и тактике спелеотуризма, специальным навыкам в изучении пещер...»⁴⁵

1962 – 1980 годы стали временем активных спелеологических исследований. В различных карстовых областях страны спелеотуристами было открыто и пройдено более 3,5 тысячи различных пещер и шахт. К 1981 г. число известных пещер и шахт составило более 4,5 тысячи (табл. 1)⁴⁶.

Глубина 100 м была впервые достигнута в 1959 г. в шахте Каскадная (Крым), 200 м – в 1960 г. в шахте Ткибула-Дзеврула (Кавказ), 300 м – в 1965 г. в шахте Назаровская (Кавказ), 400 м – в шахте Октябрьская (Кавказ), 500 м – в 1969 г. в шахте Осенняя-Назаровская (Кавказ), 700 м – в 1972 г. в шахте Снежная (Кавказ), 900 м – в 1976 г. в шахте Киевская (Алай), 1000 м – в 1979

---

⁴⁵ Ну, если Главная Цель спелеологии – чтоб “широкие трудящиеся массы” хлынули под землю... А основная задача обучения – подготовить для этого идиотского сверхподвига должным образом ориентированных кадров с некими “специальными навыками” (интересно, кстати, было бы узнать: с какими конкретно?..), – *пардон: такого рода “спелеологией” заниматься отчего-то не хочется.* < Не премину заметить в исключаяющих уголках – ибо к данной теме мне, к сожалению, неизбежно придётся вернуться – даже один из создателей системы официальной советской спортивной спелеологии, В. Н. Дублянский спустя 30 лет пришёл к неизбежному выводу: *с созданием этой самой “системы”, основанной на тесном взаимодействии с властью, как-то удивительно точно промахнулись мимо самой спелеологии: то есть того, что понимается под действительным изучением пещер во всём своём многообразии. И призвал, как минимум, “бороться с экологическими последствиями чисто спортивного использования пещер”* – см. стр. 489 его книги “Занимательная спелеология”; впрочем, эта мысль излагается в несколько смягчённых вариантах и на других страницах. >

⁴⁶ Нет никакого смысла приводить здесь эту безумную таблицу, ибо ЧТО спелеологу могут сказать, к примеру, следующие “данные”: количество пещер в районе – 200, суммарная длина их ходов – 50 км; общая глубина – 3000 метров... *Ну просто смешно* — ведь от бездумного суммирования глубин всех пещер ни одна из них глубже не станет, как ничего не скажут человеку, собирающемуся в конкретную пещеру, некие “средние пропорции” пещеры данного региона: *двух одинаковых пещер нет и не может быть, потому как – не бывает.* К тому же очевидный факт: в одном районе может быть сто пещер средней длиной в 100 метров и одна пещера-гигант в 100 км; в другом районе все пещерные полости равномерно распределяются меж длинами от 10 метров до 10 километров (то есть всех пещер – поровну); в третьем гауссово распределение: на одну пещеру в сто километров приходится 10 длинной в 10 км и 100 пещер в 1 км... Так что даже усредняющие подсчёты, столь любимые коммунистическими статистиками, на деле НИЧЕГО НЕ ГОВОРЯТ. За полной своей абсурдностью. Но тянет на математические экзерсизы лиц, привыкших считать суммарное количество чугуна и стали “на душу населения в стране” – и козырять этим пред всем миром: – ах, как у нас всего помногу!..

г. в шахте Снежная (Кавказ). Зарубежной спелеологии понадобилось более 200 лет, чтобы покорить глубины 1000 и более метров. Советские спелеологи преодолели этот рубеж за 20 лет.»

: Пожалуй, хватит. Ибо по логике авторов последнего перла монгольская космонавтика гораздо передовее совковой, — сколько лет у них ушло, чтоб подготовить своего космонавта и запустить его в космос? Явно меньше, чем понадобилось С. П. Королёву и всем нашим секретным КБ, чтоб запустить на один космический виток вокруг Земли А. Гагарина. Не нравится пример с Монголией — пожалуйста, Индия. Или Норвегия, Япония, Франция, Китай. Тоже космические державы. На запуск своих первых спутников затратили явно меньше времени, чем мы на наш первый.

— Но вернёмся к спелеологии. Ясное дело, рекорды глубинных спусков могут ставиться лишь в тех пещерах, что простираются на рекордную глубину; от спортивной подготовки спелеолога наличие таких пещер не зависит. И конечно, дешёвые игры с числительными не могут закомпостировать мозги тем, у кого они есть. Как известно читающим книги Кастере, западная спелеология достигла перечисленных выше глубин в годы, когда так называемой “советской спелеологии” *в принципе не было* — и быть не могло: ни как науки, ни как вида туризма. Согласно интеллектуальному цензу вождей нашего народа и их понятию о человеческом досуге и отдыхе.

Соответственно, у нашей спелеологии не ушли десятки лет на разработку приемлемого снаряжения, средств освещения и приспособлений для покорения вертикальных подземных полостей; когда запретительная плотина прорвалась и спелеологией стало возможным заниматься — был востребован доступный западный альпинистский и спелеологический опыт вкупе с общетехническими достижениями цивилизации (тот же электрический свет и примуса — к примеру). И конечно, подобно индийской или японской космической промышленности, наша спелеология быстро достигла “зияющих глубин”.

Однако, что довольно важно, так и не достигла в своём развитии старшей сестрицы.

: Причин тому несколько. Назову три, по моему мнению, важнейшие. Первая — ужасающее отставание нашей страны во всём, что касается технического обеспечения современного человеческого бытия. Не будем говорить о количестве частных самолётов и вертолётов на душу населения в стране *в коммунистические годы*, — но элементарный автотранспорт, позволяющий добраться до исследуемого района... Свет — во всех своих вариантах — для посещения полости и работы в оной: карбидки, шахтёрские осветительные системы, именуемые “коногоны” — разве продавались они в магазинах?.. Да что — коногоны, когда лампочек и батареек к банальному фонарику было “днём с огнём не сыскать”!.. Мой приятель, например, целый сезон отходил под землю с детским игрушечным торшерчиком: его, по крайней мере, можно было купить в “Детском Мире” («Громкость света регулируется укручиванием лампочек!» — с достоинством рекламировал он это приобретение, — и действительно: лампочек было две, и “громкость света” поддавалась грубой механической регулировке; кстати, надёжность устройства была в два раза выше, чем у однолампоч-

вого фонарика),– но ладно: “Детский Мир” в Москве. *А что можно было приобрести на периферии???* Про “петромаксы” и примуса я уже говорил; замечу только, что ВСЕ совдеповские модели примусов – краденные с западных конструкций тридцати-сорокалетней давности. Например, примус “Огонёк” – фактически “Эдельвейс”, штатный примус вермахта (отличия незначительны, но все они касаются удобства эксплуатации и надёжности,– в какую сторону отличается “Огонёк” от прототипа тридцатых годов, догадаться нетрудно). Доступные для законного приобретения верёвки для работы под землёй были физически непригодны; единственное выпускавшееся в стране на начало шестидесятых альпинистское металлическое изделие – карабин Абалакова – в розничную торговлю также не поступал. Откуда же их доставали первые спелеологи-любители?

: Не загадка. Крали. Как позже приходилось красть капрон и парашютный шёлк для анораксов и палаток, авизент и “мелиоративку” для трансов, капроновые верёвки – отовсюду, где они плохо лежали. Конечно, тотальный дефицит всего – вкупе с недоступностью для интересующихся масс западной спелеологической периодики – породил невиданный взлёт инженерно-конструкторской мысли (с несколько уголовным оттенком),– но он же и отбросил нашу спелеологию в развитии. На сколько лет, даже не вопрос. Ведь зачастую нашим спелеокулибиным приходилось изобретать велосипеды, от которых ещё в довоенные годы отказались спелеологи на Западе,– что ж до их последних технических новинок... < Важнейший принцип комплектования спелеогрупп в шестидесятых/восьмидесятых годах: *обязательным* считалось иметь в группе токаря, работающего на заводе. Для чего – понятно. Ведь даже экспедиционные каны приходилось изготавливать самим,– а уж ‘верёвочное железо’... Квартира Саши Морозова – точнее, маленькая комнатка в коммунальной квартире – например, представляла собой дивное сочетание подпольного цехового производства: токарного, швейного и пухового одновременно. С “элементами” химической, радиотехнической, гальванической и геологической лабораторий. Прибавьте массу профессиональной литературы, толстые тома словарей и справочников (как уже говорилось, Саша был переводчиком *высочайшего класса*),– а также неизбежное сосуществование со всем этим, точнее, *во всём этом*, семьи... >

Ещё один крайне важный дефицит — карты страны. Все более-менее точные карты *считались секретными*. Обладать ими простой человек не мог. Потому как права не имел. Те же, что назывались “туристическими”... *Целый отдел Главного Управления геодезии и картографии занимался тем, что ‘препарировал’ секретные военные карты “для массового туристического пользования”:* сжимал и растягивал их во всех возможных направлениях, убирал дороги и населённые пункты, точную топографию заменял убогими планами/схемами и некой “визуальной проекцией”,–

: В общем, “двух одинаковых карт одного района не было, потому как быть не могло”.

Если кто-то попробует сказать, что это не тормозило развитие отечественной спелеологии – ХА!!! И не надо списывать весь этот дефицит на “вражье

империалистическое окружение” и на экономические трудности: никакая экономика не запрещает издавать туристическую литературу или переводить соответствующей направленности западную. И коль токаря в свободное время на заводах из отходов и сэкономленных материалов могли точить рогатки, самохваты, ретрамы и прочее,— как занимались этим по вечерам на дому “спелеологи интеллектуальных профессий”,— кто мешал тому же заводу делать это на профессиональном уровне?.. Ведь сейчас почему-то не мешает...

Вторая причина отставания нашей спелеологии от западной — безусловно, крайне низкий её интеллектуальный старт. В том смысле, что на старт наши спелеологи выдвинулись тогда, когда в западной спелеологии сменилось, как минимум, четыре поколения исследователей. А это значило — были наработаны культурные традиции посещения и исследования полостей, сложились спелеологические школы, выдвинулись исследователи, благодаря широкой литературно-лекционной деятельности хорошо известные общественности — с замечательной обратной связью, генерирующей новые поколения спелеологов; были отработаны механизмы общественного и государственного финансирования экспедиций, адекватного освещения их в прессе и прочих средствах массовой информации; сложившиеся спелеоклубы имели традиционные связи с администрацией исследуемых районов и армией, организациями бойскаутов и научными учреждениями,— мало того: в западной спелеологии к шестидесятым годам наметилось несколько ветвей развития (к примеру: длительные подземные пребывания, спелеомедицинские и биологические исследования, спелеология горизонтальная и вертикальная, собственно карстоведение, гидрогеологические и археологические исследования, спелеодайвинг, музейно-экскурсионное направление, пикниковый спелеотуризм, фотоспелеология, промышленная спелеология, исследование разнообразных подземных пустот антропогенного происхождения,— etc.). И что существенно, ни одна из этих ветвей не полагалась ведущей или главной; одни и те же исследователи с успехом могли работать по заказу подземного музея или спелеобиологов, обследовать старинные коммуникации или каверны близ строящегося водохранилища, штурмовать неприступные “вертикалки”, а на следующий сезон — лабиринты и обводнённые полости... При том, что у каждого исследователя, конечно, складывались свои личные пристрастия или приоритеты.

Но ведь это — нормально, не так-ли?

: НЕНОРМАЛЬНО — когда представители какого-то направления вдруг объявляют его “генеральным”, а всё остальное предают анафеме. И здесь я не могу не перейти к третьей причине, что, безусловно, сильно тормозила развитие советской спелеологии.

: Как ни странно, это — её гипертрофированная централизация. Патологическая жажда совковых функционеров всё заорганизовать и направлять,— при чём, естественно, только в соответствии со своими личными убеждениями,— нанесла нашей спелеологии *такой урон, который не измерить и не описать никакими цифрами и эмоциями*. В самом деле, какими словами выразить отсутствие самой возможности хотя бы ознакомиться с альтернативными направлениями спелеологических исследований,— иных вариантов отношения к

Миру Подземли,— методик и ценностей подземного бытия, исключённого довлеющим совком из списка “дозволенных”? Сколько потенциальных спелеонавтов, спелестологов и спелеотуристов при знакомстве с официальной системой посещения пещер и спортивно-регламентированного бытия в оных *просто ушло из спелеологии в полном разочаровании — не найдя себе места среди спортивных рекордов и подвигов???* Вряд-ли можно ответить на этот вопрос.

Спелеология Запада по своему генезису была союзно-клубной; каждый клуб выступал на равных с другими, культивируя какие-то свои традиции — взаимно влияя и обмениваясь информацией, конечно,— но ведь в голову не могло прийти, скажем, марсельскому клубу подчинить себе какой-либо из парижских, или наоборот. Равно как американским спелеологам диктовать своё понимание пещер французским или итальянским коллегам. Представьте совсем анекдотичную ситуацию: мсье Сифру некая “парижская спелеокомиссия” *не позволяет* заниматься длительными подземными пребываниями в Итальянских Альпах, исходя из своего личного понимания того, чем и как надлежит заниматься спелеологу под землёй,— когда же Сифр при поддержке, допустим, ТВ и прессы залезает в какую-то пещеру — его вынимают оттуда против его воли силами жандармерии и некого созданного специально для этой цели “спасотряда”... Немыслимая ситуация, верно? А представить себе ситуацию, в которой партийный фюрер районного разлива отдаёт приказ “в целях безопасности спелеологов залить пещеру бетоном” — и спелеологи не только не имеют никакой возможности оспорить это варварское до абсурда решение,— хуже того: *вынуждены дружно его выполнять, борясь с противниками “в собственных рядах”,— такую ситуацию применительно к Америке, Германии или Франции вы представить можете???*

— А вот у нас...

: В условиях отсутствия какой-либо возможности свободно обмениваться информацией — чертежами снаряжения, описаниями пещер и методик их исследования, составленными спелеотопосъёмками, картами карстовых районов, результатами архивно-исторических поисков⁴⁷, сборниками фольклёра⁴⁸,— в условиях тотального дефицита снаряжения и элементарного запрещения на государственном уровне посещать многие районы страны “по туристическому приколу” *официальная жёстко структурированная спелеоорганизация быстро*

⁴⁷ Этот момент следует прокомментировать особо: знает-ли мой современный Читатель, что в славное коммунистическое время все исторические архивы хранились под более, чем надёжным замком, именуемым “спец-допуском”? Знает-ли он, что в сороковых/пятидесятых годах должным образом натасканные архивные крысы подвергли все исторические документы надёжной “спелеозачистке”, ликвидировав упоминания о подземных пустотах, тайных ходах и каменоломнях — слава Богу, делалось это с обычной совковой небрежностью, а потому некоторые документы-таки остались целы,— однако, доступность их была весьма и весьма эфемерной...

⁴⁸ Напоминаю: любая самиздатовская продукция при коммунистах автоматически “тянула на статью”,— какой обмен, какие “самодеятельные издания”???

подмяла под себя “неорганизованных любителей”. Возможно, планировалось-делалось это, как всегда, с самыми благими намерениями. По крайней мере, снизу. И в какой-то степени созданная система предоставила любителям некоторое экспедиционное снаряжение и возможность посещения закрытых для прочих районов. В том числе и “на халяву” – за счёт взаимодействия с “большой наукой”. (Впрочем, халява была взаимной: как бы исследовали открываемые вертикальные полости кабинетные геологи и карстоведы без должной эксплуатации построившихся энтузиастов?..) Да,– система создала некие библиотеки данных по пройденным и изученным пещерам; подарила официально признанным спелеоспортсменам закутки в прозябающих районных турклубах для еженедельных занятий и встреч. Да, организовала работу контрольно-спасательных служб [КСС] и взаимодействие с ними экспедиционных, “официально выпущенных на маршрут” спелеогрупп,–

НО —

Что до “работы КСС” – скажу кратко: то, что для “организованных”, то бишь официальных групп по крайней мере не было злом — для прочих стало погибелью. Потому как функции этого органа заключались не в спасении попавших в беду. *А в недопущении в спелеорайоны тех, кто не желал подчиняться “диктату московского центра”.* Кто видел спелеологию иначе, чем пара назначенных лидеров.

Не стоит принимать всерьёз и создание “банков отчётов”: как, например, мог пользоваться спелеолог из Владивостока библиотекой московского горклуба – в случае планирования грядущей спелеоэкспедиции? А никак. Библиотека не Интернет, и расстояния в нашей стране такие, что не больно-то ради пары справок поездишь туда-сюда. Значит, изначально обладатели архивов ставились в доминантное положение по сравнению с прочими. Потому как ради получения справочного материала – изволь на поклон: ну представьте, станет-ли некий служащий в горклубе Вася по письму неизвестного ему Пети из Мухосранска, где и клуба-то официального нет, копировать десяток заинтересовавших неведомого Петю отчётов?.. Копировать – от руки, включая карты: любая множительная техника в стране советов приравнивалась к... Тут термин подобрать сложно. Ибо даже *печатающие машинки* (в совке именуемые *пишущими*) считались множительной техникой, способной подорвать строй; при покупке со шрифта каждой делался контрольный отпечаток со всеми нюансами расположения буковок и отправлялся в спецотдел КГБ, ведающий учётом владельцев машинок. Так что для кого было создано “библиотечное благо” – *и при этом никакой попытки организации пусть даже распространяемого по спецклубной подписке ежемесячного спелеоальманаха* — догадаться не трудно. Кстати, группа Пети из Мухосранска строго была обязана по прохождении какой-либо пещеры сдать свой отчёт об этом в библиотеку горклуба: иначе её не выпустили бы на следующий аналогичный маршрут.

И ещё один важнейший момент. Само по себе устройство совкового бытия с жёсткой централизацией/регламентацией всего, что возможно, исключало появление дублирующих структур: коль “союз писателей” – один единственно возможный, ибо если ты полагаешь себя *советским писателем* — зачем тебе

иной творческий союз?.. Коль “академия наук” – одна марксистски-правильная, прочее же – не наука; коль “профсоюз” – ясное дело, один на все виды трудовой деятельности. Так что раз была создана некая “централизованная спелеоорганизация” (да ещё с ударно-заклинательным префиксом “советская”!) — остальные обязаны были “подвинуться”: либо самораспуститься, либо влиться в её стройные ряды. Несогласие с принципом единственно верной и административно допустимой спелеологии приравнивалось к разновидности диссидентства, ибо противоречило *сути совка*.

А потому в результате проведённой по совдеповскому сценарию “организованной централизации спелеологии” спелеологи СССР в первую очередь получили: потерю индивидуальности спелеогрупп, вынужденных регламентироваться в соответствии со сверхцентрализацией официального спелеодвижения – раз. Навязывание этим группам неких убеждений и принципов работы, – а значит, и приоритетов в исследовании, – два. Подавление местных авторитетных лидеров, не согласных с “установками центра” – три. Неизбежная кулуарная организационная борьба – за всё: от тощеньких фондов до лидерства – четыре. Склоки с приоритетами в отношении открытия пещер, когда “продвигаемой сверху” группе делались поблажки или экспедиция организовывалась так, что провинциальные спелеоклубы, как якобы “более слабые”, использовались лишь на обслуживании высокопоставленных руководителей из центра, – пять. Но самое страшное: коль лидер организации имел персональные предубеждения в отношении каких-либо спелеологических ветвей — все эти ветви рубились и отсекались под корень.

Хоть какого-то общедоступного ежемесячного спелеоиздания – не получили.

Централизованные архивы... тут можно только всплакнуть.

КСС приобрела функции полевой жандармерии.

И НЕ ДАЙ БОГ БЫЛО ВОЗНИКНУТЬ ПО СОСЕДСТВУ КАКОЙ-ЛИБО ИНОЙ САМОСТИЙНОЙ СПЕЛЕОСТРУКТУРЕ – ТЕМ БОЛЕЕ С ОРИЕНТАЦИЕЙ, НЕ СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ ГЕНЕРАЛЬНЫМ УСТАНОВКАМ И ПЛАНАМ. ПОТОМУ ЧТО:

: Никакая организация не потерпит с собой рядом процветающей вольницы. Особенно – совковая. *А уж исполняющая социальный заказ общеполитических установок власти...*

— Но это стало ясно потом. Когда “пить боржом” – то есть прозревать – было поздно. Да, по большому счёту, и некому:

: Монстр официальной спелеологии вытоптал вокруг себя столько, и столько удушил своим зловонием – как и утопил в экскрементах газетной лжи, –

– что сам пал жертвой.

Обожравшись собственными испражнениями и домыслов.

Но до этого должны были пройти годы. Наш же разговор пока – об Истоке. О самом начале, когда тысячи людей вдохнули вольный ветер путешествий и странствий — «и взяв рюкзаки и гитары, рискуя не встретить уют, пошли в подземельные залы – чтоб душу очистить от пут...»

* * *

– О, сказочное время начала шестидесятых! Когда никто не делил Мир Подземли на “горизонтальный” и “вертикальный”, “искусственный” и “естественный” –

– и будущий спелеолог №1 страны Саша Морозов со своими друзьями посещал по выходным подмосковную каменоломню Силикатная, разбирая старые завалы и забутовки и открывая новые залы и штреки (а за ним будущий создатель легендарного клуба “Сумган” и автор “Экспедиции во мрак” Константин Борисович Серафимов – тогда ещё просто Костя-Фантом,– и множество их коллег, ставших впоследствии известными спелеологами и кейвдайверами, открывали каменоломенные пространства Сьян, Никит и Старицы),–

Занимаясь тем, что потом кое-кто уничижительно обозвал “катакомбным спелеотуризмом”.

Не вижу в этом занятии ничего уничижительного —

Ведь в самом деле – это прекрасно: подземная полость практически под боком, в получасе езды на электричке,– и если сердце твоё отдано Белому Камню, если душой ты принадлежишь миру Вечной Ночи и Чёрного Безмолвия,– как можно удержаться, “не ходить”???

: Спелеология Запада никогда не делила подземный мир на “искусственный” и “естественный”. С “принципиально непересекаемой”, по каким-то причинам, “границей”. Да и наша — в начальном своём периоде. Субботними вечерами шестидесятых московские спелеоромантики устремлялись в Подмосковье: ради недолгого суточного общения с красотами и тайнами Белого Камня – в прогулках-ли по неизвестному ещё лабиринту, посиделках вокруг свечи под гитарные переборы, отмечании каких-либо праздников — зависело от характера человека. И от того, что больше звало его под землю. < Безусловно также – для испытания сконструированного подземного снаряжения и, как ни крути, приобретения столь важного при поездках в иные пещеры *опыта бытия под землёй*. Без которого ты в вертикальной пещере – сколько бы перед тем ни прослушал лекций о подземле в городе, сколько бы часов ни провисел на верёвках – хуже, чем ноль. Понятно, что этот опыт приходил к каждому, кто не мыслил себе выходных без Подземли,– а потому оставим его в исключаяющих скобках. >

Но если в Одессе, буквально стоящей на “минных выработках”, традиционное народное любопытство к “катакомбам” было всегда,– во все времена и

эпохи, хоть и носило иной раз “несколько криминальный характер”⁴⁹, и с началом оттепели лишь облеклось в форму массового спелеотуризма, – ситуация в Москве и Питере была иной: первые спелеологи были вынуждены искать и открывать окрестные подземные миры, руководствуясь когда архивным поиском, когда опросами местных жителей. А когда – утомительной работой киркой и лопатой после многокилометрового поискового “пешедрала”. Потому что за исключением нескольких песчаниковых каменоломен в Саблино (Лен-область) и Сьянов с Силикатами (Подмосковье) входы в остальные пещеры-каменоломни были уничтожены – когда властями, когда неумолимой энтропией оползней склонов и привходовых обрушений.

Ситуация в третьем российском центре спелеологии шестидесятых – Куйбышевской области – занимала промежуточное положение меж Москвой и Одессой: каменоломни были за городской чертой, но поскольку входы в них стояли открытыми и сами каменоломни (что Жигулёвских гор, что горы Тив-Тяв) отличались “более, чем просторными размерами”, туристическое освоение их шло легко и быстро.

Первыми освоенными Системами⁵⁰ в Подмосковье были Силикаты и Сьяны. До Силикат можно было за полчаса доехать с Курского вокзала, – до Сьян с Павелецкого минут за 45: до платформы Ленинской, далее около шести километров по асфальту шоссе, ведущему к музею-заповеднику “Горки Ленинские”. < В своё время эта близость – пещера находится в массиве, на поверхности которого располагалось последнее пристанище ещё живого Вождя Мирового Пролетариата – подарила нам немало дивных анекдотов. Например: *“Выходит Владимир Ильич в минуту облегчения в Горках в садик погулять; берёт совок, ведёрко и начинает копать в песочнице. Голос Копеляна за кадром: «Никогда ещё Владимир Ильич не был так близок к провалу...»* >

В Силикатах поначалу насчитывалось что-то около пяти километров ходов (теперь, усилиями четырёх поколений спелеологов, более десяти); в Сьянах около двадцати.⁵¹ На то время Сьяны считалась самой крупной каменоломней

⁴⁹ Впрочем – и тут появлялись настоящие исследователи: А. Нордман, П. Барбот-де-Марни. Т. Г. Грицай, И. Я. Яцко. Об истории освоения Одесских каменоломен читайте первоисточники – например, статью К. Пронина на сайте http://uzm.spb.ru/archive/odessa_catacombs.htm.

⁵⁰ Вслушайтесь в ряд: *Система – пещера – дыра*; Система – как аналог имени собственному, или Сущность, что существует в Мире в единственном экземпляре, – а потому в каноне русского языка пишется с прописной буквы; пещера – исходно-объединяющее понятие, и “дыра” – фамильярно-братское, уменьшительное: отверстие в земной поверхности, вход в подземный, иной мир. Аналог шаманскому понятию “хоркс”.

⁵¹ В начале девяностых годов эта цифра возросла до двадцати пяти, но последние топосъёмки А. Парфёнова [Маркшейдер] вновь сократили длину Сьян до 18 км. Объективности ради следует заметить, что Андрей, которого я лично считаю одним из лучших московских топосъёмщиков [при этом он настоящий профессиональный маркшейдер, д.т.н. и профессор Горного института] не стал

Подмосковья. Силикаты были славны обводнённой – называемой там “морями” – и остатками трёх типов рельс с вагонетками, а также сохранившемся настенным учётом добытого камня; в Сьянах были знамениты естественные карстовые трубы-полости, сечением аккурат в тело человека. Наиболее длинная из них – горизонтальный Щучий Лаз, или, как потом стали его называть, Щучка – длиной около пятнадцати метров, просто притягивал к себе желающих испытать “спелеокалибр”. Достойными его конкурентами на этом поприще до сих пор являются трёхметровый вертикальный Лаз Громова, заканчивавшийся тупиком в небольшом естественном гротике, и тектонический разлом-сбойка, соединявший два разноуровневых грота – Венерин Лаз. Судя по всему, это наиболее древние названия; в подмосковной спелеотопонимике слово “лаз” больше не встречается – на смену ему быстро пришло понятие “шкуродёр”, позже сократившееся до “шкурника” и даже до “шкуры”.

Имелись в Сьянах натёки мундмилхен – “лунного молока” и кристаллические кварцевые включения; в некоторых частях Системы были развиты натёчные коры и сталактитовые драпировки. В трёх местах наблюдался активный капёж; так как другой воды в Системе не было, “каплепады” – как они назывались тогда – использовались для сбора воды: под наиболее активно капающее место подставлялась банка, котелок или ведро.

Наша группа обнаружила в Четвёртой системе Сьян настенные рисунки – по-видимому, относящиеся к действовавшей в первой трети девятнадцатого века секте сатанистов; знали-ли о них первые посетители Сьян, мне не ведомо.

В топологическом аспекте Сьяны представляют собой комбинацию из шести независимых выработок разного возраста. Наиболее древняя из них, называемая системой Мечты, очень походит на старицкие пещеры-каменоломни: произвольно поворачивающие высокой плотности ходы, часто простирающиеся вдоль тектонических трещин и трещин бортового отпора, украшенных натёчной корой. За этой, самой близкой к склону холма (и, соответственно, к берегу реки Пахра), системой, лежат колонные залы; ближние к реке полностью свободны от бута – дальние до половины засыпаны им: судя по всему, их засыпали при дальнейшем углублении Системы под холм. Зону колонных залов пересекает несколько откатных штреков; от них развиваются самые молодые разработки конца XIX ÷ начала XX века: Третья, Четвёртая и система Зелёных штреков – фронтальная выработка с заполнением пространств меж откатных штреков отхожим камнем, бутом. Высота и ширина ходов в них местами достигает трёх метров – что, конечно, впечатляет попадающего в эти просторы спелестолога; обычна же высота от 1,5 до 2 метров. В

включать в суммарный километраж Системы многочисленные шкуролазные ходы, прокопанные по-над забутовками. Ибо прокопать их во всех направлениях можно, “сколько изволите”. По аналогичным соображением не включалась и “длина” проходов меж колонн в сьяновских колонниках. В подсчёт вошла только реальная длина реальных штреков, длина шкурников под обрушившимися штреками и проходимых естественных карстовых пустот – связанных с Системой и являющихся её неотъемлемой частью.

шестидесятые годы один из откатных штреков – называемый Централкой и ведущий в Третью систему – оканчивался выходом на поверхность, называемом Лазом Беклешова; он выходил на дно большой воронки с пологим склоном, противостоящим выходу — то есть точильным рвом (по нему вытягивали на уровень земли не просто добытый, но уже обработанный камень: под землёй достаточно большая влажность и известняк легче поддается обработке; к тому же “почти готовое” корыто или ступенька, жернов, весят меньше, чем их заготовка соответствующих размеров – отсюда в каменоломнях типа Сьян такое количество отхожего, бутового камня).

К сожалению, в начале семидесятых этот выход был перекрыт оползнем глины со склона. Остался второй вход (называемый Кошачий лаз, или Кошатка) – L-образный колодец-лифт, выводящий в Пятую, наиболее запутанную сьяновскую систему. Ибо разрабатывалась она камерно-столбовой выработкой, при которой нет чётко обозначенных штреков, – пространства, заполненные бутом, останцевые крепёжные колонны и забои выработок причудливо переплетаются друг с другом. Естественно, ориентация входящего в Сьяны через этот вход чайника сильно затруднена – но ещё в шестидесятые годы стены Пятой системы были заботливо украшены своеобразными знаками в виде лежащей горизонтально буквы “Т”; вертикально стоящая шляпка её всегда показывает в сторону выхода.

Конечно, описывать каждую Систему-каменоломню можно до бесконечности, – но динамика сюжета диктует свои законы. А потому, прежде чем вернуться к Действию, опишу лишь ещё одну достопримечательность этой грандиозной Системы: метрах в трёхстах от бывшего Лаза Беклешова Централка перегорожена подлинным Артефактом – *Железными Воротами*. Как нам удалось узнать из расспросов местных, в начале пятидесятых годов военные (по-видимому из ГО) решили устроить в просторной Третьей системе некий склад — но, убоявшись подъёма грунтовых вод (в это время на Пахре против Сьян возводилась плотина), оставили свою идею. И поставленные уже ворота – как памятник ей. В принципе, каменоломня лежит на пять метров выше современного зеркала поднятой плотиной Пахры; опасаться подъёма грунтовых и паводковых вод на такую высоту могли лишь люди, абсолютно не разбирающиеся в подземной гидрогеологии.

– И добро б ещё: *только военные...* Когда аналогичную плотину начинали возводить на той же Пахре близ города Подольска, спелестологи сразу предупредили местные власти: этого нельзя делать без досконального обследования района затопления на предмет наличия карстовых и рукотворных полостей; предлагающие это обследование брались выполнить его своими силами (тем более, что в группе были профессиональные гидрогеологи и маркшейдеры), – требовалось лишь произвести разведывательное бурение в точках, недоступных под землёй из современных каменоломенных ходов — но власть отмахнулась от помощи “неофициальных любителей”, как от надоедливых мух. Естественно, вода спокойно уходила в подземные каверны; заполнение плотины так и не достигло расчётного уровня, – в результате чего плотина не была достроена до конца. Хотя отселение деревень, лежащих на будущем

дне “Подольского моря” уже состоялось,— прикиньте, сколько денег власть ухнула “ни во что”.

К сожалению, этот пример не единичный – аналогичные истории можно найти в книгах моих коллег по жанру.⁵²

Согласно иной версии, железные ворота в Сьянах были установлены сейсмологической лабораторией, пожелавшей “выкурить” спелеологов из Системы и устроить в ней свой исследовательский пункт. Действие, примечательное во многих отношениях – спелеологи-любители открыли и исследовали Систему, доказали своим хождением её безопасность — теперь их можно “подвинуть в сторону” (по принципу «мавр сделал своё дело – мавр может идти на выход»). Ан, нет: война сейсмологов со спелеологами первого поколения окончилась изгнанием из Системы непрошенных захватчиков. Не знаю, какая версия соответствует реальным событиям — обе слышал от якобы “очевидцев”. Важно, что и в одном, и в другом случае резюме весьма примечательно: *власти следует не враждовать с “любителями Подземли”, а сотрудничать*. Тогда и волки будут сыты, и овцы целы. В качестве примера приведу лишь одну историю из многих, мне хорошо известных: когда над входом в подмосковную Систему Кисели местный “новый русский Гиви” воздвиг особняк, то поначалу естественным образом стал бороться с “оборванцами”, раздражающими его органы зрения. Затем дом дал трещину. После чего Гиви всполошился и – за очевидной беспомощностью властей, сосватавших ему предательский участок земли – обратился по адресу: к тем самым, гоняемым им “оборванцам”. Вход в посещаемую которыми Систему он перед тем старательно заваливал разным строительным мусором и излишками цементно-бетонных растворов. За очевидное вознаграждение спелестологи-киселисты *показали ему, на чём стоит его трёхэтажный сарайчик*. Гиви всплакнул, засадил во вход в Систему несколько бетонных колец – дабы спасти его от обрушений и замывов весенней глиной, стекающей со склона; для спелестологов, приезжающих на машинах, отгрохал автостоянку. На своей территории. И спелестологи произвели необходимые фиксационные работы. Которые были до смешного просты и много времени не отняли...

: Дом стоит до сих пор – можете приехать, полюбоваться.

— Возвращаемся в начало шестидесятых, к “особенностям спелеобыта первых пещерных романтиков”.

Ибо это было действительно поколение романтиков.

: На волне туристско-песенной философии уходившие из угарной маеты городов навстречу распахнувшимся ветрам странствий и

---

⁵² См., например, замечательную книгу Пилигрима (Павла Мирошниченко) «ЛЕГЕНДА О ЛСП», изданную в Питере в 1992 году; также – В. Самсонов «Подземные тайны» (Пенза, 1996 г.), Н. Кастере «Моя жизнь под землёй» (Москва, “Мысль”, 1974 г.) и уже упоминавшуюся книгу В. Н. Дублянского «Занимательная спелеология». < Не сомневаюсь: подобные примеры можно почерпнуть из любой книги по спелеологии. >

путешествий⁵³, – зачастую без полагающегося ныне очевидным снаряжения, не ведавшие понятий “транс”, “комбез”, “пенка”, – не нуждавшиеся ни в каком особом уюте, ибо отвергали его вместе с городскими условностями и казённой фразеологией совка — в самом деле: *что общего* может быть у стремящегося *из города* с каким-нибудь заводским парторгом, призывавшим трудящихся «дружно выйти на воскресник» и отдать свой *единственный в то время* законный выходной родному предприятию — вместо с таким вожделением ожидаемой поездки в лес, на слёт самодеятельной песни или в пещеру-каменоломню? Ничего, кроме естественного антагонизма. Так же не вызывали добрых чувств у тогдашних туристов вечная производственная штурмовщина, магазинные очереди, давка в транспорте, всеохватывающая *жилищная проблема*, – тупость официальной телевизионной, газетной и радиопропаганды, – понимаемые, конечно, “каждым по-своему”, — *Лес, Гитара, Костёр и таинственно-сказочный Мир Подземли против этого дарили не просто Свободу — ЖИЗНЬ*. В сравнение с которой городское угрюмое бытие казалось просто-напросто ЛИПОЙ. А потому даже самыми убеждёнными патриотами (все мы в те годы были ими в той или иной степени) пропагандисты совка посылались со всеми своими догмами “в места, не столь отдалённые”.

Прекрасным вечером субботнего дня...

– Эти люди, конечно, не имели в своём лексиконе слова “экология”; отношение к посещаемой Подземле могло быть, как к Чуду, Сказке, – как к красивой полянке в лесу на склоне горного ущелья, – маленькому песчаному пятачку меж скал на берегу моря, –

И каким бы восторженным оно ни было —

Например, *просто не приходило в голову*, что Подземный Мир можно как-то благоустроить, приспособить “под себя” – как не приходит в голову пришедшему на случайный пикник в лес пересаживать деревья на выбранной поляне.

Всё “оборудование” водокапов в тех же Сьянах сводилось к подставлению под наиболее интенсивно падающие капли случайной ёмкости для воды. А что можно натянуть под капающим сводом полиэтиленовый тент – привязав его, скажем, капроновой нитью к вбитым в стены крючьям, – проделать в середине отверстие... Впрочем – стоп. Был-ли доступен *в те годы* лист полиэтилена размером, скажем, 2 X 2 метра? Наверно не более, чем драгоценный капроновый шнур.

Соответственно, не могло родиться идеи как-то переустроить, оборудовать грот; возможные работы по наведению минимально необходимого уюта сводились к перестановке пары камней, чтоб образовалась условная плоскость стола – да булыжников поменьше для сидения за оным. Убранных с того места, на котором предполагалось спать. И всё.

И как современная пикниковая компания в лесу кидает пустую стеклотару и консервные банки за ближайший кустик в случившуюся тьму – так тогдаш-

---

⁵³ На деле реализуя замечательный лозунг-афоризм тех лет: «ТУРИЗМ В РОССИИ БОЛЬШЕ ЧЕМ ТУРИЗМ!»

ние неофиты Подземли не утруждали себя выносом хлама и мусора наружу. Или хотя бы в специально оборудованный тупиковый гротик, в щель-ямку... Всё раскидывалось по углам того же грота, где ели и спали. Туалет – как за скрытым ночью деревом: тут же за поворотом.⁵⁴

: Конечно, так ходили не все; те, что уже тогда посещали пещеры иначе, не оставили после себя следов — но прочих было, по-видимому, большинство. Ибо романтически-восторженное отношение к Миру ещё не значит, оказывается, полного понимания его экологических и эстетических связей.

Поскольку Экология = Работа; Романтика ≡ Отдыху. *Кайфу*,–
: Празднику, который всегда с тобой.

... Когда в 1988 году были заново вскрыты Сьяны – закрытые домодедовским горкомом бетоном и простоявшие в консервации 14 лет – нашим глазам, как на безумной работе художника-постмодерниста, предстали полуразложившиеся мусорные кучи. Прямо в гротах, в которых когда-то стояли наши предтечи. У столов, за которыми они ели. У мест, на которых спали.

И если навещали эту Систему *иные романтики* — явно не утруждали себя уборкой мусора за своими невоспитанными товарищами. Как не пытались (или не смогли) привить им более чистый стиль хождения.

Что нашему поколению казался единственно-возможным.

..: Ходили тогда под землю жесткими, замкнутыми группами; каждая группа имела свое название,– как правило, звучное: “Кварц”, “Кристалл”, “Карст”, “Каменный Цветок”, “Троглодиты”, “Эдельвейс”, “Дети Подземелья”, “Свечи”, КИС (“Клуб Искателей Смерти”), “Летучие Мыши” – “мышей”, кажется, было даже три или четыре команды, “детей подземелья” не меньше. Названий групп, образованных от западноязычных слов, в те годы было крайне мало: сказывались и изолированность русского туризма от его западного собрата, и традиционная ориентированность национальной культуры “на саму себя” (безусловно, внешне-декларированная в значительно большей мере, чем по сути — особенно в свете прошедшей в сороковых и пятидесятых годах “борьбы с безродным космополитизмом”,– но ведь именно внешние пропагандистские коды сильнее всего отпечатываются в стереотипе мышления, пусть и подсознательно); это потом, за открытием современной музыкальной, кинематографической и литературной культуры Запада – вкуче с полным небрежением *прагматического поколения спелеологов* совдеповскими нормами и ценностями (немалую роль сыграло также частичное слияние хиповского андеграунда и спелеума) русскоязычных названий практически не осталось.

Одиночного хождения под землю в шестидесятые годы практически не

---

⁵⁴ Не будем забывать: *никакой специальной этики туризма в те годы просто не существовало; всё только появлялось, рождалось на свет.* Что осуждать первых спелеологов, когда и в восьмидесятые годы справочники по туризму рекомендовали в качестве утепляющего слоя под палаткой *зелёный еловый лапник...*

было: сказывалась традиция советского коллективизма. В этом были свои плюсы: даже скверно экипированная группа чайников имеет больше шансов благополучно выйти из пещеры, нежели один человек. А потому первая половина этого романтического периода в освоении рукотворных подземелий, как ни удивительно, обошлась без жертв. Хотя никто из нас не имел тогда никакого представления ни о нормах подземной безопасности, ни о мировом спелеологическом опыте. Просто ходили под землю, как на пикник в лес – и всё.

Разделения на “серьезную” и “пикниковую” спелеологию в тот период также не существовало – как не было деления на “вертикальную” и “горизонтальную”, “искусственную” и “естественную”: одни и те же команды выезжали на поиск и первопрохождение вертикальных пещер в Крым, на Кавказ, Урал, Среднюю Азию, – в промежутках меж дальними выездами с не меньшим азартом штурмуя расположенные у самой Москвы заброшенные каменоломни.

Близ Силикат и в самом городе Подольске группы, которым надоели силикатные рельсовые коридоры, нашли несколько новых пещер-каменоломен; кому стало тесно в Сьянах – обнаружили по соседству с ними десятикилометровую Систему Кисели, находящуюся меж деревень Камкино и Киселиха на противоположном, относительно Сьян, берегу Пахры. Об этой Системе, пожалуй, стоит сказать особо. Дело в том, что в ней была найдена некая комната-грот – явно отгороженная бутом и обустроенная для жилья, включая спальные места, ещё во время разработки каменоломни. Располагалась она у места, где сходилось несколько откатных штреков – то есть на своего рода “торном подземном перекрёстке”. Многие гадали: кому, зачем понадобилось так оборудовать её? В принципе, ответ прост: это нечто вроде комнаты дежурного маркшейдера, или смотрителя, что ведал ходом разработок. Ведь действительно: случись какой вопрос у рубящего забой (или, не дай Бог, ЧП) – тот, кто может подсказать, что делать, куда вести выработку дальше, находится рядом. Не нужно за ним бежать на поверхность; к тому же если учесть, что основные работы в подмосковных каменоломнях велись зимой, в свободное для крестьян время – ясно: место под землёй при +10 °С предпочтительней уличной холодрыги.

Под влиянием этих открытий многие увлеклись поиском новых дыр — Группа Краеведов-Спелеологов под руководством Игоря Юрьевича Прокофьева устроила самое настоящее спелеологическое прочёсывание, пройдя по обоим берегам подмосковной реки Пахра и её притоков – и открыла целую россыпь каменоломен, о существовании коих никто в те годы не подозревал.

В том числе – 17. 12. 61 – Систему Никитскую, сыгравшую в моей жизни столь важную роль.

Так называемая “официальная спелеология”, конечно, ‘имела место быть’ в те начальные годы – но существование её как-то не ощущалось. Очевидно, за занятостью своими организационными делами. И экспедициями в далёкие от наших каменоломен пещеры горного Крыма. Кому “высшие организационные силы” были неинтересны, просто не знал об их существовании. К тому же всевозможных спелеогрупп и секций возникло в те времена **столько** (по

крайней мере в Москве; отчасти это, видимо, объясняется наличием вокруг Москвы *целого каменоломенного пояса*), что за эффектной мишурой названий – перемежающихся порой с “параллельными” и “альтернативными” видами туристических объединений и групп, и “кустов” любителей туристической песни – было невозможно понять: в какие спелео-и-не-спелеообъединения входит каждая конкретная команда.

Одна и та же группа могла полным своим составом ходить на песенные слёты; в зимние выходные, когда слётов не было, распевать те же песенки под землёй; в летние студенческие каникулы или отпуск поехать в Карелию, в зимний рвануть на Чегет покататься на горных лыжах – на майские праздники отправиться вместе со знакомой командой “мокрозадых” в байдарочный поход по реке Мста (с “попутным” посещением тамошней подземной речки Понеретка), а на ноябрьские, приплюсовав к календарным выходным отгулы, заработанные в ДНД и на овощных базах, устремиться в горизонтальные гипсовые лабиринты Подолии... *Огромный мир распахнулся вокруг – и не до деления его было; хотелось каждому – увидеть, понять и испытать ВСЁ.*

: Новые песни, новые пещеры, горы и реки, – новое снаряжение – но главное: *места, где ты ещё не был* – захватывали и несли водоворотом.

На фоне “Девяти дней одного года” и “Иду на грозу”, Стругацких и Пастернака, Мандельштама, Цветаевой и Ахматовой, – Бэлы Ахмадулиной, Евтушенко и Вознесенского, – Марлена Хуциева и Юрия Визбора, Высоцкого и Галича, – песен Городницкого, Окуджавы, Кима и Кукина; Клячкина — явившего миру рюкзаков и гитар гениальную поэзию Бродского и истинно высокую Мелодию...

... Слово: НТР. Споры о “физиках и лириках”. Музыка Битлз. Полёты в космос, –

: Первые магнитофоны – тогда ещё здоровенные ламповые бандуры, исключавшее их любое применение в походе или даже на даче (магнитофон по официальной терминологии считался “переносным”, если его без труда можно было передвинуть с места на место; “носимым” – коль можно было взять за ручку и поехать в ДК для записи какого-либо концерта; о *качестве* тогдашних доступных для покупки микрофонов умолчу, ибо очевидно: власть никогда не была заинтересована в распространении самодеятельных записей окуджав-высоцких-и-галичей), – но именно всем этим “айдасам”, “днепрам”, “кометам” и “язам” мы обязаны драгоценными архивными записями зари самодеятельной песни, –

— и *песенникам*: толстые тетради с записанными текстами сотен туристических (в том числе и первых спелеологических) песен переписывались от руки, разнося “по городам и весям” то, что определило философию и быт нашего туризма на десятилетия вперёд —

И – каждое воскресенье, каждый сезон – новые спелеооткрытия. *Такой сказочный взлёт* —

: Время романтиков, искателей и фантазёров. С радостным юмором КВНа...

: Славный был мир – единый и многообразный. И славное было время. Не социальными обстоятельствами и не политическими декорами и киотами — а тем, что определяется *человеческим ветром* –

– взаимодействием душ.

Их теплом и горением.

А также – внутренним светом.

На который – *и только на него* – и отзывается во внешнем мире то, что мы называем Открытием.

“А МЫ ПОД ЗЕМЛЮ – СКВОЗЬ КАНАЛИЗАЦИЮ!..”

“... за наше счастливое детство.”

Забавно-трагическое сложилось у меня положение: всей душой рваться в Мир Подземли — *с того самого первого похода в Силикаты* — и при этом...

: У отца – явная клаустрофобия. Слово “пещера” вызывает столь сильные чувства, что банальные страх и оторопь в сравнении с ними – ледяное спокойствие. < Почти бесчувствие, хотя и не скорбное. >

Мама, конечно, разделяет мнение отца – хотя бы потому, что “под землёй всякое может случиться” (это мнение разделяют все нормальные родители своих детей, а потому специально останавливаться на нём не буду), – я же рвусь под землю.

: Мне предлагаются горный туризм и горные лыжи. Родители мои ставропольчане и естественно, что отпуска свои проводят на Кавказе – по дороге навещая оставшихся на родине друзей и родственников; часто они заранее списываются с ними (телефонами в те годы обладали не многие) и, по достижении Ставрополя, в горы устремляется весьма приличная компания. Состоящая наполовину из ставропольских друзей родителей, наполовину из их московских знакомых. Архыз, Теберда, Домбай и Приэльбрусье – наиболее часто посещаемые места. К десяти годам зимний Терскол и склоны Чегета знаю наизусть – каждый кулуар, мульду и камушек. На моих глазах Чегет оснащается подъёмниками и различным туристическим сервисом — в первую свою поездку туда мы живём в деревянных бараках с двухэтажными койками и печкой-буржуйкой; на смену романтике приходят современные гостиницы с жутко регламентированным распорядком дня — в шесть утра бодрый грохот радиоматюгальников изгоняет обитателей гостиничных номеров на улицу:

– С ДОБРЫМ УТРОМ, ТОВАРИЩИ-ТУРИСТЫ! ТЕМПЕРАТУРА ОКРУЖАЮЩЕГО ВОЗДУХА – МИНУС ТРИДЦАТЬ ГРАДУСОВ ПО ЦЕЛЬСИЮ! НАПОМИНАЕМ: КТО НЕ ВЫЙДЕТ НА ЗАРЯДКУ, НЕ ПОЛУЧИТ СЕГОДНЯ ЛЫЖИ! ЖЕЛАЕМ ВАМ ПРОВЕСТИ ЭТОТ ДЕНЬ С ПОЛЬЗОЙ ДЛЯ СВОЕГО ЗДОРОВЬЯ!!!

: В шесть часов утра. Да.

А в десять часов вечера – рейд специальной дружины по номерам: чтоб каждый лежал на своей койке и не отвечивал.

: Вот такие подробности быта, почему-то не отмеченные Юрием Иосифовичем Визбором в его замечательной повести “Завтрак с видом на Эльбрус”. И Олегом Куваевым, – возможно, по той же причине. А потому – не могу не вспомнить.

Потом узнаю: Саша Морозов, почувствовав, что я *услышал Зов Подземли*, упрасивал мою маму (на работе, как я уже писал, они виделись каждый день) отпускать меня с ним под землю хотя бы на выходные — но на совете семьи (разумеется, без какого бы то ни было моего участия) было решено однозначно и навсегда: НИ ЗА ЧТО. По-моему, это послужило причиной некоторого охлаждения в отношениях моей мамы и Саша — по крайней мере, Юра Франц появлялся у моих родителей гораздо чаще, чем Саша.⁵⁵ Возможно, причиной частого появления Франца у нас дома была интрига, затеянная моей мамой – в 1966 году зимой мы ездили на Чегет, и в одной группе с нами случайно < вот такие бывают в жизни совпадения! > оказалась бывшая жена Франца, Людмила. После развода они оба так и не нашли себе новых спутников жизни – и мама, естественно, решила свести их вновь. Для чего устроила несколько так называемых “девишников” – каждый из них устраивался после очередного похода или поездки в горы; к этим встречам делалось нечто вроде стенгазет, инкрустированных свежими фотографиями моего отца; бутылки, выставляемые на стол, обклеивались вырезанными из газет прикольными заголовками, писалась стихотворно-песенная часть программы, – застолье оживлялось прекрасной гитарой и голосом Володи Бунина, с которым мои родители познакомились на Чегете⁵⁶ – в общем, праздник отмечался “на уровне”. Очень похожем на тот, на котором мы через десять лет стали проводить свои сборы. Конечно, жёны приглашались с мужьями – так что слово “девишник” было не более, чем приколом. Приглашались каждый раз и Людмила с Францем — но из попыток свести их заново ничего не вышло. < В памяти осталась одна из маминых рифмовок того времени: «План девишника таков: там не будет мужиков (исключение составит оператор Гусаков, пригласили также Франца – всем известного...)» Оператором моего отца звали потому, что на каждой такой встрече он показывал снятый в походе на 8-мм ленту фильм и располагал

---

⁵⁵ Можно сказать жёстче: после этого отказа Саша – не появлялся. *Зато как он обрадовался, когда узнал от моей мамы – годы спустя! – что я самостоятельно пришёл/вернулся в Мир Подземли...*

⁵⁶ С Володи был “срисован” один из центральных персонажей повести Григория Свирского «Прорыв»; детская моя память зафиксировала и пару явлений обаятельнейшего Ю. И. Визбора (с радостным воплем «Дядя Висбол плишёл!!!» я проносился под обеденным столом – по-моему, практически не пригибаясь). Кстати, мои родители были уверены, что фамилия Ю. И. В. пишется через “с” — по крайней мере, так было написано на катушках магнитных лент, записанных отцом во время этих застолий.

прекрасной фонотекой. Состоящей в основном из записей Городницкого, Окуджавы, Высоцкого, Галича, Кима и Визбора — на которых я вырос. >

10 января 1969 года мои родители переехали из 11-ти метровой комнаты в коммуналке на Сиреневом бульваре (где ютились вчетвером: мама, папа, я и моя младшая сестра) в трёхкомнатную кооперативную квартиру на Юго-Западе. На новоселье Франц и Морозов подарили нам просто замечательную картину, написанную в абстрактно-символическом ключе: два горных барана рвутся вверх по почти вертикальному склону. Маме эта картина не нравилась (наверняка догадывалась о несколько обидном втором смысле); я от картины был в огромном восторге.

— Конечно, влекомый “тоской по Подземле”, я каждую удобную минуту посвящаю её поискам или хоть какому-то обретению — рвусь в ледниковые пещеры, изрыгающие сумасшедшие истоки Шхельды и Ирека; закапываюсь на метры в снежные наносы и сугробы, лезу в любую каверну или промоину в горном склоне...

— не следует думать, что я не принял горный мир моих родителей. Нет; горы, как и пещеры, полюбил с первой же поездки — но поскольку “горы мне даны в ежегодно-гарантированных ощущениях”, а “пещеры, увы, нет” — стремиться туда, что даётся “за так”, нет смысла. А ‘запретный пот’ ох, как сладок...

Овладевать которым приходится дистанционно-теоретически. Например, во время болезни. Когда прикован к постели, а мама читает мне вслух Волкова. Известные страницы про путешествие по подземному ходу мимо пещеры Семи Подземных Королей требую перечитывать по два-три раза. Когда же в руки мои попадает третья часть трилогии — просто выучиваю её наизусть. (Ибо книга чужая, и приходится отдавать.)

Любимые страницы из Марка Твена — приключения Тома и Бекки в пещере. Из Носова — аналогичная ситуация на Луне с Незнайкой и Пончиком. Хозяйка Медной горы Бажова вызывает интерес, который здоровым можно назвать с очень большой натяжкой...

... Когда же (классе в первом) в мои руки попадает жюль-верновское “Путешествие к центру Земли”, а за ней «Плутония» Обручева —

— В самом деле: *ну разве можно не стать спелеологом, прочитав такие дивные строки:*

«... Высоко, над самой головой у нас из общего мрака выступало ещё более тёмное пятно. Это был, несомненно, вход в какую-то пещеру. Мы были так взволнованы, что не могли и помышлять о возвращении в лагерь. Нам хотелось немедленно обследовать эту пещеру. Лорд Джон вынул из заплечного мешка электрический фонарик, который должен был служить нам единственным источником света, и двинулся вперёд, поводя им по сторонам. Мы шли за ним, не отставая.

Судя по гладким стенам и грудам круглых камней, это углубление в скалах было вымыто водой. Проникнуть в него нам удалось только по одиночке, да и то низко пригибаясь. На протяжении первых пятидесяти ярдов пещера углублялась прямо в толщу скал, а потом начала подниматься под углом в сорок пять

градусов. Вскоре подъём стал ещё круче, и нам пришлось карабкаться вверх на четвереньках по мелкой осыпающейся гальке. Прошло ещё несколько минут, и вдруг лорд Джон крикнул:

– Дальше хода нет!

Столпившись позади него, мы увидели в жёлтом свете фонаря нагромождение базальтовых и кварцевых обломков, доходивших до самого потолка пещеры.

– Обвал!

Мы вытащили несколько камней, но это ничему не помогло и лишь расшатало более крупные глыбы, которые, того и гляди, могли рухнуть вниз и придавить нас. Преодолеть такое препятствие нам было явно не под силу. Мы были так подавлены этим, что, не обменявшись ни словом, повернули назад и побрели по тёмному ущелью.

Когда было пройдено, по расчёту, 15.000 мышиных шагов, показался овраг, и в нём путники нашли полуобвалившееся отверстие, из которого тянуло сыростью и гнилью.

– Конечно, это то самое! – закричала Элли.

Путники осторожно вошли в подземную галерею.

В сыром и мрачном подземном ходе никто, по-видимому, не бывал уже десятки лет. Толстые крепи, поддерживающие потолок и стены, позеленели от времени и поросли мхом. В углублениях земляного пола стояли лужи воды, в которых копошились отвратительные слизняки.

Воздух становился всё тяжелее ми удушливее: ход спускался вниз. Потом он начал снижаться настолько круто, что в полу были вырублены ступеньки и он превратился в лестницу.

Вдруг перед путниками открылась огромная пещера с каменными стенами и потолком. Она была так велика, что дальний край её терялся во мраке.

Скоро пещера начала сужаться и перешла в скалистый коридор, круто подымавшийся вверх.

Коридор расширился и перешёл в широкую и ровную площадку.

Пёсик стоял у стены, в которой на высоте фута на три над полом виднелось отверстие, похожее на круглое окно.

Элли подбежала к окошку, взглянула в него и увидела поразительное зрелище: перед ней раскинулась целая страна. Впечатление было такое, будто Элли стояла на верхушке огромной горы и смотрела вниз. И там внизу, на неизмеримой глубине, виднелись луга, за ними город на берегу большого озера, а дальше – поросшие лесом гряды холмов, теряющиеся в золотистом тумане...

Колоссальная пещера раскинулась на десятки миль в длину и на много миль в стороны. Дно её было глубоко внизу, а свод скрывали клубившиеся в высоте золотистые облака. По-видимому, они и освещали всё пространство мягким светом, похожим на тот, какой бывает во время захода солнца.

Пейзаж был красив, но навеивал грусть, подобную той, какую испытывает человек поздней осенью при виде увядающей природы. Зелёный цвет здесь совсем отсутствовал в окраске рощ и лугов. Его заменяли бледно-жёлтые, розовые и багряные тона.

Бофаро с женой и два его сына спустились в Пещеру первыми. Их взорам открылась удивительная Подземная страна. Она простиралась так далеко, насколько хватало глаз, и на её ровной поверхности кое-где поднимались невысокие холмы, поросшие лесом. Посреди Пещеры светлела гладь большого круглого озера.

Казалось, на лугах и холмах Подземной страны царствует осень. Листва на деревьях и кустах была багряная, розовая, оранжевая, а луговые травы желтели, точно просясь под косу косаря. В Подземной стране был сумрак. Лишь клубившиеся под сводом золотистые облака давали немного света.

– И здесь мы должны жить? – с ужасом спросила жена Бофаро.

– Такова наша судьба, – угрюмо ответил принц.

Они вывели копотью свечи свои имена под нависшим камнем и пошли дальше. Вскоре они набрали на небольшой ручеек, который, переливаясь через выступ скалы и принося с собой известняковый осадок, в течении многих столетий образовал из блестящего прочного камня кудрявую, кружевную ниагару. Худенький Том легко протиснулся сквозь узкую расщелину за водопадом и озарил его свечой, чтобы доставить удовольствие Бекки. Тут он заметил, что водопад прикрывает собой крутые ступеньки, нечто вроде естественной лестницы, заключённой в узкую щель между двумя каменными стенами. Им в тот же миг овладела честолюбивая жажда открытий. Бекки откликнулась на его призыв, и они, оставив копотью знак на камне, чтобы не сбиться с пути, отправились делать открытия. Они долго шли по извилистому коридору то вправо то влево, забираясь всё глубже и глубже в тайники подземелья, сделали ещё одну пометку и свернули в сторону в поисках новых чудес, о которых можно было бы рассказать там, наверху. В одном месте они нашли просторную пещеру, с потолка которой спускалось множество тонких блестящих сталактитов. Они обошли эту пещеру кругом, любуясь и восхищаясь её красотой. В пещеру вело много коридоров; они пошли по одному из них и вскоре увидели чудесный родник, дно которого было выложено сверкающими, как иней, кристаллами. Родник протекал в самом центре какой-то высокой пещеры; её стены подпирались рядами фантастических колонн, созданных благодаря слиянию больших сталактитов со сталагмитами в результате многовекового падения капель воды.

Тут в первый раз мёртвая тишина подземелья наложила на душу детей свою влажную, липкую руку. Том взял у Бекки свечу и задул её. Такая бережливость означала очень многое: слова были не нужны.

Томительно тянулись часы.

Вдруг его осенило. Поблизости было несколько гротов и боковых коридоров. Не лучше-ли исследовать их, чем томиться вынужденным бездельем? Он вынул из кармана бечёвку от бумажного змея, привязал её к выступу скалы и пополз по одному из коридоров на четвереньках, терзаемый мучительным голодом и предчувствием близкой гибели...

Проход, по которому продвигались ребята, снова расширился и обратился в круглую пещеру. В её стенах зияло несколько отверстий. Какое из них могло вести наружу?

Не выпуская из рук клубка, Фред решительно подошёл к одному из отверстий и вынул из кармана кусок мела.

– Я буду помечать каждый проход, где мы побываем, – сказал мальчик и нарисовал на стене крест.

Исследование началось. Результаты его были печальны. Несколько часов бродили ребята по запутанной сети коридоров, но без всякой пользы. Одни проходы заканчивались тупиками, другие сужались до такой степени, что сквозь них нельзя было даже проползти, третьи спускались куда-то вглубь...

Если бы не бечёвка и не меловые отметки, щедро оставляемые на стенах, дети давно бы заблудились в этом мрачном лабиринте.

Что-то поразило их в облике стен. Здесь скалы блестели как-то по-особенному. Ребят уже не удивлял блеск сталактитов: их колонны, то прямые, то с причудливыми натёками, не раз встречались во время долгого путешествия. В этом гроте их удивило другое.

Казалось, не каменные стены тянулись по бокам озера, а расстилалось тёмное небо со сверкающими на нём звёздами. Лучи этих звёзд блестели и переливались красным, зелёным и синим цветом. Крупные блёстки, вкрапленные в камень, ярко сверкали в свете лучины.

Пучок убывал с ужасающей быстротой, и наконец наступил момент, когда трепетный огонёк на конце последней из них, помигав, угас. Ещё несколько секунд виднелся красный уголёк, но исчез и он. Тьма...

Да, Фреду и Элли показалось, что их окружила непроницаемая вечная тьма, потому что ни один луч света не мог пробиться через толщу земли, отделявшую их от неба, от солнца. Но что это за чудо? По мере того, как их глаза привыкали к темноте, дети начали что-то различать в ней...

Это могло показаться непостижимым, невероятным, но путешественники действительно видели. Они плыли в это время по широкой спокойной реке, и перед ними открывался мыс, у которого река поворачивала вправо. Береговые скалы, нависший свод пещеры – всё это рисовалось в каком-то слабом, но явственном золотисто-розовом свете. Конечно, им теперь не нужна была ни лучина, ни даже самый яркий факел, потому что никакой факел не мог бы так осветить окружающую картину, как этот неизвестно откуда льющийся, спокойный рассеянный свет. И если они его раньше не замечали, то лишь потому, что их глаза слепил огонь лучины...

Но то, что служило для нас ступенями, на соседних стенах превращалось в сталактиты. Лава, в некоторых местах пористая, вздувалась пузырями, кристаллы чёрного кварца, усеянные стекловидными капельками, свешивались со свода, подобно люстрам, казалось, загоравшимися при нашем приближении. Можно было подумать, что подземные духи освещали свой дворец, чтобы принять посланцев земли.

Мы находились в какой-то пещере, где не было недостатка в воздухе. Напротив! Мы чувствовали как бы дуновение ветра. Чему приписать это явление? Откуда это колебание атмосферы?..

Я твёрдо убеждён, что эта галерея, проложенная в каменноугольных пластах, не есть дело рук человеческих. Но дело ли это природы, меня мало

интересует.

Как же вернуться? Никаких следов не было. На камне нога не оставляла отпечатка. Я ломал себе голову, стараясь найти решение этой неразрешимой задачи. Моё положение выражалось одним словом: конец!

Да, я погиб в пропасти, казавшейся неизмеримой! Страшная тяжесть земной коры, в тридцать лье толщиной, обрушилась на меня. Я чувствовал себя раздавленным ею.

Я мог далеко взглядом окинуть эту морскую ширь, потому что какое-то особенное сияние освещало всё окрест до малейшей подробности. То был не солнечный свет, с его ослепительным снопом лучей и великолепным сиянием, и не бледный и неверный свет ночного светила, отражённый и призрачный. Нет! Сила этого света, его рассеянное холодное сияние, прозрачная белизна, его низкая температура, его яркость, превосходившая яркость лунного света, – всё это с несомненностью говорило о его электрическом происхождении. В нём было нечто от северного сияния, от явления космического порядка; свет этот проникал во все уголки пещеры, которая могла бы вместить в себе целый океан.

Свод пещеры, если хотите, небо, как бы затянутое тучами, образовавшись из водяных паров, грозило через несколько дней обрушиться на землю проливным дождём. Я полагал, что при столь высоком атмосферном давлении испарения воды не может быть – а между тем благодаря мне неизвестной физической причине, грозные тучи собирались в воздухе. Но пока стояла прекрасная погода. Электрические волны создавали удивительную игру света, преломляясь в облаках, высоко стоявших в небе. Резкие тени порою ложились на их нижний край, и часто в разрыве облаков вспыхивал луч удивительной яркости. Но всё же то был не солнечный луч, ибо от него веяло холодом. Свет его создавал в высшей степени меланхолическое настроение. Вместо небесной тверди с её созвездиями я чувствовал над головой затянутый тучами гранитный небосвод, давивший на меня всю свою тяжесть, и как бы ни огромно было это внутриземное пространство, всё же тут было бы тесто самому незначительному из спутников нашей планеты.

Мы были в сущности пленниками в этой необъятной пещере. Нельзя было определить ни её ширины, потому что берег уходил в бесконечность, ни её длины, потому что взор терялся в туманных очертаниях горизонта. Высота же пещеры превышала, вероятно, несколько лье.

Слово “пещера”, очевидно, не подходит для обозначения этого необъятного пространства. Но на человеческом языке не достаёт слов тому, кто дерзнул проникнуть в бездонные глубины земного шара.

Казалось, я нахожусь на какой-то далёкой планете, на Уране или на Нептуне, и наблюдаю явления, непостижимые для моей земной природы. Новые явления требуют новых обозначений, а моё воображение отказывается мне служить. Я восхищался, размышлял, смотрел с изумлением, не чуждым некоторого страха.

Тут зашумело что-то, как осыпь земляная. Глядит Данилушка, а стен никаких нет. Деревья стоят высоченные, только не такие, как в наших лесах, а каменные. Понизу трава, тоже каменная. Лазоревая, красная... разная...

Солнышка не видно, а светло, как перед закатом. Промеж деревьев-то змейки золотистенькие трепыхаются, как пляшут. От них свет и идёт.

Стараясь как можно скорее укрыться от палящих лучей солнца, путники вошли в пещеру. Здесь было гораздо прохладнее и уютнее, чем под открытым небом. Сначала дорога шла широким, как бы просверленным в твёрдой скале, туннелем. Дно туннеля понижалось с каждым шагом, и поэтому идти было легко: казалось, будто кто-то подталкивает всё время в спину. Неожиданно стены туннеля раздвинулись и путешественники оказались в огромном подземном гроте...

Незнайка вышел из грота и попал в новый тоннель, дно которого было покрыто льдом. Как только Незнайка ступил на лёд, он поскользнулся и покатился вниз. На гладкой поверхности льда не было ни малейшего выступа, за который можно было бы зацепиться, чтобы задержать падение.

Туннель между тем всё круче уходил вниз. Скоро уже Незнайка не скользил по льду, а просто-напросто падал в какую-то пропасть. Вокруг уже было не так темно. Казалось, свет проникал откуда-то снизу. Вместе с тем стало значительно теплей, а через несколько минут было уже и вовсе жарко. Яркий свет резал глаза. Незнайка решил, что ему суждено погибнуть в огне, и уже мысленно простился с жизнью, но неожиданно стены пропасти разошлись в разные стороны и пропали. Ещё минута, и Незнайка увидел, что над ним простиралось во все стороны светлое, словно покрытое волнистыми облаками, небо. А внизу... Незнайка старался разглядеть, что было внизу, но всё было словно в тумане. Прошло немного времени, и сквозь рассеявшийся туман Незнайка разглядел внизу землю с полями, лесами и даже рекой...

Взглянув в ту сторону, я увидел множество круглых отверстий, светившихся ярким, красноватым огнём, словно иллюминаторы океанского лайнера в ночной темноте. Сначала я подумал, что это отблеск лавы, бурлящей в непотухшем вулкане, но тут же отказался от такого предположения. Лава бурлила где-нибудь высоко, в кратере вулкана – а не здесь, в основании скал. Невероятно, но другого объяснения не было: эти красноватые пятна не что иное, как отблески костров, горящих в пещерах, – костров, которые могла разжечь и поддерживать только человеческая рука. Следовательно, на плато есть люди.

... Нам часто приходилось бывать в их пещерах, но мы так и не выяснили, кому индейцы обязаны этим замечательным жильём: самим себе или природе. Пещеры были вырыты на одном уровне в рыхлой туфовой породе, залегающей между красноватым базальтом вулканического происхождения и твёрдым гранитом, который служил основанием скал. Ко входам в них, находившимся примерно на высоте восьмидесяти футов от земли, вели каменные ступени – такие крутые и узкие, что по ним не могло подняться ни одно крупное животное. Внутри было сухо и тепло. Пещеры уходили в толщу кряжа на различную глубину; по их гладким серым стенам тянулись нарисованные обугленными палочками великолепные изображения животных, населяющих плато.»

...: Намеренно дал цитаты без разрывов и деления авторов. Без комментариев и какого-либо анализа как на вздорность, так и на творческую либо эниологическую прогностичность. Ибо так они тогда воспри-

нимались мной – любое упоминание мира Подземли в какой-либо книге значило больше, чем все её остальные страницы. “Болезнь”? Быть может. Любое увлечение, как известно, можно обозначить определённой болезнью. Особенно, коль имеешь соответствующее психиатрическое образование.⁵⁷

Однако, читал я тогда очень много, и чтение страшно любил⁵⁸ – просто Подземный Мир значил априори неизмеримо больше, чем любые иные читаемые ситуации и приключения.

: Потому что этого мира я был лишён. Не сомневаюсь – рискнули бы мои родители отпускать меня в походы с Сашей Морозовым, – пусть не в далёкий Крым, пусть только на выходные в близкие Силикаты и Сьяны! — всё было бы как-то сбалансированней. И спокойней.

Но поздно фантазировать о том, чего не было.

– “Путешествие к центру Земли” Жюль Верна оказалось последней каплей, переполнившей детское терпение. Которого по причине возраста было не так уж много.

: Подговорив своего дворового приятеля Мишку Зуева, я взял тот самый проскобатареечный фонарик (Мишка оснастился свечёй) и мы отправились покорять коллектор, недавно проложенный на большом пустыре за нашим домом.

Экспедиция дала много весьма замечательных результатов: во-первых, на одном конце коллектора нас остановила решётка, лишь распалившее наше любопытство («чего это они там прячут?.. Обязательно вернёмся с ножовкой и вскроем, прорвёмся!»); во-вторых, в коллекторе мы не встретили никого и поняли, что неожиданно открыли для себя ещё одно замечательное место для игр (с просто неисчерпаемыми залежами телефонного разноцветного провода, из которого тогда была мода плести различные украшения); в третьих, другой конец исследованного нами коллектора, как выяснили мы, выходил на некую засекреченную стройку – минуя под землёй все её заборы и лютовавших сторожей, – выходил прямо в подвал недостроенного здания — из чего Мишка мгновенно сделал соответствующие выводы⁵⁹.

---

⁵⁷ Многие мои друзья в восьмидесятые годы с удовольствием скандировали дивный лозунг: «Спелеология – не хобби, не профессия и не судьба — диагноз!» Появился он в нашей среде после известной скандальной публикации 1982 года в “Комсомолке”, в которой утверждалось, что “с ребятами, **заболевшими** спелеологией, надо что-то делать”.

⁵⁸ Здесь уместно заметить, что не только книги — *Музыка* не меньше повлияла на моё восприятие и ощущение Мира. (В том числе и позже – подземного.) Было: приходил из школы, портфель в угол, на родительский магнитофон ставилась катушка с Визбором или Битлз, и — на диван с книгой. От коего отрывался лишь для того, чтоб поставить новую катушку – с Высоцким, Галичем, Роллингами иль Адамо – да оснаститься на кухне бутербродом. И чашкой чая. Глаза пребывали в чтимом сюжете; уши – в Звуке. Из коих вырывал лишь “несвоевременный приход” с работы родителей.

⁵⁹ Между прочим: как выяснили мы потом в своих подземных городских

Ну, и я тоже. Потому что в нашем районе новостроек самые подлинные и острые приключения только и можно испытать, что на стройках. А заодно прихабариться плохо лежащим столярным и слесарным инструментом, который если и наблюдался в неких нам неизвестных магазинах – то наверняка за такие деньги...

: На другой день мы вернулись в недоисследованный коллектор. С ножовкой, которой распилили дужку замка. И проникли дальше – как теперь понимаю я, в действующий магистральный ход. Который исследовали около недели – не подряд, разумеется, а с перерывами на возвращения домой. Деньги, выдаваемые родителями на школьные завтраки, теперь полностью уходили на батарейки и лампочки. Ибо плоская отечественная батарейка садилась в этом фонарике менее, чем за час; под землёй же я проводил гораздо больше времени. Освоив коллекторное пространство от окончания Ленинского проспекта до “Дома Мебели”, мы преисполнились достаточного к себе уважения, чтоб обратить взгляд к более серьёзным объектам.

: Через дорогу от наших домов находился целый квартал, брошенный строителями в 1966 году в самом начале работ — где были только вырыты котлованы, где из заполнившей котлованы воды торчала щетина вбитых в дно свай; где стояли фундаменты и первые этажи. Что важно – все эти котлованы и фундаменты уже соединяла коллекторная сеть; естественно, как и котлованы, она была затоплена водой.

– Строительные бригады отозвали для оказания братской помощи городу-герою Ташкенту, пострадавшему от землетрясения; естественно, что по возвращении в Москву СМУ, в соответствии с реалиями плановой социалистической экономики, приступили к возведению иных строений, запланированных аж две пятилетки назад на эти годы — что даровало всем мальчишкам Юго-Запада столицы просто потрясающее и интереснейшее поле для игр: затопленные котлованы и подвалы недостроенных домов зимой превращались в доступные только нам подземные катки (вот она, прямая аллюзия с луннопещерной фантазией Носова, – ледяные натёки толщиной в человеческое тело и более покрывали стены этих подвалов, под ногами свободная от снега ледовая плоскость – и всё искрится в свете бенгальского

экспедициях, все сданные в эксплуатацию коллекторы отгораживались кирпичной стеной от подвалов домов, куда подводили коммуникации. Конечно, такие барьеры возводились не ради удобства обслуживающих коллекторы техников – на техников миру совковой идеологии было плевать, как и вообще на любые удобства воспеваемого пропагандой рабочего класса, – ясное дело, что также не против крыс, ибо “крыса дырочку найдёт”, и должным образом организованная работа санэпидемстанции от крыс помогает “гораздо более” — **главная задача** *всех этих решёток и стенок была в том, чтоб преградить пути подземного перемещения неких “антигосударственных элементов”*: вот вам ещё одно патологическое искривление психики совдеповской власти. Так что уничтожение пещер и каменоломен – частный случай достаточно тотального ‘заблевания’.

огня или горящего куска оргстекла...); летом мы ловили там тритонов, играли в разваливающихся строительных бараках, собирали самостийно растущую на пустырях картошку – прежде на месте строительства была деревня – пекли её в кострах меж остатков яблоневых и сливовых садов, запекали в глине снятых из самодельных арбалетов голубей, – на кручах котлованной земли, заросших лебедой и крапивой в рост человека, разворачивались игровые действия, достойные “Полосы Симорона”...

Одной стороной недо-квартал упирался в лес; с другой его ограничивал овраг с текущим по тальвегу ручьём – ясное дело, такой антураж не мог не добавлять в наши игры романтики. Вообще, благодаря этому кварталу-призраку, детство моих друзей и моё несчастливым назвать сложно.

: Может быть именно потому Юго-Запад Москвы рекрутировал **целую генерацию спелестологов** — я мог бы перечислить не менее трёх десятков своих друзей по освоению Никитской пещеры, которые выросли в соседних со мной дворах и до сих пор продолжают своё общение с Подземлём. Как думается – во многом благодаря существованию этой строительной “незавершёнки”. Конечно, можно долго философствовать на тему “что было бы, если б мои родители не испытывали страха пред Миром Подземли и обеспечили мне полноценное спелеологическое ‘действие’ – стал бы я тогда лазить по коллекторам и подвалам, увлекая за собой Мишку и прочих друзей по двору, – а за нашим двором остальные в соседних кварталах, – факт: моду на освоение городских подземных пространств *на Юго-Запад столицы принёс я* (за что и приобрёл свой тогдашний ник Пещерный Житель) — но, как уже говорил, глупо трендить о том, чего не случилось. Хотя и интересно. В детерминированность и кондовую предопределённость Мира я *абсолютно не верю* — ибо коль это так, следует накрыться простынкой на диване и не отсвечивать: всё и так произойдёт/случится/сбудется, –

– но не более верю в то, что один человек способен изменить Судьбу Мира. Если, конечно, рука его не дрожит на “ядерной кнопке” (хотя и тут возможны варианты). Ибо полагаю вслед за исповедующими даосизм, что *нет в Мире учителей — есть ученики*. И если б дворы наши не были готовы разделить мои увлечения-предложения, – фиг бы мне удалось силой загнать в коллектор не то, что нашу дворовую команду – даже лучшего друга своего Мишку Зуева.

Не менее важное дополнение – интеллектуальное: дело в том, что почти все дома в окружающих эту “стройнезавершёнку” кварталах были *кооперативными*. То есть наши родители если и не принадлежали к некой творческой элите или к обеспеченному торгово-военному сектору – стремились так или иначе *сами делать свою жизнь, а не ждать квартирных и прочих подачек от государства*. Кто вкалывал ради этой квартиры на двух работах; кто выкручивался иным образом, – важно, что понятие более-менее достойного жилья обязательно включало в себя наличие, как минимум, нескольких книжных полок и некоего музыкального инструмента. В соответствии со среднемецанско-интеллигентной модой того времени это было пианино; в семьях, познавших вкус самодельной песни и туризма – конечно, гитара. Или магнитофон с

должным количеством переписанных у знакомых записей. Под обязательными книгами полагались распространявшиеся тогда по подписке собрания сочинений Конан Дойля, Уэллса, Жюль Верна, Джека Лондона, Марка Твена, Майн Рида и прочих любимых нами авторов; собрания их сочинений вкупе с просто незамечаемыми нами тогда иными книгами украшали шкафы и полки, демонстрируя некий достаток и одновременно образованность их обладателей. Конечно, было мало семей, где были бы представлены все перечисленные выше творцы “виртуальной составляющей” нашего детства — за отсутствием доступных библиотек в любом дворе или школьной компании процветал вполне заменяющий эти библиотеки книгообмен. Как и обмен записями Высоцкого, Битлз, Галича, Окуджавы, Визбора, Пёплов, Хипов и Роллингов. Ибо подростковое время наше счастливо пало на пик развития западного арт-рока и “своей” самодельной песни — так что как только на Западе выходил свежий альбом “Пинк Флойд” или Поля Маккартни, не позже чем через полгода его записи (зачастую самого изуверского качества) были у каждого. Кто тянулся к ним. Тоже происходило с новыми записями Дольского, Кукина, Клячкина, Егорова, Никитина и Кима. Думаю, все эти факторы вместе и сложили потом спелеум Никитского Круга: замечательно-отвязное детство меж руин совковой “незавершёнки” + книги + музыка. А также — что *совкового* в нашем воспитании не было ни на грош. И не потому, что из нас растили диссидентов или ‘кто-то на кого-то как-то влиял’ — нет: *просто потому, что мир нашего детства не включал в себя ни одного совкового понятия*. Но ведь — “мы сами себе выбирали маршруты” этого мира, как волен их выбирать каждый: ежемгновенно, на хрональных развилках Времени. И *другие люди* также вырастали из наших дворов и домов, — те, кто выбирал-загадывал себе судьбу иную.

: Мы избрали пустыри, подвалы и затопленные коллекторы; книги, песни и музыку. Как полагаю я, сделав единственно верный и естественный выбор.

: Те, кто выбрал школьную пионерскую дружину, тоже полагали, что “не промахнулись”. Великий Смех им судья.

И их последующей биографии.

: Естественно, мы с Мишкой заразили своими подземными исследованиями вначале наш двор, затем соседние; естественно также, что вслед за сухими, не затопленными ходами пустующих коллекторов наступил черёд “недостроенной обводнёнки”. Потому как что в действующих коллекторах, что в не сданных в эксплуатацию пустых прямоугольных туннелях нам уже было слишком скучно.

Над оснащением своих спелеоводных экспедиций думали не долго — на “засекреченной” стройке в изобилии можно было натырить неоприходованных обломков замечательно горящего плекса (школьнобуфетных денег на батарейки к фонарикам просто-напросто не хватало); на той же стройке имелись целые штабеля больших пенопластовых плит. Одна плита вполне выдерживала на плаву вес наших не слишком тяжёлых тел; однако, для лучшей устойчивости мы делали свои подземные исследовательские плоты из двух плит, сбивая их заборными горбылями: две доски сверху, две снизу. И ещё одна — в качестве

весла, руля и шеста для отталкивания от дна одновременно.

Постепенно конструкции плотов совершенствовались – кто мог позволить себе потратиться аж на два двухбатареечных фонарика, прикрепляли их на передних краях пенопластового плота жестяными полосками навряде автомобильных фар; появились конструкции с самым настоящим килем... *Предмет высшей зависти был – автомобильная камера. Желательно от трактора. А уж старая десантно-спасательная одноместка ярко-оранжевого цвета, которую Мишка выудил из какой-то помойки,*–

– *Клеили мы её, наверное, две недели,*– и всё равно: чудом не утопили на первом же подземно-водном испытании. Так что пенопластовые плоты оказались надёжней. Тем более — абсолютно непотопляемый монстр из четырёх или восьми плит, сбитых меж двух полновесных заборных щитов и оснащённый гребными колёсами с педальным приводом (старенький “школьник” с до половины утопленными в воде колёсами – на переднем пластиковый щит в виде киля, на заднем зафиксированные на спицах поперечные лопатки из тонкого пластика или фанеры),– в коллекторе он едва помещался, но грузоподъёмностью отличался столь завидной...

: Просто кайфно было иной раз крутить педали на таком левиафане под самым сводом полузатопленного коллектора – пятнышко светлого входа сзади, зеркало воды перед тобой, уходящее во тьму,– и вдруг из-за поворота навстречу будто автомобиль —

— плот с соседнего двора. *С четырьмя ослепляющими фонарями-фарами.* И – Сражение: кто кого вытеснит, заставит дать задний ход? С неизбежным финальным абордажем-купанием. За которым следовала совместная просушка у тёплого костра с пекущейся в консервной банке с травой картошечкой. И поджаривающимися на прутиках ратанами, наловленными в котловане-пруде. Или тушками голубей, снятых из арбалета – самого модного в наших тогдашних дворах оружия. *Если бы только не возвращаться домой...* (Домой – ладно; дома книги, магнитофон,– но вот дьявольская необходимость на следующий день с утра отправляться в проклятую школу... О том, что можно её “гульнуть”, не многим из нас тогда приходило в голову.)

Венец этого периода был – штурм мной и Мишкой уложенной в трубу юго-западной речки Самородинки.

: Затопленные практически стоячей водой коллекторы и подвалы поднадоели — потянуло на более крутые подвиги... < Уже было: удирание по “ливнёвке”, пятясь задом вперёд, ибо развернуться в узкой трубе не было никакой возможности, от характерного унитазного звука несущейся навстречу воды,– схватки со зрителями официально функционирующих коллекторов, откапывание друг друга в зыбучем песке наносов подземно-трубной гавнотечки... >

: “Остренького захотелось”. Супер-прикольного. И оседлав свои плиты, ломанулись по достаточно буйному течению в яйцеобразного сечения трубу. На стрежне потока,—

Где в свете последнего догорающего куска плекса увидели, что нас несёт

на традиционно перегораживающую проход решётку.

: *Дело происходило в марте месяце. И как мы потом, когда-таки выбрались из туннеля, неслись домой через занесённые снегом лес и пустыри...*

В обледеневающих на ходу штанах и куртках.

«Мало – не показалось».

Но ни я, ни Мишка, так и не заболели. Возможно, благодаря этому бегу. И отвращения к исследованию Подземли не поимели: ни на гран.

— Вот только жопы потом болели...

: От характерно-ременных

рубцов. У обоих.

: Первой моей Системой были Силикаты. Они позвали-околдовали на всю оставшуюся жизнь, – но притянули не к себе, а к *Подземле вообще*. Не в силах противиться Зову, “за отсутствием достойной альтернативы” с восьми до пятнадцати лет рассекал по коллекторам и подвалам < *позже* эту разновидность спелестологии назовут диггерством > –

– Потом случилась поездка в горный Крым, на плато Чатыр-Даг.

ТУМАН НА ЧАТЫР-ДАГЕ

*“Дождь... Над Чатыр-Дагом
сплошной пеленой...”*

: Белое, плотное молоко-одеяло. Протягиваешь руку – не видно кончиков пальцев. «БОМ!» – звучит снизу/слева, из невидимой в тумане воронки. По звуку – четвёртая. Тем не менее, пение продолжается:

– *Ах, шарабан мой – американка...*

: Отсутствие струны Симу явно по фигу. < «Мне бы *так* научиться владеть гитарой – хоть когда-нибудь...» – мелькает в голове. > Стою в раздумьях: что делать дальше? Из-за тумана выходы на плато запрещены решением Магистров, – и, конечно, правильно: воронки, одинаково-круглые, почти касаются своими краями друг друга; невозможно при перемещении на ощупь сохранить даже видимость направления – пусть с компасом в руках и отсчитывая пройденные шаги — толку в таком тумане? При движении по полуокружностям меж воронок, которых на плато явно больше, чем ровного места. С ужасом представляю воронку Бездонки: покатая “живая осыпь”, ни деревца, ни кустика, – поскользнулся — поехал к невидимому в тумане зеву колодца метров десяти в диаметре, в который подло-плавно переходят склоны воронки — и: полёт в 164 метра. До снежного конуса на дне. Выжить при ударе о который *после такого полёта* крайне проблематично. Впрочем, угодить в Ход Конём, что незаметной щелью подкарауливает на дне соседней воронки – не слаще. 204 метра. Пусть и не вполне прямого полёта.

— Понимаю: против Магистров мы – чайники. Самые натуральные чичаки первого “вертикально-пещерного” выезда. Слушаться Магистров надлежит строго-настрого. Тем более, что они сами сидят в лагере – метрах в сорока от нас, в воронке чуть правее нашей. Из тумана даже доносятся некие звуки – тоже гитара, пение – и какие-то голоса. Под звон костровой посуды.

: Лагеря в воронках – ибо в них не продувает ветер и есть хоть какая-то растительность, пригодная для костров. Ну и конечно, не меньшее соображение – о котором мы все предупреждены – “чтоб лишне не отсвечивать” пред пытливыми взглядами пантюхинской ГСС⁶⁰. Ибо *попасться им* –

: рассказов хватает. И что останешься без денег, снаряжения и продуктов — не самое зло.

: Такие вот “спасатели”. Не понимаю наивным своим умом, как такое может быть – и что за подонки идут работать в эту службу. Проведя детство на Кавказе и Тянь-Шане, просто не могу взять в толк: как спасатели вместо оказания должной помощи людям занимаются элементарным грабежом и издевательствами. Ибо на Кавказе — не так. На Тянь-Шане, многократно более сложном и опасном во всех отношениях и смыслах – “и того более”.

И, в общем-то, экспедиция наша вполне разрешённая и официальная – у каждого запаянная в полиэтилен бумажка с печатью ВАГО⁶¹; официальная цель экспедиции — майские наблюдения “серебристых облаков” (наблюдения эти действительно проводятся каждую “прозрачную” ночь – сомневающимся посылаю к отчётам наших экспедиций и к тем выводам, которые делали учёные после анализа собранных нами данных), — *кто имеет моральное или некое иное право запретить нам в свободное от занятий небесной наукой время заниматься наукой подземной?..*

: Есть подозрения в нашей компетентности и оснащении – пожалуйста, посмотрите снаряжение; поговорите со старшими в группах, оцените их спелеопыт — убедитесь: снаряжение на уровне самых современных возможностей, со спелеопытом руководителей экспедиции тоже всё в порядке – как и с понятиями о технике безопасности даже у таких чичак, как я...

: ну какому нормальному человеку придёт в голову отправлять под землю людей, не экипированных должным образом? Людей, за чьи жизни он в ответе. И разве возникает у меня мысль, презрев запрет на одиночное хождение по плато, разгуливать по нему в окружающем тумане? Тем более — устремиться в некую щель-пещеру без должной страховки, КС оставшимся в лагере, надёжного света с неременной “запаской” – и более опытного напарника. Хоть в подмосковных лесах и прошёл необходимый ликбез по пользованию верёвочным “железом” – рогаткой и самохватами.

: Внимательно прислушиваюсь к себе. Нет, не возникает. Стою на границе воронки за кустами некой “зелёнки”, сделав всё, ради чего отходил за эти

⁶⁰ Горно-спасательная служба Крыма, возглавляемая известным крымским спелеологом В. Пантюхиным.

⁶¹ Всесоюзное Астрономо-Геодезическое Общество.

кусты. Невидимый в тумане склон влево уходит к нашим палаткам, откуда доносится удалое многоголосное пение; через пяток метров относительно ровной поверхности, лишь пересечённой гребёнкой карров, такой же склон опускается в воронку руководителей экспедиции. Прямо по направлению белых карровых гребешков.

Возникает Соблазн – пользуясь всеобщей Белой Туманной Скукой, отправиться в воронку к “главным скотам” и порасспросить их о местных пещерах. Особенно о Двадцать Третьей, куда мне по статусу *и близко подходит нельзя* — но которая является Главной Целью этой экспедиции SCO.

— Здесь я вынужден дать некие пояснения. Ибо оказался я в этой экспедиции совсем не случайно, — как видится мне теперь < под буквально стучащийся в уши изнутри перефраз ‘ивасёвского’ “Дождя над Иссык-Кулем” — в то время, кстати, прекрасно уже известному мне со всеми своими окрестностями, спасибо родителям, — ‘туман над Чатыр-Дагом сплошной пеленой...’ >:

: Ибо, как я поведал выше, чтение чуть-ли не с первого класса захватило меня. Практически сразу я “разобрался” с приоритетами — Жюль Верн и Джек Лондон стали главными в моём юном мироощущении (лондоновские “северные рассказы” удачно подпитывались/отражались постоянными поездками с родителями в горы и зимними походами на лыжах); второе место заняла фантастика. Что было естественно-модно в наших юго-западных кругах дворового общения. За Уэллсом открыл пишущих о Космосе — и довольно быстро фантастические опусы сменило чтение научно-популярной и детско-ликбезной “космической литературы”. Какое-то время разрывался меж исследованием городской “подземки” и чтением “Очерков о Вселенной” со всевозможными “Отзовитесь, марсиане!” — затем поставил озабоченным моим внешкольным досугом родителей ультиматум: если хотите, чтоб я занимался хоть в каком-нибудь кружке — ведите во Дворец пионеров, в астрономическую секцию.

: Повели. В конце августа, перед моим четвёртым классом. Но оказалось, что астрономией дозвоительно заниматься только с шестого — и то, “в самом исключительном случае”; вообще же лучше приходить классе в восьмом.

Раздосадованный отказом, выпалил в лицо сидящей за столом даме, — потом оказалось, что это была завуч астрономического отделения Дворца, Нина Владимировна: «Один Витый Англичанин Финики Гевал, Как Морковь!»⁶² (не забыв уточнить, что наше родное светило относится к классу G2) — и потребовал, чтоб мне устроили экзамен на предмет пригодности.

: Устроили. После которого Нина Владимировна и Борис Григорьевич Пшеничный — директор астрономического отделения Дворца — с недоумением почесали затылки: «Не уверены, что мы сможем его ещё хоть чему-то обучить...»

⁶² Первые буквы слов — латинские. Это мнемоническое правило позволяет запомнить спектральные классы звёзд Главной Последовательности.

– Но дали добро на посещение занятий старшекласников. Кой худо-бедно посещал два года — несмотря на очевидные тяготы общения с переростками, в астрономии ни фи́га не петрящими. И изливавшими всю свою зависть ко мне в виде бесконечных “подколов” и издевательств.

Однако, устроить мне “индивидуальное обучение” руководство Дворца не могло — и без того хватало у них забот; я ведь понимаю, *каких усилий* стоило выбивать им у институтов и власти тренажёры для “юных космонавтов” и телескопы с прочим учебным оборудованием для нас,— какую любовь к науке (и её возможному будущему в нашем лице) нужно было иметь, чтоб за 60 р. в месяц после своей основной работы по два часа в день преподавать нам некие ликбезные астрономические истины,—

— “а тут ещё этот вундеркинд” ...

Однако, не один я был такой. И хороших, добрых людей в те годы ещё хватало. Как теперь понимаю — во многом благодаря SCO: первой астрономической группе, выпущенной московским Дворцом пионеров. Они назвали себя SCO в честь латинского обозначения созвездия Скорпион (позже придумали аббревиатуре подходящий латинский девиз, вольное продолжение дигесты Юстиниана *sum cuique otium* — переводящийся на русский, как “каждому свой досуг”),— во время своего обучения они выпускали совершенно неофициальную, отвязную стенгазету “Скорпион”. По названию которой было и содержание.⁶³ Обучение в астрономическом дворцовом кружке длилось три года; конечно, разновозрастные группы общались меж собой — тем более, что время от времени руководство астрономической секции устраивало совместные праздники (наиболее чтимый до сих пор — Астрономический Новый Год) и поездки-экскурсии (например, в Калугу: в музей Космонавтики). И конечно, в соответствии с тотальной молодёжно-интеллигентной модой того сладкого времени — как минимум однодневные походы в лес.

А наши кружковые преподаватели были людьми и интеллигентными, и молодыми.

Обучение в вольно выбираемом круге общения — тем более, свободно избранной тобой дисциплине в кругу *таких же, как ты* — не школьная обязателька. Сплачивает и объединяет, не в пример оной. Так что автоматически получилось, что по окончании обучения группа “скотов” продолжила своё общение с Дворцом и теми, кто приходил им на смену: каждая группа следующих лет выпуска автоматически вливалась в это образовавшееся Братство.

К тому времени отцов-основателей стали называть Магистрами; часть из них продолжила своё астрономическое образование на физфаке МГУ (в Государственном Астрономическом Институте имени Штернберга); часть

---

⁶³ Отсюда — происхождение подпольно-подземных “маразматок”, творимых вначале моей группой “УМ”, затем Никитским кругом: *от SCO и их неофициальных стенгазет, не похожих ни на что, выпускавшееся в совке в этом жанре, невозможно было не “заразиться”*: идеями, стилем, юмором. И прочим, что составляло нашу реальную жизнь — против совковой.

избрала иные профессии, так или иначе связанные с космосом. Или с физикой. Или с преподаванием.

Теперь уж не установить, кто первым из Магистров обратил свой взгляд к Подземле – но это случилось: началось с подмосковных Сьян; продолжилось в Горном Крыму вертикальными пещерами во время ежегодных экспедиций ВАГО по наблюдению потоков метеоров и серебристых облаков.⁶⁴ И родился невиданный прежде *стиль жизни: спелеоастрономия*. С виртуальным (как сказал бы теперь) символом – Улугбеком. Что, как известно, спускался в глубокие колодцы для наблюдения звёзд “среди бела дня”. (Ночи ему, как всякому хорошему астроному, было мало. Даже среднеазиатской.)

Стиль этот, помимо обязательного увлечения спелеологией⁶⁵ и астрономией, включал в себя весьма основательное литературно-музыкальное образование: как неэтичным считалось *не знать* творчество Братьев Стругацких и Михаила Булгакова, так *просто глупцом* полагался человек, что предпочитал самодетельной песне западный рок – или наоборот. Естественно, что я, узнав, проведая об этом славном мире, сразу ощутил всей своей душой: ЭТОТ МИР — МОЙ.

: Не “надолго”, – НАВСЕГДА.

– Стоит-ли специально утверждать, что отношение к совковой власти в Братстве было однозначно-отрицательным?.. Думаю, сие очевидно. И это тоже меня вполне устраивало. Ибо уже тогда знал: как бы мы ни уходили в пещеры и ни стремились к далёким и близким звёздам — Главное остаётся на Земле. И этого не избежать никакой романтической ‘подпиткой детства’.

Так что воспитывать меня – или как-то обращать в свою веру – Магистрам не требовалось.

Но это было чуть позже. Тогда же, в начале семидесятых, по инициативе весьма прекрасных и достойных людей, – заботящихся не на словах, а на деле о будущем нашей науки – была предпринята попытка собрать под эгидой астрономического отделения Дворца группу из действительно талантливых ребят – и дать им реальное высшее астрономическое образование *досрочно*. Экстерном, без отрыва от школьного обучения.

: Одним из двенадцати отобранных по всей Москве учеников был я.

И конечно, обучение наше было неразрывно связано с SCO.

А потому в мае 1975 года вместо тягостной школьной учёбы я оказался в

⁶⁴ Так же возможен “обратный вариант”: обнаруженные во время астрономических экспедиций крымские пещеры *втянули в Мир Подземли* – потребовав продолжения меж достаточно редких ‘вагонных’ выездов, – и неизбежно привели в Сьяны.

⁶⁵ Что до спелеологии – никогда в SCO не ограничивали свои “подземные интересы” одним поиском и первопрохождением пещер; например, *первый фильм, снятый в нашей стране о Подземле*, был снят в пещере Абркисла магистром SCO Виталием Ромейко – в те годы преподававшим в дворцовом кружке “юных космонавтов”.

астрономо-спелеологической экспедиции ВАГО на плато Чатыр-Даг. В составе нашей “вундер-группы”. Под руководством одного из Магистров Братства – Владимира Георгиевича Попова. *Человека, крайне замечательного во всех отношениях и столь много сделавшего для моей судьбы – в те годы и позже, – как, впрочем, и для многих моих друзей, – что если я начну рассказывать о нём подробно...*

: Боюсь, не стоит делать этого здесь.

Скажу проще: трём людям я обязан в этой жизни всем, что было в ней счастливо связано с миром Подземли. Один из них был назван; это Саша Морозов. Второй – Владимир Георгиевич Попов. Третий – проректор МОГИФКа⁶⁶ по науке, д.м.н., профессор Леонард Николаевич Жданов. О нём — далее.

– Приняв решение, спускаюсь в нашу воронку и интересуюсь у ‘дежурного кострата’ Гены Дольникова: «где Попов?»

– *Как зовут собаку Ромейко?* – вопросом на вопрос отвечает он.

Игнорируя двусмысленность (сколько общаемся с Магистрами, столько слышу эту хохму), добиваюсь признания.

– В Скотской воронке. Готовятся к закрытию Двадцать Третьей.

– Так ведь туман какой...

– А что? Самое оно в такой туманище — когда ГСС на плато и носа не кажет... Кстати, наблюдается презабавнейшее метеорологическое явление: стоит поярче разжечь костёр, туман над воронкой рассеивается. И начинает моросить дождь. Я тут экспериментирую – но пока ещё не решил, какое из двух зол хуже.

– С водой у нас как?

– С водой уклончиво. Но пока есть: из тех канистр, что вчера из Холодной притащили, одна осталась. На ужин хватит.

: С водой на плато – Проблема. Даже сейчас, в мае. Что же будет летом, когда растают снежники на дне трещин и неглубоких колодцев?

: Не представляю. Потому SCO и организует свои выезды только весной. Впрочем, говорят, что мутное озерцо пещеры Холодная летом не пересыхает.

– Я тут вчера в воронке неподалёку трещинку нашёл, – говорит Гена, – вполне можно слазить, когда туман сойдёт. И если верёвки свободные останутся. Там на дне просто уйма снега.

– Ладно, слазаем, – обещаю я: в такие неглубокие пещеры нам лазить дозволяется. Главное, чтоб дежурный в лагере точно знал, куда мы направились – и на какой срок.

Из палатки Сима вовсю раздаётся «На старой кобыле с ослом в поводу...»

: Классическое арпеджио.

– Я к “скотам” пойду, – сообщаю я.

– Валяй. Только жажни оттуда чем-нибудь погромче, как доберёшься — чтоб я *через это* услышал, – он кивком показывает на орущую в шесть голосов палатку. И добавляет в костёр большую охапку хвороста: “для просветления

⁶⁶ Московский Областной Государственный Институт Физической Культуры, находится в Малаховке.

небосклона”, чтоб я по дороге не сбился.

Туман действительно несколько рассеивается – зато сверху начинает капать.

– Видал? Ну, валяй, пока видно, куда идти.

— “Валяю”. Спускаясь по склону “скотской воронки”, замечаю под вертикальным каменным уступом нечто вроде промоины; влекомый естественным любопытством, вглядываюсь во тьму – что там? Пещера?.. Ничего в подкаменной тьме не видно.

: ладно, спускаюсь дальше по склону в тумане. На голоса. Обсуждающие на довольно повышенных оборотах – когда закрывать Двадцать Третью. И в каком месте. Ибо, оказывается, у кого-то есть неотснятые плёнки, и несмотря на то, что накануне всю пещеру не только оттопосъёмил и отснял на киноч/б-и-слайды, “лучше иметь побольше дубликатов”. На будущее.

Дело в том, что Двадцать Третья – красивейшая пещера из найденных и пройденных SCO на Чатыр-Даге. Расположенная почти у края плато на стороне, выходящей к морю – что определило её судьбу. Ибо в ГСС пронюхали о пещере, – попробуй скрыть такое открытие! – и в коридорах крымской власти родился безумный проект, который разделили те, у кого под касками вместо мозгов – установки той самой власти: *пробить к красивейшей нижней части пещеры тоннель и сделать её доступной для осмотра матрасниками. За соответствующие деньги. Оснастив, конечно, прожекторами и прочим,* –

: такая вот инициатива. В полном соответствии с “целями и задачами официальной советской спелеологии” —

— Очевидно, именно в соответствии с этими задачами люди, открывшие пещеру, были отмудоханы во время одного из своих походов в неё сотрудниками ГСС – с естественной “конфискацией снаряжения”⁶⁷ и денег – после чего в центральной прессе появилась полная обличительного

---

⁶⁷ Грабёж туристов был не единственным видом приработка сотрудников крымской ГСС – как поведал мне несколько лет спустя один из бывших крымчан, в то время врач ГСС, на каждые “спасработы” им выписывалось с армейских складов “энное количество” тушёнки и прочей еды — конечно, превышающее реальный расход в несколько раз. Эти “сэкономленные” продукты, как и “списанное за негодностью” снаряжение, неплохо поддерживали материальное положение крымских спасателей. Самое интересное, что рассказывавший это (теперь он работает в Москве в службе Скорой Помощи), ни сколечко не стыдился: данное положение дел он полагал вполне оправданным и нормальным. «А что? Государство наебать – Святое Дело!»

: В принципе, конечно, оно так. Ибо государство это, трендящее о постоянной нашей задолженности ему, *на самом деле* нам всем столько задолжало... И отдавать не собирается. Так что дело неизбежно-правильное. Иль вынужденное. Только в результате этого поставленного на поток дела в крымской ГСС собрались не те, кто жизнь был готов положить за спасение людей — а банальные мародёры. Отсюда характерный “творческий почерк” крымских спасателей, неотличимый от их целей существования.

пафоса статья “РАСХИТИТЕЛИ СТАЛАКТИТОВ”. В которой рассказывалось, как вандалы из SCO грабят и разоряют пещеры; как несчастным спасателям приходится день и ночь, не щадя живота своего, патрулировать плато – и отбирать *целые рюкзаки* наломанных сталактитов. К сожалению, не помню точной даты выхода газеты (“комсомолки” или “вечёрки”),– ну да не беда: можно в библиотеках порыться. Жалко лишь, что тогда по прочтении просто вытерся своим экземпляром,– был бы умнее, оставил для архива. Но, может, кто-то оказался умнее – и сможет переслать мне копию? >

: Ясное дело, официальные спелеологи ещё не имеют точной топосъёмки пещеры – и коль её закрыть сейчас, пещера не будет уничтожена “на корню”. Как образовавшейся тягой воздуха, ликвидирующей сложившейся процесс роста её сказочного убранства – так и при неизбежных строительных работах. И последующей эксплуатации.

– Думаю: не помешаю-ли я обсуждению?

Но, в принципе, всё решено; голоса отдельных недовольных явно слабее тех, кто полагает, что закрывать нужно сегодня, пока не рассеялся туман. Потому что и день промедления может оказаться *последним*.

Для пещеры.

Приближаюсь к свободным от спора и подготовки взрыва – прошу пальнуть из “стартовика”: что добрался. Преодолею целых 50 метров в тумане. Как ёжик. И невзначай интересуюсь: что, мол, за дырка рядышком в склоне?

– А, фигня,– отмахиваются после произведённого выстрела,– слишком узкая, чтоб пролезть. Да и в борту воронки — явно же, склон “пополз”, вот и развилась по ТБО⁶⁸. Вряд-ли куда выведет. Тем более, что здесь,– жестом обводит воронку с лагерем,– никакого провала и входа нет.

– Но воронка-то есть! – тут же вступает кто-то,– значит, внизу карст! И внушительный!

– Ага. Погребённый. И сколько до него биться? Был бы потолок тонок – уже провалились бы...

– Не скажи. Мало, что-ли, Систем такими бортовыми вторичными трещинами открылось? В то время как центральный ствол – рухнул. Я бы слазил.

– Застрянешь – чем тебя оттуда выковыривать?

– Он пролезет.

– Посылать мальчишку...

---

⁶⁸ Трещина бортового отпора. Подобные трещины возникают в бортах оврагов и на склонах холмов, речных долин, от оползания части склона; при этом сползает не только верхний слой почвы (это следствие) – оползень начинается с откалывания краевых блоков скального массива, на внутреннюю сторону которых оказывает давление весь массив,– на внешнюю, служащую бортом склона, давит лишь атмосферный воздух. По случившемся трещинам иной раз развиваются карстовые или гравитационные пещеры (что получают от обвалов краёв трещины) – как правило, это пещеры неглубокие и живущие недолго: они заполняются землёй, смываемой со склона во время сильных дождей и весеннего снеготаяния.

– Тактика опробованная. Пошли.

– Делайте, как знаете. Слезы утирать не приходите. И если там меньше десяти метров – с тебя бутылка в три, как минимум, амбарцумяновских звёздочки.⁶⁹

: делаем, как знаем. Меня оснащают светом, затягивают в нижнюю и верхнюю обвязки – выдернуть, если застряну, – и с некоторым трепетом я заползаю *в первую в своей жизни настоящую пещеру, где до меня никто не был.*

К моему удивлению, это не оказывается “элементарной трещиной бортового отпора” – структура пещеры совсем иная: явно промытая-проточенная водой в известняковом монолите, она спиралью спускается вниз – всё ниже и ниже, на пределе моего дыхания сжимая меня своими стенами — так, что в какое-то мгновение я, вися головой вниз под углом в 45° уже перестаю что-либо соображать («пиздец, отлазился» – дословно звучит в голове), – но тут ход выводит в небольшой зал. Где-то на уровне дна воронки – как кажется мне.

Он богато украшен корой и натёками жёлто-серого цвета; с пола поднимаются волдыри и неровные булавы сталагмитов. Дальше хода нет. Правда, можно попробовать копнуть явно глиняный замыв у дальнего правого края – ясно, что промывшая пещеру вода *стекала дальше,* – но для этого нужно сломать несколько сталагмитов. Чтобы пролезть в тот угол.

: нет, на это рука никогда не поднимется.

И разве мало на плато других, более доступных пещер?.. Только позавчера мы ходили в Ученжу... А перед тем – в Трёхглазку. *Ни один сломанный натёк не стоит возможного дальнейшего продолжения – эту истину я твёрдо усвоил ещё в городе.* Иначе б не оказался здесь.

: Развернувшись, даю задний ход. На поверхность, к свету и непогоде.

Наверху докладываю *о первопрохождении;* рисую схему. Размер полости уточняется с помощью моей страховочной верёвки; направления поворачивающих ходов – по компасу. Который у меня, как праздник ориентации, “всегда с собой”.

Руководитель моего первого самостоятельного спелеоисследования выигрывает бутылку коньяка – длина пещеры в два раза превзошла максимально отведённые на неё десять погонных метров, – я получаю название пещеры: “ПИЩЕР–1”.⁷⁰ С намёком, что числительное окончание должно увеличиваться в течение моей спелеожизни.

А вечером – грандиозный салют. Из всех экспедиционных ракетниц. Не в

⁶⁹ В. А. Амбарцумян – армянский харизматический астроном, известный неортодоксальными взглядами на звёздную эволюцию, директор Бюраканской астрофизической обсерватории. В 1971 году организовал первый в нашей стране международный симпозиум по проблеме существования внеземных цивилизаций и связи с ними. В астрономических и околоастрономических кругах его имя является нарицательным.

⁷⁰ В честь своего тогдашнего ‘спелеоника’ – Пещерный Житель. В сокращении Мишки Зуева оно звучало, как Пищер.

мою честь — по поводу состоявшегося закрытия Двадцать Третьей.

Удивительно, но факт: в момент проведения салюта туман на плато рассеивается, как по движению некой волшебной палочки. И видно его из каждой “стояночной воронки”.

Затем белая пелена схлопывается вновь. И поднимается ветер.

С омерзительным, всё пропитывающим мелким дождём.

Временами переходящим в град.

В свою очередь, переходящим в ...

УСТЬЕ

«Но начальник умным не может быть...»

К концу 60-х годов изменилась обстановка в стране. Эйфорическая оттепель закончилась: “где надо”, власть “подтянула гайки” — оправившийся от хрущёвских разоблачений Комитет обратил своё пристальное внимание на чересчур, по его мнению, разгулявшуюся интеллигенцию (первыми жертвами этого внимания стали поэты и писатели, с удивлением обнаружившие: то, что они ещё вчера вполне свободно могли писать и читать на многолюдных творческих вечерах в ДК и на площади Маяковского у памятника “самому пролетарскому из поэтов” — ныне “не шибко приветствуется”: рукописи тормозятся в издательствах, поэтические митинги, оказывается, нуждаются в *литовке* и спецразрешениях,— состоялись первые “литературные суды”: кого судили “за тунеядство”, ибо не каждый поэт мог внятно объяснить власти, на что же он существует; кого — за слишком вольное, свободное от догм соцреализма, Слово). За писателями наступил черёд художников (ещё Хрущёвым обозванных “пидарасами”),— кинематографистов, телевиденья... Фильмы, допускаясь до экранов, становились всё более пустыми и примитивными; программы ТВ начали соревноваться в верноподданнической пошлости и убогости. А вчерашние двадцатилетние романтики обнаружили, что за уют и комфорт новых квартир нужно платить: не “правильным голосованием” на партсобраниях по месту работы иль имитацией ‘трудоого энтузазизма’ — так участием во всё более охватывающей страну паутине воровства и спекуляции. Поговорка “хочешь жить — умей вертеться” стала не просто модной — символом наступавших времён. В которых былой романтике и простой человеческой честности не оставалось места.

Былые встречи родившихся в шестидесятые кругов друзей, на которых прежде главными темами были стихи, фильмы и книги,— новые открытия учёных, песни под гитару, обсуждения сравнительных достоинств Бакуриани и Терскола, Кавказа и Тянь-Шаня, велопоходов иль недельных лыжных путешествий, *теперь стали ритуальными пьянками*. Со стандартно-мещанским набором обсуждаемых тем: кто с кем переспал, где достал сервиз или румын-

ский спальный гарнитур, сколько отдал за пальто или шубку, у какого знакомого продавца удалось купить батон сервелата к столу или баночку красной икры,— как без очереди получить холодильник, садовый участок, машину, новую квартиру... Кто не мог принять это страшное омещанивание жизни, замыкались в себе, отдалялись от бывших друзей и соратников. Одни уходили во “внутреннюю эмиграцию” (не важно, в чём она проявлялась: “писании в стол” или безраздельном переносе интереса от социальной темницы города к миру Природы: походам в леса, пещеры, горы); другие сплывались в первые диссидентские группы.

Одновременно в спелеологии завершился период начального становления. Нарботанный опыт позволил конструировать необходимое снаряжение, отсеив нежизнеспособные варианты; времена ночёвок на охалке соломы под телогрейкой и хождения с коптящими солярно-ветошными факелами ушли в прошлое. Но первое поколение спелеологов, что с равным удовольствием увлекалось также горными лыжами и водными походами, альпинизмом и самодеятельной песней, частично расслоилось: кто-то, пресытившись каменоломнями, избрал иные виды туризма или погрузился в семью, работу, дом (фактор взросления играл не меньшую роль, чем, скажем, служба в армии — “из которой не все возвращались теми, какими уходили” — или завершение обучения в институте с последующем распределением “в края, от всяких пещер отдалённые”); кто остался в Мире Подземли — обратил свой интерес к дальним, “серьезным” пещерам.

В это же время власть в сотрудничестве с некоторыми группами первого поколения спелеологов (назовём это сотрудничество **ВЫНУЖДЕННЫМ**) завершила создание системы официальных спелеосекций при дозволенных клубах туристов. Отмечу, что советские “клубы туристов” того времени являлись совсем не тем же самым, что на Западе; в тоталитарном государстве это, скорее, учреждения контрольно-фискального рода, призванные “держат и не пущать”, — а так же “разделять, наставлять, управлять и властвовать”. Подобно официальным альпинистским организациям они, конечно, сняли многие проблемы энтузиастов-любителей: допуск в “закрытые” районы, возможность приобретения кое-какого снаряжения, что отсутствовало в доступных для всех магазинах, транспортные проблемы... Ну и, конечно, вполне разрешённая возможность общения — и обмена спелеологической информацией: не стоит забывать, что НИ ОДНОГО спелеологического издания в стране по-прежнему не было, а любые попытки в нашей стране заниматься *самиздатом* в те годы квалифицировались, как уголовное преступление. Впрочем, до серьёзного обеспечения спелеоэкспедиций (как делается, к примеру, во Франции и Италии) дело не дошло — так и сравнивать нечего: демократическую страну и тоталитарную...

: Ничего плохого в самой идее создания спелеосекций не было — более того, глупо отказываться от перечисленных выше “благ”; что сомнительная фронда против действительной помощи в освоении, поиске и изучении пещер? Тем более, что пока речь шла о *поиске и первопрохождении*, романтика постижения Подземли все-таки сохранялась. А что до того, что кое-кто был вынуж-

ден расплатиться за возможность сохранения этой романтики *романтикой убеждений* (получив за отказ, скажем, от распевания определённых песенок и разговоров на некие темы доступ к “почти халявным” верёвкам и карабинам), – что ж: это были **их** трудности.

Если были.

В конце концов, аналогичный процесс в те годы (конец 60-х / начало 70-х г.г.) проистекал во всех видах туризма, и в самодеятельной песне. [См., например, «Историю московского КСП» Игоря Каримова.] Как теперь говорят – «время было такое». Однако «не я извиваюсь – дорога кривая», – оправдывается змея.

Но вот в чём фокус: спелеология **в принципе** отличается как от туризма, так и от всех видов спорта. Особенно горизонтальная. И вдвойне – *спелестология*.

: Поверьте, это очень большое и важное отличие.

Потому что спелеология – *единственный вид спортивного туризма* (если относиться к ней, как к туризму и спорту), *где твоё общение с Природой проистекает не под “небом голубым” — под каменным сводом в изолированном от прочего мира пространстве*. Принципиально ином и чуждом условиям обычной нашей жизни. И это общение – в отличие, к примеру, от объектов скалолазания – не повторить, не смоделировать ни на каких стадионах или специальных тренировочных площадках. Единственный вид туристического спорта, который можно счесть в чём-то аналогичным спелеологии (коль искать аналогии в пространственной изоляции от обычного мира) – дайвинг. Но условия Подводны имитируются в любом бассейне; естественно, что начинающий аквалангист поначалу тренируется в нём. Да и любое пребывание в водной среде — неизбежно временное. Формой жизни и бытия стать не может, – коль тебе, конечно, не пересадили жабры и мозг акулы. Побултыхался, поплавал в удовольствие своё – пожалуй на желанный берег к привычному образу жизни. И сколько часов может быть твоего подводного пребывания?

: Час-полтора. “Ну три” — если обладаешь современным ребризером и дублирующим комплектом.

Против дайвинга, твоё общение с пещерой ничем не ограничено. Разве что – возвращением в город, на работу или учёбу. И возвращение это каждый раз несёт неизбежный оттенок принуждения, фрустрации.

При этом пещера может либо быть, либо не быть; никакая имитация её даже имитацией по сути не будет. И понятие *зрителя* или *болельщика* к спелеологии не применимо в принципе. Вся она со всеми возможными своими оценочными и прочими категориями *заключается лишь в себе самой*. Ведь ПЕЩЕРА И ТЫ – общение достаточно интимное. Тут не просто *не обязательно*, чтоб какой-то “специальный дядя” из далёкого города “свечку держал”, регулируя и направляя твоё личное ОЩУЩЕНИЕ ПОДЗЕМЛИ, твоё понимание и чувствование Белого Камня и всего, что его наполняет, – более того: образ данного чиновника от туризма несколько мешает (говоря *очень мягко*) твоему персональному пребыванию под сенью каменных сводов... Ибо в том, что влечёт нас под землю, чиновникам точно не место.

Данный пункт можно расширить, ибо истинная спелеология — *точно не спорт*. В журналистских кругах спелеологов часто уподобляют “альпинистам со знаком минус”, — так вот: **это величайшее заблуждение**. Даже если под спелеологией подразумевать лишь её вертикальную составляющую. Потому как в современном альпинизме безусловно главенствуют *чисто спортивные категории* — как личные твои физические данные, так умение работы с верёвкой, мастерство преодоления скальных и ледовых склонов, — всё поставлено на одно: скорость и крутость восхождения. Особенно, коль гора одновременно штурмуется несколькими командами по сходным маршрутам. В вертикальной спелеологии, конечно, физическая сила и технические навыки обращения со сложнейшим “верёвочным железом” (многократно превосходящим по сложности аналогичные альпинистские прибабасы) имеют важное значение, — как и в горизонтальной спелеологии умение ориентироваться в сложнейших многоуровневых лабиринтах, навыки прохождения сифонов и шкуродёров, техника разбора завалов вкупе с мастерством в обращении с различными источниками света, — *но всё это не является Целью*. В спелеологии мастерство твоего движения по Системе — средство, не более. И замечательно лазающий по верёвке спортсмен может быть посредственным спелеологом, — равно наоборот: все известные мне значимые спелеологи вовсе не представляли собой гигантов некоего “спелеоспорта”. Быстро иль медленно ты движешься по верёвке, стремительно-ли ввинчиваешься в шкурник, в совершенстве-ли владеешь электронными знаниями или достаточно накачан для пробивания монолита головой без разбега и каски — НЕ ИГРАЕТ НИКАКОЙ РОЛИ. Мало того: подлинное восприятие пещеры всегда неспешно, всегда индивидуально, — для одного под землёй главенствует точная топосъёмка; для другого — сделанные фотоснимки; для третьего вскрытые продолжения Системы или оборудование комфортного грота; кто-то полагает главным под землёй общение с друзьями в соответствующей обстановке, любование натёками и кристаллами... Естественно, всё это максимально далеко как от спортивных категорий, так и от некоего “руководства из города”.

Но — *спелеологи назначили быть спортивной дисциплиной*.

А потому “организованная спортивная спелеология” развивалась — спелеологи из неё уходили. Причём не только неофиты, не увидевшие в спортивных занятиях того, что повлекло их в Мир Подземли, — уходили вполне состоявшиеся спелеологи, первооткрыватели новых пещер и карстовых районов; уходили дипломированные инструктора — причём иной раз целами группами и клубами. Предпочитая вернуться к свободе “вольных подземных путешествий”.

Пример Морозова, Людковского, Усикова, Немченко и всей группы “Снежная” — хрестоматиен. Но ведь они были не одни — таких были сотни. Если не тысячи.

: Из спортивной спелеологии уходили группы, обратившиеся к кейвдайвингу, — уходили спелеобиологи и спелеонавты, — уходили корифеи подземной фотосъёмки и минералогии — и те, кто открывал новые спелеорайоны и пропасти, но не желал иметь над душой диктата “московского центра”. Уходили в ту же самую “вертикальную спелеологию” — но не спортивную. Уходили

ради свободного поиска новых пещер и вскрытия их вертикальных и горизонтальных продолжений. Называли себя “теньевыми” и “частными” спелеологами и вершили свои спелеооткрытия в стороне от генеральной организующей мысли.

– Что говорить на этом фоне о тех, кто вовсе не рвался превращать своё общение с Подземлёй в вертикально-спортивный бой, штурм и натиск?

: пещеры-каменоломни, в отличие от карстовых ‘вертикалок’ Кавказа, Урала и Крыма, находились в получасе езды от Москвы на электричке; каждый нормальный человек в состоянии добраться до них без посреднических услуг “официального советского турклуба”. Добраться – чтобы всего лишь, подобно туристу в лесу на уик-энде, отдохнуть в конце недели под землёй. Быть при этом одному или в весёлой компании друзей, провести время, не выходя из грота (за книгой стихов, учебником, прозой, слушая с магнитофона любимую музыку или просто внимая сказочной Подземной Тишине),– или бродить по таинственным штрекам, без всякой декларируемой цели разглядывая жёлтый и серый ноздреватый камень согласно своему настроению – личное дело каждого. Никакие “турклубы” для реализации данного процесса не нужны, любая организация — противна. Бессмысленно и противоестественно писание “отчётов” о таких поездках,– да и что в них писать: какая книга прочитана, какие песенки пелись товарищами и какие рассказывались анекдоты? (Представили себе *такой отчёт* в эпоху совка?..) По какому маршруту изволил гулять под землёй, и почему не произвёл его надлежащую топосъёмку? Какие завалы изволил тревожить кайлом и сапёрной лопаткой, на каком основании,– по какому праву и с какой целью? Соответствовала-ли трудность вскрываемого завала твоей, подтверждённой справочками, спелеокрутости? (А коль крутость завала не соответствовала официально подтверждённой твоей – не желаешь-ли последовать на ковёр в Горклуб для последующей дисквалификации???) И не могло возникнуть никакого желания получать за эти *дружеские походы* бирюлевые разряды и справочки. В принципе. Как не могло возникнуть желания во исполнение требований МКК *за полгода до каждого своего еженедельного похода* подавать в МКК “маршрутную заявку” с прописанными целями похода и списком его участников – а потом трепетно ждать: утвердят-ли некие “официальные дяди” список друзей, продовольственную раскладку, количество и ассортимент напитков и заявленные цели похода — отмечание Дня Рождения, встречу Нового года, празднование свадьбы товарища, оборудование водокапа или стояночного грота (архитектурный проект с сопутствующей сметой с опорой на ЕНИВРы и СНИПы прилагается, разрешение Горной инспекции на проведение подземных строительных работ получено, копия в двух экземплярах),– одобрят-ли избранную для посещения полость — или пошлют в иную?..

– Скажете: БРЕД!!! Да, бред. Полновесный совковый. И ещё сильно сокращённый, поверьте. Я мог бы поехидствовать на тему, в каких спортивных единицах может быть оценен поиск потерянной каменоломни и её последующее вскрытие; как оценить спортивную крутизну одиночного или группового спелеонавтического пребывания или наблюдения за колонией

летучих мышей, подземным микроклиматом –

: специально выбрал наиболее бытовой вариант выезда. Который готовится не более, чем за два-три дня. Максимум – за неделю. За месяц ты о нём не подозреваешь, не знаешь. А коль и знаешь – если речь идёт о свадьбе или встрече Нового года — никакого желания “согласовывать” его с кем-то потусторонним по понятным причинам не испытываешь. Как и отчитываться после.

— Вывод: *в официально созданной спелеоспортивной системе спелестологии не было и не могло быть места.* Ни в каком варианте и виде.

А потому на смену покинувшим подмосковные каменоломни первоходцам пришло ВТОРОЕ РОМАНТИЧЕСКОЕ ПОКОЛЕНИЕ: нуждавшееся в “официальных спелеоклубах”, как собака в пятой ноге. И относящееся с нескрываемым презрением не только к всё более омещанившемуся “городскому бытию”, но и к той “спелеологии”, какая в нашей стране была создана. Можно сказать, что с приходом второго поколения романтиков начала свой отсчёт подмосковная спелестология – ибо это поколение пришло *именно в каменоломни* и не собиралось их менять на какие-либо иные пещеры. Пришло поначалу, как до того первое поколение, просто отдохнуть. “Отключиться от города” – если отбросить высокопарную фразеологию, – ведь так поначалу и свершается приход в Мир Природы любого человека; цели, стремления и желания приходят потом, – как *потом* начинаешь постигать смысл своего прихода. И – что он тебе даёт. Как и обратное: *что Природе дал ты*.

Характерно, что именно во втором романтическом поколении спелестологов началось одиночное хождение: тогда ещё не такое явное, как будет после – когда вообще не останется групп, – но уже во втором поколении спелеоромантиков появились если не одиночки – то Лидеры, с которыми ходили прочие. А это в принципе отличается от совкового группового безличного коллективизма; мне представляется – в лучшую, более свойственную как Природе, так природе Человека, сторону.

* * *

Как уже говорилось, в эти годы “оттепель” и сопутствующая ей романтическая вольница зримо кончались – в Чехословакию ввели танки; искрящееся живым, непосредственным юмором веселье КВНа заткнулось дозволенным литовкой “казённым вольнодумством” – и ничего хорошего, интересного – ЖИВОГО – в городах более не ожидалось. Кто понимал это душой; кто разумом — не важно. Важно, что для многих тысяч людей, выросших под свободный звон оттепельной капли, подмосковные леса и каменоломни стали единственным местом если не отрыва – то краткого отдыха, свободного от **ДОВЛЕНИЯ СОВКА**. И если в течение недели – долгой шестидневной рабочей недели – все так или иначе были обязаны каждый день исправно посещать места своей работы и учёбы, – ритуально являясь “по звонку”, ибо за пятиминутное опоздание можно было лишиться весьма приличной доли и без того не слишком

большой зарплаты,— и так же “до звонка” досиживать на своём рабочем месте, или месте учёбы,— то вечером в субботу подмосковные электрички были буквально забиты людьми с рюкзаками и гитарами. Тысячи людей устремлялись на свой короткий единственный выходной из города — прочь, в леса или под землю... Хоть на сутки вырваться из города,— оторваться, очиститься от его удушающей скверны — без ненавистных глаз и ушей посторонних свободно общаться с друзьями,—

«Нас город цепями обвешал – работой, кино приковал,— мои дорогие повесы! Расчистим душевный завал! И взяв рюкзаки и гитары, рискуя не встретить уют — уйдём же в подземные залы, чтоб душу очистить от пуг!..»

Конечно, пещеры – в том, что касалось довольно эфемерной “свободы” от властного ока – предоставляли больше возможностей, чем лесные поляны слётов и костровых посиделок любителей самодеятельной песни. А потому не удивительно, что количество посещавших каменоломни с одной единственной целью – оторваться от совкового городского бытия – исчислялось в этот период сотнями людей.

– Важно уточнить: никто из них не был тем, кого позже назовут “диссидентами” — *будущие диссиденты* избирали социальный импеданс, то есть альтернативное бытие именно в городской среде, в принципе исключаящую любую “попытку бегства” от “бязки-города” со всеми его проблемами (что полагалось ими трусостью, улиточному прятанью в панцирь сторонних увлечений и хобби – туризм, альпинизм и спелеология приравнивались к такому бегству, не отличаемому от мещанского вещевого стяжательства прочих: см. замечательные повести А. и Б. Стругацких тех лет – «Хищные вещи века», «Улитка на склоне», «Попытка бегства», в которых все сёстры “отказа от действительности”, включая спелестологию шестидесятых, “получили по серьгам”),— *уходящие из городов* любую социальную возню полагали за участие в тех же совковых играх: на уровне пионерской “зарницы”, где никакой разницы меж “красными” и “зелёными” нет. Этот раскол отразился и в до того единой самодеятельно-авторской песне, разделившейся на почитателей Окуджавы и Галича.

Теперь мы знаем, что пещеры особенностями своего микроклимата и изоляции от внешних воздействий обеспечивают замечательную релаксацию организма; искусственные полости в этой своей релаксационной способности не только не уступают естественным пещерам – значительно превосходят их уже хотя бы тем, что исключают экстремально-спортивную составляющую вертикального верёвочного лазанья. Так что стремление находиться в них, пребывать (то, что именуется “Зовом Подземли”) у спелестологов тех лет было внутренним: на грани осознания. Это с одной стороны. С другой – не столь ПОДЗЕМЛЯ или ЛЕС манили, звали в себя людей, сколь ГОРОД изгонял их из себя. Небрежение, если не презрение ко всему, что оставалось “наверху”: в городе. И его олицетворяло. Это важнейшее положение – как мне представляется, *общее для всех поколений спелестологов советского периода,— как, кстати, и для всех видов советского туризма в целом* — определило характерные черты второго поколения “подземных романтиков”. Причём в отличие от

первого поколения, всего лишь открывшего для себя “невиданный запах свободы”, у второго поколения оно было более “социально зрелым” — чему способствовали не только зримый застой и омещанивание “верхнего мира”, но и стойкая привязанность к духовному наполнению и сути российского туризма: самодетельной песне – ставшей в эти годы подлинно авторской и поднявшейся до того уровня, на котором никакое интеллектуальное или нравственное взаимодействие с совковым культурным гумусом было невозможно “по определению”.

И добро б ещё – одна самодетельная песня... Неспособная ни на какое действительно свободное и прогрессивное творчество, совковая “культурная элита” грязной газетной бранью обрушилась на любителей “рок-н-роллов-и-битлз”, – следует признать: своими газетными пасквилями никиты богословские и прочие пахмудовы изрядно прибавили в культурном уровне посетителям подмосковных каменоломен.

К любителям загоняемой в вынужденное подполье авторской песни прибавились любители западной музыки. Творческий мир “второго романтического поколения” расширился и неизбежно приобрёл андеграундное звучание, – тем его судьба и определилась.

: В стране начинался культ серой геронтократии и его вечно полуживого, полуворочающего языком, идола, – а тут, можно сказать, “под носом у Кремля”, в самом, что ни на есть, ПОДПОЛЬЕ, какие-то странные и чуждые совку люди. Значит, надо “р-разобраться и пр-рекратить”: в традициях этой страны.

— И власть начала бороться с людьми, меньше всего на свете стремящимися к установлению с этой властью каких бы то ни было отношений: даже диссидентских.

Во-первых, для контроля за “неофициальной катакомбной спелеологией”, то есть теми, кто не считал для себя возможным входить в контакт с убогими в моральном отношении официальными спелеоклубами, в Москве был создан так называемый “спасотряд”. Как бы для безопасности; на деле – для планомерной слежки и пресечения независимого от коммунистов и их идеологии “интереса к миру Подземли”.

Очевидно: из профессионального стукача трудно изготовить “на заказ” профессионального спелеолога. Да и каково это: заниматься хождением ‘за три света’ “не по зову сердца – а по зову службы”? Такого ‘гостя’ в спелеоэтносе видно будет, как Эйфелеву башню в Париже. И для здоровья опасно: особенно профнепригодному как спелеолог, – и в оборудованный дружеско-замкнутой компанией грот, в отличие от костерка на слёте самодетельной песни, так просто не “подсадишь”: в группах все свои, знают друг друга годы – не только по совместному хождению в пещеры, но и по общей работе, учёбе, месту жительства... Но поскольку для того, чтоб стать стукачом, никаких специальных данных не требуется (разве некоторая моральная небрезгливость, умноженная на идеологический туман в голове) – то подачками и угрозами можно “запустить обратный процесс”. И при этом существенно сэкономить на фонде заработной платы. Не буду называть конкретные имена продавшихся и полу-продавшихся сявок – “квислингов районного масштаба от спелеологии” — ни к

чему это делать теперь. Пусть моё презрительное умолчание будет им прахом, – и потом: что осталось от их “трудов” и от них самих в истории?.. История вынесла совку приговор. И всем его прихлебателям, что подобно змее винили в извилистости дорогу.

Параллельно созданию “московского спелеоспасотряда” в районах посещавшихся тогда пещер Контрольно-спасательская служба (в Крыму она называлась Горно-спасательной) получила право на любые действия в отношении “неорганизованных” спелеогрупп. И действия эти не заставили себя ждать. Характерно, что в местные КСС шли геройствовать точно такие же спелеологи, как и те, что приезжали к ним из иных городов – в Крыму ГСС возглавлял, например, известный спелеолог Пантюхин.

: О его зверствах в отношении “незарегистрированных групп” рассказывали легенды. Но ничуть не лучше была ситуация на Урале. По сути, власть создала безнаказанно действующие официальные бандформирования – а вовсе не спасательскую службу.⁷¹

Второе – “диким спелеологам” было предложено *по-хорошему* войти в официальные турклубы: «влиться в дружную семью советских спелеологов, позабыв расхождения и счёты». Кое-кто – испугавшись или из иных соображений – поддался на эту провокацию.

Третье: были “реанимированы” Указ от 1947-ого года о запрещении несанкционированного посещения подземелий и Закон “О недрах” – что объявил все недра нашей страны исключительной собственностью государства, а вторгаться без должного позволения на территорию госсобственности — уголовно наказуемо.

В соответствии с этим неофициальным любительским группам было ЗАПРЕЩЕНО ходить под землю; как обычно, при этом говорились очень красивые и правильные слова о “подземной безопасности”... Ну да знаем мы цену красивым словам в этой стране. Недостатка в них никогда не ощущалось – и когда боролись с “врагами народа” (едва не истребив при этом сам народ), и когда обрекли на голод и вымирание коммунистической коллективизацией миллионы крестьян, и когда кому-то понадобилось кровью отдать чей-то долг в

⁷¹ Согласно официальному сайту КСС Крыма

[<http://www.kss.crimea.ua/info/history.php>] ГСС была создана в 1964 году; в начале семидесятых получила официальное предписание “руководящих туристических органов” начать полномасштабную борьбу с “дикими”, то есть неучтёнными МКК группами спелеологов. И если до начала семидесятых конфликты меж ГСС и “неорганизованными туристами-спелеологами” имели место быть, но носили “частный характер” (обусловленный сволочизмом “отдельных товарищей спасателей”), то в начале семидесятых *стали системой*, причём при полной государственной поддержке. Цитата с сайта: «В июне 1973 года, по решению ВЦСПС, на местах создаются комиссии по безопасности на туристских тропах, в состав которой помимо КСС входят представители органов внутренних дел...» Кому – и на кого – могли жаловаться ограбленные и измудоханные “спасателями-карателями” группы?..

Афганистане... С генетикой, астрофизикой, кибернетикой, абстрактной живописью, “сумбуrom вместо музыки” и “очернением литературной действительности” тоже боролись, говоря очень красивые слова. И правильные: с точки зрения стороннего наблюдателя. В расчёте на которых эти слова и говорились.

: Тем же, кто находился внутри, всё и так было ясно.

Затем наступила эпоха практических действий.

Все “самовольно возникшие” при ВУЗах и производственных объединениях спелеосекции и клубы были либо разогнаны, ликвидированы – либо втянулись в стройные ряды строителей светлого подземного экскурсионного будущего (ясное дело, изрядно потеряв при этом в численности). Сохранивших “условную независимость” можно было перечесть по пальцам [именно условную, потому что о какой реальной “независимости” можно было говорить в эпоху тоталитарного совка? Но и “фига в кармане” много стоила в то прогарное время: относительная свобода неподчинения “группе товарищей”, прибравших к своим рукам практически всю “официальную спелеологию” нашей страны, ценилась, как глоток подлинной свободы]; борьба с ними Центрального совета по туризму и экскурсиям растянулась ещё на десять лет. Как, например, с детской спелеосекцией И. В. Черныша в подмосковной Балашихе, спелеосекцией МГУ и клубом “Сокольники” в Москве. В результате чего спелеология нашей страны окончательно разделилась на ничтожную в смысле массовости и результативности “официально спортивную” и подлинно массовую “теневую” — неофициальные объединения и группы которой (например: SCO, ГКС, КиЛСИ, НК, ГРТН, ЛСП, QCN, КИС, “Снежная”, “Кристалл”, “Троглодиты”, “Парабеллум”, “Кварц”, “Протеи”, “Мамонты”, “Загзиги”, “Башмаки”, “Летучие Мыши”, “Дети Подземелий”, “Madmans”, “Свечи”, “Последний Шанс” – и тысячи других подобных *товариществ*) творили реальную статистику первопрохождений и вскрытий пещер, реальную историю спелеологии и спелестологии –

А “официальные паны спортсмены” при патронаже “серьёзных научных организаций” [таких, как «Межведомственная комиссия по изучению геологии и географии карста и Комиссия карста и спелеологии АН СССР, а также Всесоюзный институт карстоведения и спелеологии»] и организаций, к науке не имевших никакого отношения, вели с ними непримиримую борьбу. Причём методами, от этики весьма далёкими. В ход шло всё: письма на работы, помойные статьи в прессе, “переназвания” открытых “дикарями” пещер, облавы и патрули в карстовых районах с описанным бандитским беспределом – и даже сбрасывание замеченных верёвок в пропасть, когда группа теневых или частных спелеологов работала на дне.

Но поскольку “разогнать” не существующую официально группу невозможно по определению, – тем паче, коль группа эта откровенной диссидентской деятельностью не занимается и повода для соответствующих действий КГБ не даёт (за исключением общепараноидальной подозрительности, о которой я говорил выше) – можно зайти с другого конца.

Особенно, коль эта группа – спелестологическая. Да ещё привязана к кон-

кретной пещере.

“Нет пещеры — нет проблемы!”

В мае 1974 года вход в крупнейшую пещеру Подмосковья Сьяны был залит бетоном; ряд входов в иные, не столь протяжённые каменоломни, взорван, либо завален бутом. Об этой подлинно трагической – и позорной! – странице истории нашей спелестологии я мог бы рассказать отдельно, – никакому Стивену Кингу не снилось, как, например, в реальности (а не в вымышленном литературном сюжете) происходило залитие бетоном Сьян, — одна девочка, большая любительница Подземли, залезла внутрь пещеры в уверенности, что коммунисты не посмеют залить бетоном живого человека... Наивная!

Звали её Волчица; на поверхность она выкинула записку, что точно находится в Системе и выходить не собирается. И первые две машины с подвезённым домодедовским горкомом (точнее – по распоряжению оттуда) бетоном ей удалось “заморозить”. Бетон властям, конечно, было смертельно жалко – знали б, что так выйдет, сразу отвезли на дачи. Как поступили со следующими машинами, заодно *возбудив* соответствующее уголовное “дело” – сразу по статье о “злостном хулиганстве”, и о вредительстве-хищении. Но бесконечно списывать бетон было невозможно – поступила команда: ЗАМУРОВАТЬ. Машину, предназначенную для залития бетоном живого человека подогнали ко входу с точными инструкциями шофёру < бедняга потом оправдывался, кося “под невиновного”: «Мне сказали, что это розыгрыш и под землёй никого нет...» В какой “конторе” дали шофёру такие инструкции, ясно было любому, кто жил во время совка. >

Одновременно, в качестве последней гуманной меры, под землю двинулись члены созданного при московской спелеокомиссии “спасотряда”. Наполовину состоящего из вполне нормальных и добрых спелеологов, ибо кое-кто тогда рассудил: лучше пусть как можно большее количество “своих” войдёт в этот “отряд”, чем его нафаршируют ментами и гэбэшниками “без стрёма и совести”, – глядишь, нечто полезное удастся сделать... Этакие “бабы яги в тылу врага”. Эти-то “свои” и рванули под землю. А у Волчицы пошла вторая неделя пребывания (вот она, советская спелеонавтика!); продукты, как и бензин для примуса, кончились. Что ей оставалось делать? Поначалу она отказалась выходить – тем более, что сфабрикованное “дело” ждало на поверхности — но кое-кто из этих спелеоисаевых втолковал ей, что а) всё равно зальют, максимум через полчаса; б) никакой “уголовки” не будет, всё это – запугивание; лучше нагребём поближе ко входу камней и полиэтилена и устроим нечто вроде запруды, чтоб бетон далеко по пещере не разлился. Мол, так легче откопать будет.

“Потом, когда шум стихнет.”

: Ага. Ну просто отменная провокация – ибо, не сооруди они “плотинку”, власть *просто замучилась бы лить бетон в двадцать километров весьма нехилых подземных пустот* – с плотинкой же удалось залить привходовой колодец всего в три машины. Образовав требуемую пробку.

: Было это **14 мая 1974 года**, и четырнадцать лет и две недели после того самая большая и известная подмосковная пещера-

каменоломня была вычеркнута из реестров спелестологии.⁷²

Взрыв входов в Никиты, что последовал позже⁷³, также проходил в традициях триллеров-детективов; закрытие расположенных неподалёку от Съян Киселей прошло на этом фоне незаметно – в одну буднюю ночь вход в них завалили бутовым камнем.

А с Силикатами сложилось иначе.

* * *

Известно: местное население не слишком жалуется дефилирующих через деревни туристов. К спелеологам и спелестологам отношение их гораздо хуже. (Говоря так, я имею в виду хорошо знакомые мне обычаи Подмосковья советской эпохи. Впрочем, аналогичная ситуация, по рассказам многих спелестологов и альпинистов, сложилась как в Куйбышевской, так в Ленинградской, Калужской и Тульской областях – заваливание мусором входов в пещеры и “разборки” с туристами и спелеологами были делом обычным.) Причин тому несколько. И не последнее место в их списке занимает нищета тружеников села, спровоцированная знаменитыми хрущёвскими налоговыми реформами середины шестидесятых годов, когда стало невозможным держать в хозяйстве скотину или, допустим, вишнёвый сад. Ещё одна причина: городские туристы имели паспорта; крестьяне – нет. Для поездки в город им, будто раба-крепостным, нужно было брать в сельсовете специальное разрешение, заверенное печатью и подписью председателя колхоза (или директором соответствующего совхоза). Получали же воспеваемые совковой пропагандой хлебоборбы за свой каторжный труд столько, что деньгами это назвать было нельзя. Да и получали, по сути, не деньгами – некими абстрактными “трудоднями”. Выражающимися иной раз в мешке картошки за полгода работы. Ясное дело, праздно шатающиеся по лесам городские бездельники, которых селяне подсознательно соотносили со всеми своими бедами, “любви не вызывали”. И уж тем более – странные личности, лазающие туда, куда нормальному человеку по доброй воле залезть не может прийти в голову. Да ещё штурмующие после посещения своей “дыры” в соответствующем виде переполненные местные автобусы...

А потому случаи мордобоя и махача были делом привычным и в некотором роде неизбежным для обеих сторон. Прибавьте к этому ищущую развлече-

---

⁷² Следует сказать, что через какое-то время сбоку от залитого бетона ревнителем Съян было сделано узкое входное отверстие (окружающие камни монолита из себя не представляли), но “кому было надо”, отследили это дело – и к осени 1974 года вход в Съяны был окончательно замурован.

⁷³ Имеется в виду – *второй взрыв*, так как власть взрывала входы в Никитскую каменоломню ДВАЖДЫ: первый раз в 1974 году, одновременно с залитием бетоном Съян, и второй раз 10. 12. 86, в Международный День Защиты Прав Человека: с примерно тем же успехом, как в первый.

ний сельскую урлу, – в шестидесятые годы “массовки на колах” меж деревнями были делом столь будничным для подмосковных ментов, что драками с участием нескольких сотен человек занимались лишь тогда, когда кого-то забивали насмерть. И то: от ментов всегда можно было откупиться самогоном. И сельское население, и местных Ониськиных такое положение вполне устраивало. Ведь участковые были из тех же деревень; к чему им наживать врагов? Можно и заряд дробы получить тёмной деревенской ночью, и просто в речке утонуть... Соответственно, случаями грабежа и избиения туристических групп они не занимались – а потому деревенская урла, жаждущая халявной туристической водовки и некой мелочи из кошельков < добро б ещё – мелочи... Снимали джинсы, кожаные ремни и значки, часы, красивые свитера, – отбирали радиоприёмники и тушёнку; изнасилования, к сожалению, также “имели место быть” > чувствовала себя вполне безнаказанно.

– Ладно, туристы. Проходят эпизодически-редко; узнав, что некая деревня славится крутым нором, больше в эти места не возвращаются. *А вот спелестологи — куда им деться от своих “нор” и “дыр”?..*

: ПРОСТО НЕКУДА. Попробуй, “не ходи” – коль Подземля зовёт!

И продолжали ходить. По одним и тем же тропкам-маршрутам, изменить которые было не проще, чем перенести вход в Систему на пару километров в сторону.

: Ясное дело, собирались в довольно большие группы. Ясное дело – вооружались, кто чем мог. Но ведь и местные – тоже.

А потому...

В принципе, мне достоверно известны случаи специального натравливания местного населения на спелестологов (несколько таких историй я привожу в “Катакомбном Мэйнстриме”); что же касалось Силикат – там никого натравливать было не надо. Конфликт разворачивался по спирали — вплоть до применения огнестрельного оружия. С обеих сторон.

И многого чего другого, – например, в марте месяце, когда со склона во вход стекает весёленький ручеёк грязи, можно днём в воскресенье запрудить его соответствующей дамбочкой; услышав, как “пещерники” начинают вылезать – дамбу разрушить.

: *Это самое невинное.* И эпизодическое. Но ведь можно закатить во вход несколько шин, накидать телогреек, плеснуть сверху бензина...

: через “огненный штрек” практически невозможно прорваться. Да, в общем-то, и не хочется пробовать. Ибо лавры Джордано Бревно к спелеологическим точно не относятся. Так что лучше переждать в сторонке, пока не прогорит. Но *гораздо страшнее огня под землёй* – дымовая завеса. Называемая *волоком*. Потому что дыму под землёй некуда деться (помните, как не так давно под Самарой горели пропитанные креозотом крепи в каменоломнях горы Тип-Тяв?..), – человек, попавший под землёй в “дымовуху”, мгновенно теряет представление об ориентации (если имел его перед тем); начинает задыхаться... И хорошо, если волок – *просто дым*.

: Не так страшно, коль горит садовая шашка “Марс”. Хотя и “дуже неприятно”. Это – цветочки. Ягодки — хлорпикрин, хлорциан, фосген, — ПХВ...

Буквально за несколько лет в Силикатах были опробованы все средства ведения химвойны – кроме, разве, бинарных газов: нужды не было. Вначале травили местные спелестологов, а те, соответственно, зашедших для этой “потравы” (и для грабежа мест стоянок) местных. Но поди, определи, кто поставил конкретный волок — коль за руку не поймал! А потому довольно быстро война ушла с поверхности (на коей остался лишь банальный мордобой) и целиком переместилась внутрь. Спелеогруппы – тогда ещё достаточно, как я поведал, замкнутые – начали воевать друг с другом. Появились асы ведения подземной химвойны; кое-кто только для того и стал ходить под землю, чтоб “войти, жахнуть бутылку портвешка, запалить волок – и смыться”. Пока не поймали и не отмудохали. Или не затравили аналогичным образом.

: Тоже цепная реакция. Пострадавший от Васи Петя на следующие выходные притаскивает канистру бензина и старое тряпье; узнав-выведав, в каком гроте расположился Вася, поджигает его. После чего, соответственно, Вася приносит под землю “что-нибудь покруче” — и, что удивительно-странно, в электричке как до пещеры, так и возвращаясь домой по посещении оной, они будут обниматься, пить из одной посуды и горланить одни и те же песни⁷⁴. Что, конечно, не удивительно для поколения, воспитанного на бесконечных пионерских “зарницах”.

— Конечно, нормальные люди вскоре перестали ходить в Силикаты. Слова “Силикаты” и “волок” стали синонимами.

: Ясно, что силикатовская химвойна не делала облик спелестологии краше; но судить *всех спелестологов* по нескольким вырождакам – что обвинять всех художников в педерастии. Причём лишь по факту владения кистью.

Но ведь — обвиняли. Причём с таких трибун, выше которых в совке не было.

Бо доказательностью обвинений, как и логической мотивацией поступков, совковая власть себя не утруждала.

Не буду утверждать, что силикатовская подземная химвойна хоть в какой-то степени намерено подогревалась и провоцировалась “специалистами по спелестологии в штацком”, ибо документальных доказательств этой очевидной для иных мысли не имею.

Но что власти и не думали закрывать Силикаты в унисон закрытиям прочих Подмосковных Систем — факт, над которым интересно поразмышлять на хорошо продуманном досуге. Хотя, закрывая иные Системы, говорились речи о безопасности ходящих туда –

: про Силикаты с их удушающими волокнами ни разу не вспомнили.

---

⁷⁴ Любимой “оралкой” силикатчиков тех времён был знаменитый “гимн химиков”, исполняемый на мотив “марсельезы”; любимым анекдотом – перефраз анекдота про газовую камеру в концлагере. В силикатовском варианте силикатчик требовал у фашиста: «закрой, сука, дверь – кайф выходит!»

* * *

Понятно, что любые речи власти о нашей подземной безопасности – пустая говорильня и отмазка. Причём не из дорогих.

Понятно: заливать бетоном пещеры под предлогом того, что в них кто-то *может потеряться* — что упаковывать речку в трубы, чтоб никто в ней не утонул.

Данные статистики: из реки Рожайка, на берегу которой находятся Никитские каменоломни, за год вылавливают ШЕСТЬ ТРУПОВ⁷⁵. Но никому не приходит в голову по этой причине засыпать её русло.

За всю историю подмосковной спелестологии в каменоломнях погибло восемь⁷⁶ человек. Против тысяч ходящих.

: За один 2000 год на дорогах России погибло 30.000 человек (каждые три минуты – травма; каждую 21 минуту – труп); в 2003 только в автомобильных авариях (то есть без учёта сбитых пешеходов) погибло 35.600 человек и 244.000 получили травмы.⁷⁷ Вдумайтесь в эту страшную, кошмарную цифру! — тем не менее, производство автомашин не прекращается ни на минуту. Как и строительство новых дорог. И несмотря на трагедии авиакатастроф люди пользуются ненавязчивым сервисом “Аэрофлота”.

Не нравятся такие примеры, как, якобы, “не относящиеся к делу”? Пожалуйста! **Только за 2003 год Эльбрус унёс 11 человеческих жизней** [«Вольный Ветер», №60] — это, фактически, горнолыжно-альпинистский курортный район с самой развитой на Кавказе КСС,– район с мощной туристической инфраструктурой — ККД, гостиницы и прочее,—

– А сколько альпинистов гибнет на склонах Эвереста?.. Сколько спелеоспортсменов гибнет в любимых своих “вертикалках”?

: Тем не менее, горы не срывают. Снежную и Кап-Кутан не заливают бетоном. Как не вырубает леса, где теряются дети. Да что – дети в лесах! –

: СКОЛЬКО ВЕСЕННИХ НЕДОУМКОВ СИЛАМИ ЭМЧЭЭСОВСКИХ ВЕРТОЛЁТОВ ЕЖЕГОДНО СНИМАЕТСЯ СО ЛЬДИН В ЧУДСКОМ ОЗЕРЕ, НА ЛАДОГЕ, В ФИНСКОМ ЗАЛИВЕ??? Сколько на эти спасательные операции уходит средств – против поисков одного заблудившегося в каменоломне, что всё равно осуществляется добровольно-любительскими спелеосилами, но никак не героями МЧС???

Так что все разговоры **уничтожающих памятники Природы и Ремесла**

⁷⁵ Информация получена в непосредственной беседе с местным участковым; желающий опровергнуть её может провести самостоятельное исследование архивных сведений в Домодедовском УВД.

⁷⁶ Из них смерти двоих к *собственно спелестологии* не имеют никакого отношения.

⁷⁷ «КМ.RU», №22 (99), 25 июня ÷ 8 июля 2004 г.

людей о травматизме, безопасности и расходах на организацию спасработ – блеф.

В отношении спелестологов – против тех же любителей подлёдного клёва – у власти явный “второй стандарт”. И весьма понятный...

* * *

Последнее, что поставило точку в периоде “романтической” спелестологии – трагические смерти Виктора Саратова в Системе Кисели, Александра Колесникова в безымянной каменоломне близ Системы Силикатная и Виктора Шагала в Никитской Системе. Все они пришли под землю на волне второго поколения подземных романтиков, и хотя даты их смертей разделены сроком в несколько лет⁷⁸, общего слишком много, чтоб полагать это случайным совпадением. Все трое были достаточно молоды; погибли при раскопочных работах под землёй вследствие грубейшего нарушения подземной ТБ; все трое входили в группы, возглавляемые более взрослыми и опытными спелестологами из первого спелеопоколения. Смерти всех троих были нелепыми и случайными – насколько так можно сказать о заведомо суицидальных раскопках “с-под-низа” чёрной глины, “неосторожного ковыряния абляции” и героической по сути, но ничем не подкреплённой технической попытке спасения человека, вызвавшего по собственной дури “обвал на себя”. Но, главное, *явились следствием именно романтического, восторженно-неофитского отношения к Миру Подземли*. Так что по-своему были закономерны... Рано или поздно нечто подобное должно было случиться. Я не хочу сказать «обязательно» – но как-то это было предопределено уже хотя бы тем, что Колесников вскрывал откровенно обвалоопасный участок пещеры после смерти Виктора Саратова (хотя, казалось, был повод всерьёз подумать о подземной безопасности), – и несмотря на его смерть и предшествовавшую смерть Саратова, руководитель группы “РИФы” (то есть “Романтики-Искатели-Фантазёры”) организовал схожие по осмысленности и безопасности подземные раскопки...

: Никто из них из предидущих трагедий никаких выводов не сделал.

: ПЕРИОД РОМАНТИЧЕСКОГО ХОЖДЕНИЯ В КАМЕНОЛОМНИ ЗАКОНЧИЛСЯ. Одновременно завершилось формирование структур, курировавших в нашей стране спелеологию: надзорно-фискального “спасотряда” в Подмоскowie, “карающе-непущающей” КСС/ГСС на окраинах страны, системы запрещающих выезды спелеокомиссий при официальных турклубах с жестко регламентированным, подобно военизированному альпинизму, членством

---

⁷⁸ Виктор Шагала погиб 27 июня 1976 года; Виктор Саратов за несколько лет перед тем; точная дата его смерти мне, к сожалению, неизвестна (в Интернете циркулирует некое “школьное сочинение” на тему смерти Виктора Саратова, но всё, что сообщается в нём, оспаривает слишком много человек); Колесников – в 1974 году.

участников,— и окончательно оформилась бюрократически-бумажная методика единственно дозволенного посещения пещер. В которой каждая известная пещера была должным образом “оценена” и за посещение её полагалась соответствующая справочка: навроде билетиков за изучение Библии, что менял Том Сойер.

О системе обучения спелеологии тоже позаботились,— да ещё как!

: Человек, желающий заняться спелеологией, приходил в “спелеосекцию” при турклубе; обучался там туристическим и спелеоазам (в городе, без выездов хотя бы в столь близкие каменоломни!) полгода-год (!!!),— после чего получал право принять участие в экспедиции по ПОВТОРНОМУ прохождению пещеры минимальной сложности: под руководством более опытных “товарищей”. Ни о каком хождении в горизонтальные пещеры в течение периода обучения не могло идти и речи – на занятиях (имею в виду опыт работы московских спелеокомиссий, с которым знаком лично) в головы новичкам настойчиво вдалбливалось об аморальности посещения каменоломен. Но если бы – только каменоломен!

Характерный пример: известный московский спелестолог Миша Сохин, являющийся бессменным президентом Русского Общества Спелестологических Исследований (РОСИ) и прозванный Подземоходом за свои замечательные спелестологические свершения, в начале семидесятых годов был с позором изгнан из спелеологического кружка при московском Дворце пионеров,— да ещё с формулировкой “за недостойное и аморальное поведение”... А всё из-за того, что организовал для своей группы поездку в горизонтальные пещеры Подолии,— вдумайтесь: *даже не в каменоломни!*.. Если б тогдашнее руководство спелеокружка узнало, что Миша, параллельно с занятиями “серьёзной вертикальной спелеологией”, каждые выходные исправно посещает подмосковные рукотворные пещеры – не чураясь по будним дням исследованием городских подземных пустот (что ныне называется диггерством) — скандал был бы такой, что мне не найти слов для его описания. Кстати, группа ГРТН из того же Дворца Пионеров довольно часто ездила в Никиты, Кисели, Силикаты и весьма далёкие от Москвы Бяки – но делала это, разумеется, тайно от “дворцового начальства”.

Те же, кто продолжал посещать подмосковные каменоломни и не отягощал при этом свою жизнь общением с “официальной спелеологией”, объявлялись чуть-ли не бандитами, уголовниками. В лучшем случае – недоумками-выродками; пресса тех лет без устали поливала нас потоками лжи и грязи.

Сомневающимся в моих словах отсылаю к одной из центральных коммунистических “правд” того времени – “Комсомольской”.⁷⁹ Там уделено нам достаточно места – хотя, конечно, меньше, чем в тридцатые годы отводилось “врагам народа”. Ну так на равный социальный масштаб мы никогда не претендовали. Так же рекомендую к факультативному чтению “правду рангом пожи-

---

⁷⁹ “Комсомольская правда” от 1. 07. 82, статья называется “Лабиринт”,— разбор её, как наиболее показательной по уровню клеветы, дан во второй части “Катакомбного Мэйнстрима”.

же” – рупор областного комитета КПСС “Ленинское знамя”. В статье “КОГО ЗОВЁТ БЕЗДНА”, опубликованной в 1979 году и занявшей не меньше половины последней, как правило самой читаемой газетной страницы (так называемый “подвал”), настолько лихо переТАССованы реальные факты, журналистские вымыслы и довольно тонкие *подъёбки* < по-иному назвать *невозможно* > – от того же названия статьи (перефраз названия известной книги французского спелеолога Норбера Кастере) — что у любого прочитавшего складывалось чёткое и однозначное мнение: под землю, в каменоломни, ходят либо законченные мудаки, либо уголовники. По которым “турма плачет”.

* * *

— А теперь представьте: пещеры, в том числе значительной сложности пересечённые карстом лабиринты, столь близкие по своему ландшафту к естественным, имеются под боком, – меньше часа на электричке от Москвы! – риска для жизни при посещении многих из них, по сравнению с вертикальными пропастями, НИКАКОГО, – здесь бы и проводить *обучение новичков в реальных подземных условиях*, чтобы потом, “в боевых условиях” вертикального выезда не случалось досадных ЧП и сбоев, столь характерных для впервые оказавшегося под землёй, — и новичок всем сердцем рвётся в “хоть какие пещеры”, ведь для того и пришёл в *спелеосекцию*: по Подземле рассекать, а не сидеть на унылых занятиях в городе раз-два в неделю, – **но ...**

По официальному плану подготовки посещать каменоломни, набираясь бесценного личного подземного опыта, будущему советскому спелеологу *строжайше запрещено*, а дозволяется лишь два-три раза в год (в лучшем случае) поприсутствовать в качестве бесплатной тягловой силы при прохождении опытными товарищами некой, сто раз уже пройденной, “дыры”. Зачастую не представляющей никакой эстетической или научной ценности.⁸⁰ За что получить справочку об участии в походе низшей спелеологической “категории сложности”. (1-А или 1-Б.) Если восторженный неофит не пошлёт “в дыры, не столь отдалённые” такое “обучение” – на следующий год сам может повести в эту полость новых наивных чайников; после чего, получив очередную справку-билетик (руководство походом в пещеру категории 1-А или 1-Б), отправиться носильщиком в более сложную пещеру: оцениваемую, как 2-А. Ещё через год. И так далее — пока не надоест или не поумнеет. < По достижении дна пещеры категориейностью в 6-А смысл дальнейших занятий спелеологией как бы утрачивается: категории выше данной для пещер не предусмотрено; соответ-

---

⁸⁰ Вообще такая система организации спелеоподготовки больше всего напоминает анекдот про обучение прыжкам с вышки в дурдоме: «научитесь плавать – воды нальём!» Отсюда характерный уровень подготовки “официальных спелеоодногодков”: *без слёз невозможно созерцать их экспедиционные мучения...*

венно, даже за *первопрохождение* полости, явно превышающей своей сложностью оцененную, как б-А, лавров не будет. Ну не предусмотрел совок для спелеологов званий “мастера подземного спорта”, “пещерного барса”, “саблезубой летучей мыши”, “гринотерия России” или “крота века”— и всё тут! Как и каких-либо иных стимулов к посещению пещеры, кроме бумажно-спортивного.)

Желающих подробнее изучить сей “шедевр” издевательства над неофитами отсылаю к книге «Путешествия под землёй» работы В. Илюхина и В. Дублянского,— понимаю, что Виктор Николаевич Дублянский, действительно замечательный карстовец и спелеолог – на обложке почему-то заявленный, как “В. И. Дублянский” – вряд-ли имел отношение к разработке пересказываемых мной методик “обучения” будущих официальных спелеологов; также очевидно, что “путешествия” надо понимать в кавычках, ибо основное внимание при *спелеоподготовке* уделялось увлекательным играм в волейбол, футбол, бегу и “тренировкам” на прожекторных вышках МГУ, как наиболее похожих на подземные шахты-полости. Указания иль намёка на то, что хотя бы ради *принципиального* ознакомления с миром Подземли, прежде чем впервые в жизни лезть в вертикальную естественную полость, нужно, путь и единственный раз посетить рукотворную пещеру, в этой книжке вы не найдёте.

– Риторический вопрос: дорого стоило бы специально оформить-оборудовать “глухую стену” какого-нибудь турклуба для занятий по реальной “верёвочной технике” — оборудовать силами тех же обучаемых, заодно используя занятия промальпинизмом в качестве наиболее результативной тренировки?.. Не намного дороже, чем проводить раз в две недели тренировочно-учебные выезды в подмосковные каменоломни: глядишь, на этих выездах хоть больных клаустрофобией можно было б отсеять,— не говоря о *истинно бесценном* опыте реального пребывания под землёй, работе в реальных подземных условиях со светом, примусами, трансами, рулеткой, компасом – и прочим снаряжением: как индивидуальным, так базовым. Ан, нет — ***не те цели преследовали организаторы “официальных занятий спелеологией”***. А какие – догадаться не трудно. Кстати, о “тренировках на прожекторных вышках” замечу: восприятие высоты в спелеологии и альпинизме *принципиально разное* [см. «Особенности восприятия высоты в пещерах» – Г. Л. Беляева, “Спелеология в России”, вып. 1, Москва, 1998 г.],— человек, замечательно работающий под землёй на верёвках в пропасти стометровой глубины, на поверхности может испытать сильнейший приступ агорафобии и на прожекторной вышке высотой в 20 метров; *сколько потенциально прекрасных спелеологов было “отбраковано” подобными “тренировками”?*.. “НЕТ ОТВЕТА”.

* * *

— Исторический факт: В. Илюхин в годы, когда спелеология не делилась на “вертикальную” и “горизонтальную”, входил наряду с Прокофьевым в ГКС. Вместе занимаясь исследованиями как подмос-

ковных каменоломен, так и “суровых крымских пещер”. В частности, пещеры Красная – ныне в соответствии с задачами советской спелеологии предназначена для выгула праздных туристов. Однако в понимании целей и задач спелеологии меж Илюхиным и Прокофьевым возникли существенные разногласия; касались они и вопросов, связанных с финансированием экспедиций. Илюхин, поднаторевший в административной деятельности, “перетянул финансовое экспедиционное одеяло” в сторону крымских пещер; Прокофьев настаивал на равномерном распределении средств меж исследованием подмосковных каменоломен и естественных полостей Крыма. Не деля мир Природы “на аквалангистов и водолазов”. Если верить источнику, что поведал мне эту историю (а причин не доверять этому человеку у меня нет решительно никаких), это была первая трещина будущего раскола российской спелеологии. Далее т. Илюхин, занявший в иерархии московского спелеотуризма высокий административный пост, потребовал, чтоб в соответствии с его установками ГКС влилось в “официальные спелеоряды” и прекратило своё самостоятельное существование, – на что И. Ю. Прокофьев послал т. Илюхина “в совершенно не подземную полость”, – по-латыни, *in vulvas vulgaris*. И нажил себе смертного врага — причём не персонального, а всей спелестологии оптом. Так что ещё вопрос: власть-ли заставила т. Илюхина начать гонения на спелестологию, или он личную неприязнь к бывшему коллеге распространил “на весь жанр”. Но так или иначе – личные интересы Илюхина и власти совпали по полной программе. Из чего однозначно следует: *подковёрная борьба и склоки деятелей официальной спелеологии не просто резонировали с “интересами государства” — были весьма ему выгодны. Ибо жаждущих административной могущественности спелеодеятелей даже не надо было подталкивать на борьбу с “несогласными”, – срабатывала подкорка, – оставалось периодически направлять её активность в нужное русло.*

– Некий косвенный вывод из выше сказанного: и очень хороший, достойный спелеолог “из самых лучших [как ему кажется] побуждений” может вести себя крайне нелояльно как по отношению к “жанру”, так и к своим коллегам. (Тут ведь не только пример Илюхина – вспомним о десятках спелеологов-спасателей с Пантюхиным во главе. Что не оказанием помощи занимались, а систематическим грабежом “братьев по рюкзаку и верёвке”.)

И в результате торжества личных амбиций и аберраций восприятия Мира создать такую “систему официальной спелеологии”, выжить в условиях которой, то есть подниматься вверх по служебно-спортивной лесенке, могли либо отъявленные карьеристы, либо “чистые спелеоспортсмены”. Относящиеся к Миру Подземли, как к разновидности спортивного снаряда. Прочие – для кого в слове спелеология понятие “пещера” звучало на равных с понятием “знание”, кто выходных не мог себе представить вне чудесного мира Белого Камня — вышибались вон в силу своей “спелеонепригодности”.

: **СПЕЛЕОЛОЖЕСТВО** – так называли прозревшие эту систему “подготовки” с сопутствующее-карательным механизмом КСС и ГСС. Не знаю, на что она была рассчитана – боюсь, это вопрос ритуальный, – но что она не прибавила совдепу *настоящих исследователей*

пещер – факт.

Как не прибавила в Кадастр пещер, открытых фореиторами этой системы.

Даже В. Н. Дублянский в книге “Занимательная спелеология” подводит неутешительный итог созданной при его соучастии официальной системе подготовки спелеологов “с креном в спортивную сторону” – конечно, в очень мягких выражениях... Но тем ценнее его свидетельства (к этой теме он возвращается несколько раз, и продолжает её в своей следующей книге):

«Возникает вопрос: всякий ли может и *имеет право*⁸¹ быть спелеологом? В бывшем СССР эту проблему решили⁸² по аналогии с туризмом и альпинизмом: ступенчатое обучение и постепенный набор опыта. Это привело к введению спортивных разрядов и классификации пещер по степени сложности прохождения. Так появилась ещё одна достаточно сильная (в особенности – для молодёжи) мотивация: “хочу быть мастером спорта”, которая вступила в противоречие с требованиями охраны пещер...»

: Это лишь одно свидетельство из многих, встречающихся в тексте.

Но задумаемся над “парой моментов”: *как можно в точности охарактеризовать/классифицировать пещеру? Как определить в городских условиях пригодность человека к занятиями спелеологией?..*

Исключим из обсуждения важнейший аспект в восприятии подземного пространства любым человеком – субъективное ощущение Мира Подземли, диктуемое особенностями нашего физического строения, темперамента, образовательного ценза, склада мышления, эмпатического фактора в восприятии Мира вообще — обратимся к тому, что с некоторой натяжкой может быть сочтено объективной оценкой подземной полости. И допустим (понимаю бредовость такого допущения), что понимание конкретной спортивной сложности типа “2А” или “3Б” безоговорочно-одинаково у всех спелеологов. Вне зависимости от их персонального опыта, технического оснащения и прочего, прочего.

: Пещера – не открытый и зримый горный склон, не речной порог. Колодец глубиной в сорок метров, из которого, допустим, состояла обследованная часть пещеры при её первопрохождении-открытии и охарактеризованный в соответствии с нормами, как “2А”, при повторном изучении может быть обойдён обнаруженным почти горизонтальным лабиринтом, снижающим категоричность до “единички” (но: лишь в своей лабиринтовой части! – а как быть с остающимся колодцем? Давать пещере смешанную категорию – не принято. Ибо ясно, что некий халявщик без всяких верёвок обойдёт колодец, а в клубе заявит, что навешивался), – но ведь дальше, при разборе завала может быть вскрыта пропасть в 100 метров — причём вскрыта чайниками, которых на наклонно-лабиринтовую “единичку” и выпустили, – вскрыта — и, конечно, кто-то в неё обязательно сунется... и может быть, доберётся до дна. Не в естествен-

⁸¹ Курсив мой – С. Сом.

⁸² Вначале создали, затем принялись решать. И “решили” – отрезав от понятия спелеология все её неудобные спортсменам отрасли.

ном падении. По логике вещей, за такие “фокусы” его тут же надо гнать из секции: ибо заявился на маршрут низшей категории сложности, а устремился к весьма спортивным “глубинам”... Где, кстати, и погибнуть мог – на раз.

Но это общее рассуждение. Гораздо тоньше: *входит-ли обвалоопасность пещеры в понятие её сложности?* Ведь если спелек просто сунется в такую полость и благополучно выберется из неё – это одно. Но если он начнёт копать завал в поисках продолжения... Как в канолах официальной спелеологии оценить такую деятельность – и, кстати, саму пещеру??? А как оценить сложность прохождения пещеры в паводок – непредсказуемый, стихийный, внезапный – или в столь же непредсказуемый иной раз межень? Сложность и реальная опасность любой пещеры в случае полного затопления и в сухом варианте *несопоставимы в принципе*. Как несопоставимы реальные проблемы и трудности длинного или толстого человека при протискивании в шкуродёре, подъёме по верёвке – и миниатюрного. Одна и та же пещера для них в плане физических нагрузок и доступности может различаться по своей категоричности в несколько раз. Приравнивать их пребывание под землёй к одной категории – как требовать сдачи норм совкового ГТО от человека со сломанной ногой или рукой. И самый на вид крепкий и выносливый на городских тренировках по играм в футбол и покорении прожекторных вышек может свихнуться в пещере – при чём не только от клаустрофобии. От банальной, не замеченной в условиях городских тренировок (с последующей домашней тёплой ванной), истеричности. Или будучи “доста́н” кем-то из товарищей.

Немаловажный момент: техническое оснащение. Сейчас во всём мире при прохождении пещер общепризнанна “техника одной верёвки” – SRT. За попытку хождения под землю на одной верёвке совдеповская спелеология в течение 20 лет подвергала спелеологов самому вульгарному остракизму. Посвоему была права – ибо и ‘железо’ тогдашнее было хиловатое, и верёвки соответствующие. Как и персональный опыт покорителей бездны начала шестидесятых годов. Пещеры, заявленные тогда, как высшей категории трудности, ныне годятся для выгула новичков, оснащённых всей мощью современного ‘подземного железа’ – под которым можно подразумевать не только приспособления для работы с верёвкой, но и подземный свет, газовые примуса и петромаксы, новые типы аккумуляторов, непромокаемые сверхлёгкие спальные мешки, прочные ткани, из которых шьются комбезы, – и так далее. То есть то, что в шестидесятые годы казалось почти непреодолимым, ныне за трудность не считается. Отказ от “тросо-верёвочной” и лестничной техники позволил при меньших физических усилиях за в несколько раз меньшее время достигать под землёй тех глубин, что 20 лет назад казались “почти недостижимыми”. Ну и как быть в свете этого с однозначно определённой “сложностью Системы”? Если казавшиеся рекордными в семидесятые годы километровые пропасти были отнесены к высшей категории сложности “6А” – как определить сложность современных двухкилометровых пропастей? “Перетарифицировать” все пещеры? Но тогда – отнимать былые разряды у “отцов-основателей”. Ибо по бумажно-бюрократической логике это неизбежно. А коль не отнимать — значит, награждать современных отморозков-экстремалов, штурмующих на

бельевых верёвках и “ручной тяге” простейшие колодцы 2-А высшими спортивными почестями? А прохождение засифонных этажей – и вообще прохождение подземных сифонов? Можно-ли вообще сравнить по сложности сифонное погружение на километровой глубине – и ныряние с ребризером в коралловой пещере Барьерного Рифа?.. При этом в горизонтальной затопленной пещере может быть пройдено 6 км сифона – на дне вертикальной пропасти в 1,5 километра глубиной всего 6 метров. И сложность прохождения этих шести метров на порядок будет превосходить шестикилометровый рекорд, поставленный в тёплой водиче с помощью специального подводного скутера.

– Теперь вспомним о тех, кому спортивные разряды и рекорды “вообще до лампочки”, – кого зовёт под землю лишь Ощущение Пещеры, её таинственный Зов — и кому простое *пребывание под каменным сводом* и любование подземными красотами по внутренней природе много ближе, чем заковыки общения с “верёвочным железом” и бумажками-справочками, –

Ясно и следующее: *голимому спелеоспорту не выгодно соваться в неизученные районы, тратить крохи времени своего “дальнего выезда” на поиск и вскрытие новых “дыр”, – к чему? Найдёт он чего или нет – ещё вопрос. Сколько времени потратит впустую вместо гарантированного подъёма по спортивной лесенке — даже не вопрос: можно годы, экспедицией за экспедицией штурмовать новый район, без толку таская за собой свет, примуса и верёвки с тонной “железа” – и ничего не найти. В результате прослыть очень плохим спелеологом. Неудачником. Но если и найти – пещера-то официально не тарифицирована. Как расценивать её первопрохождение?..*

: Тем более, коль вскрытая с невероятными трудами щель затупикуется на глубине двадцати-сорока метров. Для официально подготовленного спелеоспортумена, добравшегося в своём развитии аж до полукилометровых глубин, *просто позор* размениваться на такую “мелочёвку”.

– А потому вся система созданной в нашей стране “спелеологии” работала не на поиск и изучение пещер — НА САМУ СЕБЯ. Изгоняя из понятия спелеология всё, что убогому спортивно-прикладному значению не соответствовало. В том числе проблемы экологической сохранности пещер. Ибо “не до жиру” – то есть выниманию мусора и экскрементов на поверхность с трёхсотметровой или километровой глубины — тяжко, и сил, и времени нет – всё ушло/вбухано в стремление *пройти как можно глубже и дальше*, –

: Пусть не у всех. Пусть лишь у каждой пятой команды, согласно плану подготовки штурмующей известную и не таящую неожиданностей пещеру. < Думаю, на деле соотношение иное. > Но сложите срач “каждой пятой команды” за, скажем, десять лет посещения не очень-то просторной вертикальной полости. (Что длина, что глубина исчисляются сотнями метров; в лучшем и редчайшем случае – километрами.)

Если кому-то из моих оппонентов представляется, что я сгущаю краски – назовите хоть одну “официальную вертикальную спелеоэкспедицию”, посвящённую исключительно очистке пещеры от “предметов антропогенного происхождения” – включая полуразложившуюся органику, вышедшее из строя

снаряжение, консервные банки, бензиновую и карбидную копоть, кучи недоработанного и отработанного карбида, батарейки и аккумуляторы с “потекшими” банками,— набитые в стены поржавевшие крючья, всевозможные верёвочки-лесочки и пикеты вкупе с настенными надписями-маркерами (что оставляются под землёй в соответствии с догмами официального спелеотуризма),— ну, назовите. Перечислите, если они были. *Сколько таких акций каждый спелеоспортивный клуб провёл в годы совка против экспедиций, этот мусор в пещере оставивших?*

В заключение приведу мнение Владимира Мальцева: он вначале относился отрицательно к “официальной спелеосистеме”, затем, подобно “обманувшимся в лучших чувствах” некоторым, “влился в её стройные ряды”,— даже возглавил печально знаменитый “официальный спелеоспасотряд”,— после, испытав по его словам вполне понятное разочарование, принял участие в “дворцовом спелеоперевороте” 1978/1980 гг., в результате коего “ребятам дали порулить спелеологией” — вошёл в московскую спелеокомиссию, действуя в которой преуспел в гонениях на не подчинившихся официозу “диких катакомбщиков” — после чего его имя в подмосковных Системах (и не только в них) стало нарицательно-бранным,—

— спустя ещё десять лет < “в свете демократических тенденций” > как бы “раскаялся” и поведал обо всём в своей книге⁸³ ... Ну, пусть не обо всём. Поведал о том, о чём невозможно было умолчать.

Вот *его характеристика* этого важнейшего этапа в развитии совковой спелеологии:

«Одним из устоев социалистического общества было непризнание принципа, что человек может отвечать за себя сам. В любой области как профессиональной, так и любительской деятельности, воздвигалась целая пирамида. В частности, любительский спортивный туризм, к которому официально относилась спелеология, был устроен следующим весьма забавным образом. Пещеры были поделены на шесть категорий сложности. В походе первой категории имел право участвовать любой, кто выслушал теоретический курс и съездил последовательно в два лагеря начальной спелеоподготовки, получив за это соответствующую справку. На каждый поход следовало чуть ли не за полгода подать заявку в МКК (маршрутно-квалификационную комиссию). Предъявить план похода и справки, что все участники прошли поход на категорию проще планируемого, а руководитель — руководил походом на категорию проще и участвовал в равноценном.⁸⁴ По ходу дела периодически отмечать маршрутную

⁸³ “Пещера мечты, пещера судьбы”, стр. 73 ÷ 75, 32 ÷ 33 и прочие.

⁸⁴ Теперь представьте, что *через полгода* кто-то из заявленных участников заболел, у кого-то сорвался отпуск в силу производственной штурмовщины, кто-то не может ехать по семейным обстоятельствам — или просто от того, что не скопил нужной суммы денег. А группа официально заявлена. Причём отказы от поездки в последний момент распространяются на всех участников, включая инструкторов. Что делать: отказываться пятерым участникам поездки из-за

книжку в ближайшей контрольно-спасательной службе, в чём единственном хоть какой-то смысл имелся. По завершении написать отчёт⁸⁵ и получить новые справки. Если в походе что произойдёт – за сломанную по пьяни ногу участника ответит руководитель, следом за ним – председатель МКК, выпустивший группу и т.д. Все эти идиотские правила создавались и исполнялись комиссиями по спелеотуризму (вполне общественными объединениями) только за то, что им благоволили государственные, а точнее, профсоюзные структуры – различного ранга Советы по туризму и экскурсиям. Причём благоволение это выражалось в каких-то совершеннейших мелочах – деньгах на один-два слёта в год на полсотни человек.

Совершенно понятно, что система была нежизнеспособной абсолютно. Спелеологи – они романтики, а романтики такой тягомотины как спелеошколы, лагеря и прочие справки, принципиально не признают. Поэтому официально признаваемая спелеология сократилась до пары сотен человек на весь СССР, а остальные несколько тысяч просто занимались спелеологией, наплевав на всё.⁸⁶ И даже на то, что контрольно-спасательные службы вполне могли у “дикарей” и снаряжение поотбирать, и морды побить. И успешно плевали бы и дальше, если бы не Даниил Усиков с Александром Морозовым. Которые, проработав лет пять, прокопали пещеру Снежная на Кавказе до глубины более 1300 метров, побив тем самым рекорд страны⁸⁷ и выведя пещеру по её глубине на второе

невозможности поехать, скажем, троим?.. Конечно же, нет. Можно взять в группу иных участников – и вывезти их на маршрут под фамилиями заявленных. Что и процветало. Приводя не только к очевидным ЧП, нередко подлинно трагическим в силу несхоженности группы – но и к нарастающей моральной девальвации всех участников данной системы. В результате чего в оной, как в канализационном отстойнике, беспринципное дерьмо всплывало вверх, прочие тонули в нечистотах. Или посылали такую систему на хер, возвращаясь к свободной спелеологии.

⁸⁵ Существенное дополнение: поскольку группа выпускалась на стандартный, тысячи раз пройденный маршрут – к чему было утруждать себя “отчётным творчеством”? Тем более, что перед поездкой на стадии подготовки руководитель был обязан отчитаться перед комиссией об изучении отчёта предидущей группы; ясное дело, по возвращении этот предидущий отчёт переписывался слово в слово — и “защищался” на соответствующем заседании спелеокомиссии. Все это знали, и все играли в эти аморальные игры.

⁸⁶ Сравните ЭТИ ДАННЫЕ с процитированными мной у создателя этой системы т. Илюхина. *Впечатляет?..*

⁸⁷ “Рекордсменом” в те годы считалась пещера КИЛСИ, – ребята из Киевской Лаборатории Спелеологических Исследований прошли её на 1977 год до глубины в один километр. Характерно, что “вертикальщики” из московской МКК в силу природной зависти долго оспаривали это достижение — и потому, что его сделали не москвичи, и потому, что КИЛСИ с успехом ложилась на систему официальной спелеологии, будучи одним из представителей так называемой “теневой”. То есть – официально-независимой от ВЦСПС и их

место в мире. И обнаружили, что не могут этого даже опубликовать без санкции соответствующей спелеокомиссии, а обнаружив – страшно обиделись. И объявили всем официальным структурам в спелеологии войну, потребовав пересмотра чрезмерно забюрократизированных правил, легализации сложившихся “диких” спелеогрупп, замены всего руководства и т.д.»

— далее В. Мальцев с блеском описывает, как он, естественно, оказался в “центре этой борьбы” < а как же иначе – ведь описывает не Морозов, а Мальцев! >, усмотрев для себя возможность “сражения на два фронта”. Один – за сохранность пещер Кугитанга, разграблением которых он профессионально занимался перед тем годы; ‘второй фронт’ или причина “революционного фрондирования” руководителя официального спелеоспасотряда из его книги мне, честно говоря, так и остались неясными. Завершаю цитату:

«... спелеологическая революция завершилась, конечно, пирровой победой. Имеющиеся руководители (Владимир Илюхин и компания) были такими же спелеологами, как и все мы, и их идиотские действия и правила на самом деле диктовались системой. Ну, заменили мы их своими, *перелегалizовали всех дикарей*, снизили жёсткость правил – суть осталась. Дикари, поначалу влившись в наши ряды, годик-другой в эти игры поиграли – и практически в полном составе оказались опять в подполье. Новое же руководство более или менее от всего самоустранилось, увидев полную бесполезность каких бы то ни было членодвижений. Ну, и всё, что отсюда следует. Спелеология сама по себе, спелеокомиссии – сами по себе».

Выделенное моим курсивом – такое же враньё, как и у Илюхина. Кстати, замечательно употребление термина “дикари” (без кавычек!) применительно к исследователям и первооткрывателям крупнейших и красивейших пещерных систем, к представителям науки, имеющим в изучении Мира Подземли свой интерес, – к “невписавшимся” в спортивно-прикладные рамки спелеофотографам, спелеотерапевтам и спелестологам-историкам, для которых изучение заброшенных разработок белого камня и подземных храмов – лишь часть общеисторического интереса...

В остальном цитата “более, чем примечательная”. И вот ещё одна интересная мысль В. М.:

«Забавно, но само слово “спорт” в применении к спелеологии принципиально неверно. Спорт подразумевает какое-то соревнование, а с ним-то и тяжеловато. Две команды в одной вертикальной пещере в одно и то же время

московских фореиторов. Вообще украинские спелеки традиционно недолюбливали москалей, – когда же к этому прибавились попытки московской МКК подчинить себе киевских “вертикальщиков”, а любителей горизонтальных гипсовых лабиринтов Подолии вывести в “заштат” официальной спелеологии...

: Только “дикие”, не зависимые от официальной московской спелеологии группы получали доступ в красивейшие Кристальную, Млынки, Озёрную, Оптимистическую и Золушку — прочим в Подолии была объявлена самая настоящая война.

просто не могут оказаться – всенепременно запутаются друг у друга в навесках и проводах. В одном и том же сифоне – тем более. А через неделю и водопады посильнее или послабее, и на заброску вертолёт достать удалось – словом, условия уже совершенно другие. В том же альпинизме вполне возможно естественно и органично устроить соревнования. В пещерах – нет. Любое соревнование с начала до конца искусственно, хотя поиск возможностей их организации идёт с того самого момента, как по чьей-то ошибке было произнесено слово “спорт”. И вполне активно. И по ориентированию в лабиринтовых пещерах (чего в реальной спелеологии не бывает – или карта пещеры есть, или её нет), и по лазанью по лестницам и верёвкам, подвешенным на поверхности, и по скорости топографической съёмки, и по обычному скалолазанию. Словом, по всему, что не имеет прямого отношения к спортивной спелеологии, ибо за отсутствием стратегии и тактики штурма спелеология исчезает, а остаются лишь выданные из контекста отдельные её технические элементы.

Попытки устроить соревнования “на натуре” тоже были. Например, по типу альпинистского чемпионата, в котором каждая команда заявляет на год десяток штурмов высокой сложности, а по итогам оценивают результат с учётом как стратегии, тактики и техники, так и нахальства (в смысле предварительно заявленных первопрохождений). И тоже не прошло. Это годится для профессионального спорта, а спелеологи – любители. Или с прохождением эталонных пещер на время, что оказалось настолько чуждым самому духу спелеологии, что отмерло очень быстро.»

— Добавлю-ка я к цитате из В. Мальцева пару своих замечаний.

: Лично мне кажется, что любые соревнования по спелеоориентированию – глупость. Потому что в основе такого соревнования, как верно заметил В. М. — Карта Пещеры. Но для пещеры примитивно устроенной, адекватную карту которой легко выполнить в любом масштабе, понятие ориентирования смешно, ибо сводится в конечном итоге не к ориентированию, а к скорости подземного бега. Для любого же мало-мальски сложного лабиринта, паче чаяния многоуровневого, составление адекватной до мельчайших подробностей карты – Проблема Проблем (те же Кап-Кутан или каменоломни Никитская, КА2, Бяки; не нравятся каменоломни – представьте себе подобное ориентирование в Оптимистической или Орешной), а уж ориентирование в них “по карте на время” – просто идиотизм. Широкий и низкий ход, начинающийся где-нибудь в скрытой у самого пола или за предсводовым козырьком щели, коль ты заранее не знаешь об этих его свойствах, для попавшего впервые в Систему окажется несуществующим – ибо на карте будет выглядеть впечатляющей галереей. Любой, имеющий дополнительную информацию – относительно карты, стандартно-одинаковой для всех – окажется в выигрыше. И это при условии, в принципе не достижимом: *где вы видели адекватные карты сложнейших лабиринтов?..* Я, например, не видел. Хоть и представляю себе, каких размеров эти фолианты должны быть – попытались мы как-то адекватно нарисовать одну из подсистем Никит в масштабе “1 см – 1 м”, да ещё со всеми ландшафтными комментариями, которые по существующим топографическим правилам просто

не наносятся на карту (вид и особенности пола, стен, сводов; уклон и высота ходов, слагающие породы, трещиноватость, влажность, натёчные формы и каплепады, завально-бутово-моноклитные варианты преград – в общем, всё, что соответствует виду пещеры “по полной программе”: типа аналогичной информации, легко читаемой на любой карте поверхности)... Не менее важное замечание – названия пещерных гротов пишутся на стенах столь редко, что мне лично непонятно: как некий спелеоспортсмен сможет определить без посторонней подсказки, что он попал в грот Колизей-1, а не в точно так же выглядящее место с названием Колизей-2 — или в любое иное, вовсе не похожее на них, но “в проекции сверху” аналогично выглядящее на схеме? А никак, коль он не посещал до того данную Систему. Можно сказать, что это и есть спорт. Нет, ребята, это не спорт. Это броуновское движение. Отберите у туриста-ориентальщика карту леса и выпустите его на маршрут — будет тоже самое.

– *Но главное: мало-мальски адекватная карта сложной пещеры — предмет очень большого труда и кропотливой работы её создателей. Не распространяют их налево/направо, да ещё для пришлозалётных спортсменов, — потому что и труд жалко на халяву раздавать, и ломанётся по этой карте какой-нибудь отмороженный чайник, вообразив, что с картой такой он царь и бог подземного ориентирования... А кончится всё сплани. Потому что не помогает подземная карта в сложных лабиринтах чайникам — нужна она лишь тем, кто уже хоть какое-то представление о данном лабиринте имеет, и назначение её одно: решение вопросов топологии для тех, кто действительно изучает эту Систему.*

Что же до “профессионализма” и “любительства” — к спортивной стороне спелеологии это отношения не имеет. В альпинизме, где гора “стояла, стоит и будет стоять” без видимых изменений “многие лета”, можно заранее оснаститься любой потребной информацией и до мельчайших подробностей расписать возможный маршрут. В спелеологии же... Ну представьте: по предварительным геологическим данным и опытам с окрашиванием вод пещера вполне “тянет” на километровый рубеж, из которого ко времени заявки зачётного маршрута пройдено, скажем, метров 500. И дальше как бы наметилось продолжение. Рвущаяся на победу в “зачётном спелеочемпионате” группа заявляет, что намерена этот километр пройти. А команда не столь амбициозная декларирует цель полегче. После чего многообещающая Система затыкается непроходимым завалом на 555-м метре, а пещера, что не подавала “рекордсменских признаков” неожиданно “свистит” аж на полтора километра (Лампрехтсофен, Воронья/Крубера). А то и на два. И выходит на **мировой рекорд**.

– О каком спелеосоревновании можно вести речь в данном случае?..

: *НО ТАКАЯ “СПЕЛЕОЛОГИЯ” БЫЛА СОЗДАНА В НАШЕЙ СТРАНЕ.*

Несогласным с ней просто заткнули глотки. Вывели из рядов “советских спелеологов”.

Ибо сделать это было несложно на любом уровне. Особенно — присвоив себе право решать-определять: кто “достоин ходить в пещеры”, а кто нет. Чем в

этих пещерах можно заниматься, а чем – “ни-ни”. Заодно постановив: это мы называем пещерами, а это совсем иными словами.

: Достаточно бранными.

Или каверзно-уничижительными — типа пропагандируемым В. Дублянским словечку “спелеистика”. Специально изобретённым для того, чтоб избежать употребления равноценного слову “спелеология” термина “спелестология”.

Искусственная Подземля, по мысли того же изобретателя, должна именоваться “псевдопещерами”.

Ну а мы, соответственно – спелеисты. То есть псевдоспелеологи. Что однозначно следует из контекста обоих примеров.

* * *

Капля отражает океан. Судьба спелестологии в нашей стране отразила и судьбу спелеологии. А та, в свою очередь – судьбы российского туризма. Заорганизованный сверху, полноценно развиваться он просто не мог. По определению.

– Или, может быть, братья “по рюкзаку и гитаре” всерьёз осмелятся утверждать, что профсоюзный туризм с опорой на курортно-путёвочный регламентированный отдых и есть *настоящий туризм*?

: Иного создано не было. Да и этот получился какой-то кривенький. Не включал в себя целые ветви – например, краеведческий. И включать не мог – с совковым представлением об истории, с отношением к её памятникам и “культуре вообще”, –

В стране с двухсотпятидесятымиллионным населением, охваченной в шестидесятые/семидесятые годы самой настоящей туристической эпидемией, было... аж целых два “туристических” издательства: “Турист” и “ФиС”, то есть “Физкультура и Спорт” [направленность последнего очевидна] –

— сколько они издавали туристических газет, альманахов и журналов, – каков был их тираж и доступность для страждущих?.. Сказать – или уже догадаться?..

: Сколько они издали подлинно точных туристических карт – что основа любого безаварийного похода?

– Сколько “российских джек-лондонов” открыли миру, – напечатали туристических песенников, LP и МК любимых народом бардов, – что собирали тысячные лесные поляны и песни которых расходились в народе миллионами парсеков “намагниченных лент” и сотнями тысяч переписанных от руки толстенных тетрадей?..

Но ведь судьба российского туризма и самодеятельной песни – это и судьба российской рок-музыки.

А ещё – джаза.

И с живописью было не лучше, – а уж как обстояло с литературой, поэзией... И с наукой...

Об отечественном автопорме и бытовой технике от пылесосов до персональных компьютеров просто всплакнём.

: *Капля не только отражает океан — она и пахнет так же.*

* * *

В приведённой выше цитате из книги Мальцева (где он описывает события “послепереворотной московской спелеологии”) есть неточность. Для иного незаметная, а кому-то сильно режущая взгляд:

Дело в том, что всё было не так. Не было “московской спелеокомиссии” (и созданного при ней “как бы спасательного” отряда) «самой по себе, спелеологии самой по себе». К сожалению, именно в это время начали происходить наиболее грязные (по-другому не скажешь) события — что и сформировали в конечном итоге облик московской спелестологии и наше отношение к властям. А заодно и к автору “Пещеры мечты, пещеры судьбы”. Но не будем сводить старые счёты –

: Десятки исковерканных спелеосудеб не в счёт — как не в счёт разгромленные клубы и группы спелеологов и спелестологов, не принявших “скромного обаяния” совкового спелесчастья. Не будем плакаться годы спустя и расписывать в красках все гнусности совковой эпохи,—

Обратимся лучше к тем, кто с успехом положил на совдеповское спелеоложество орган продолжения рода – и осветил наше подземное хождение не бумажным, но подлинным Светом.

ОТКРЫТИЕ

“Сквозь вход проступало...”

17 декабря 1961 года группа Игоря Юрьевича Прокофьева совершала спелестологическое обследование долины реки Рожайка (правый приток Пахры, на берега которой, подобно ожерелью, “нанизаны” основные каменоломни спелестологического московского пояса). Каково это – по морозу рассекать, утопая в снегу, по бесконечным овражкам, замаскированным снегом канавам и ямам,— можно себе представить. Но в том-то и дело, что летом никакой серьёзный поиск каменоломен (как, впрочем, и естественных пещер) в принципе невозможен: что можно различить, увидеть в густых зарослях травы и крапивы? А потому основных поисковых сезонов в спелестологии два: октябрь/декабрь, и апрель/май. Только в эти месяцы можно отчётливо увидеть некую, пусть даже полускрытую корягой, щель в земле – не чернота, но весьма специфически ощущаемый **мрак** в которой ясно говорит: *это не тень, это*

нечто, имеющее глубину-продолжение, — по ноябрьско-декабрьским холодам также зримо виден пар “выдыхаемого” Системой тёплого воздуха — что в сочетании с упомянутым *мраком* однозначно приказывает: ЛЕЗТЬ ВНУТРЬ.

И СМОТРЕТЬ, ЧТО ТАМ ДАЛЬШЕ.

Коль невозможно пролезть — копать.

Прочие времена года — для изучения найденного в эти месяцы.

И вот в начале зимы 1961 года ГКС прочёсывала берега реки Рожайки в районе села Никитского на предмет обнаружения каких-либо входов в неизвестные каменоломни. Некая информация о коих была почёрпнута в доступных архивах и путём опроса местных жителей (о личном опыте архивных раскопок и расспрашивания аборигенов читайте в “Практической Спелестологии”).

: Траверсируя склоны холмов, обращённых к руслу Рожайки, группа Прокофьева действительно нашла четыре щели, *из которых парило*. То есть факт существования пещеры-каменоломни БЫЛ НАЛИЦО.

— Только проникнуть внутрь было невозможно: слишком узко. Так что летом, выкроив время среди иных экспедиций и исследований (уже тогда проводившихся ГКСом достаточно плотно), Прокофьев “со товарищи” приступили к вскрытию. К которому с перерывами для других исследований возвращались следующие три года.

В результате на левом берегу реки Рожайка у пионерлагеря “Берёзка” была вскрыта двухвходовая полость смешанного происхождения (тектоническая раскарстованная трещина с гротом + небольшая каменоломня), названная Изюминка; на правом берегу реки три “дырки”, названных поначалу Никитская-1, Никитская-2, и Никитская-3. (Сверху вниз по течению реки, все обрамляли известняковое плато-останец, которое Рожайка огибает подковой.) Причём Никитская-1, позднее прозванная Синеглазкой, располагалась *точно против Никитской-2 и Никитской-3, лежащих с другой стороны холма*. Кроме того, на самом холме было зафиксировано много провальных воронок. Из чего следовал однозначный вывод: **КАМЕНОЛОМНЯ В ЭТОМ МАССИВЕ НЕ ПРОСТО ЕСТЬ — ОНА ДОЛЖНА БЫТЬ ОГРОМНОЙ!**

Но Никитская-1 заткнулась песчано-глиняным завалом; к тому же вход в неё был выше уровня реки не более, чем на метр. А значит, в паводок наверняка заливался водой. Мало того: чуть дальше входа на относительно невысоком в этом месте склоне находится большая провальная воронка; зачем копать завал, после которого наверняка попадёшь под новый — мне лично непонятно.

: Теперь. Но ведь когда-то, как и многие другие никитяне (и в изобилии “примыкавшие к нам”), прошёл через раскопки этого хода. Одни и те же каждый год — что за сезон вытаскивали из раскопа спелестологи, по весне заботливо возвращалось рекой на своё энтропийное место.

... Никитская-3 представляла собой длинный и извилистый шкуродёр, лежащий в пласте обрушения; практики — как и методик вскрытия подобного рода завалов в те годы ещё не существовало. А потому успеха в нём ГКС не

добились⁸⁸ и обратили свои усилия на Никитскую-2.

Там, через несколько дней работы в горизонтальной щели межпластовой расслоёнки под нефом известнякового обнажения – явно бывшего центрального, или откатного штрека, – ГКС ждал успех:

Ход вывел их в относительно просторный грот, осмотрев который – стены его представляли собой с трёх сторон сплошное обрушение, с четвёртой, левой, монолит — ГКСовцы было поставили своей работе на этой монолитной стене оценку мелом: «КОЗЛЫ». (Так это место до сих пор и называется.) Но, очевидно, *нечто звало* – или, быть может, та самая замеченная ещё зимой *тяга воздуха* – ибо не поленились попробовать разобрать одну из завальных стен.

Здесь надо заметить, что трудность разбора и вскрытия *никитских завалов* многократно превосходит аналогичные работы в прочих каменоломнях Подмосковья. Ибо в последних, как правило, разбору подлежат *забутовки* – то есть не держащие свод навалы камней, – случившиеся действительные обрушения, без разбора которых не войти в отсечённые части Системы, крайне редки. В Никитах же забутовок в традиционном смысле этого слова практически нет – те, что есть (буквально пять штук), сложены из правильной формы камней и выполняют роль крепежа просевшего свода; в разборе их нет никакой практической надобности – кроме откровенно суицидальной. Коль хочется пробиться за некую зримую границу, приходится бить ход или в конусе чёрной юрской глины (что “на раз” может потечь и оборвать твою работу вместе с жизнью), или пробиваться через крупноглыбовый или смешанный завал. Что, возможно, также близко к суициду — но хоть как-то оправданно. Иногда, чтобы пробиться дальше в безусловно просматривающееся под низко севшей плитой пространство, приходится работать ножовкой: крепей в Никитах не просто много, их – легион. А каково пытаться распилить зажатую севшей плитой дубовую или осиновую крепь “столетней выдержки” – лёжа на животе во влажной глине, и работая “на полную вытянутой” рукой – представить может не каждый. Вообще Никиты отличаются от прочих Систем Подмосковья (да и остальных тоже) *буквально по всем параметрам*. Что делает эту Систему подлинно уникальной. Ну, а тех, кто предпочёл в шестидесятые годы этот сложнейший и опасный лабиринт прочим подземно-коридорным просторам Подмосковья – без преувеличений — *Героями*.

В результате разбора первого в своей жизни реального подземного завала ГКС вышли в соседний грот: низкий, будто сплюснутый, с явно и опасно просевшим сводом – но сохранившийся целиком. Включая стройные ряды крепей. А уж из него, разобрав фрагмент *явно крепёжного бута* – потому что в щели меж парой камней была *та самая манящая Тьма* — вышли дальше: в зал, размеры которого показались ГКС просто фантастическими, – высотой под три

---

⁸⁸ Дальше всех удалось пробиться в 1975 году Старшине и Сержанту; в самом дальнем гроте, до которого им удалось добраться, они оставили на стене свои имена и дату. *Искренне убеждён, что надписи такого рода, оставляемые при первопроехождении, НЕ ЯВЛЯЮТСЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИ-ЭСТЕТИЧЕСКИМ МУСОРОМ.*

метра, шириной в пять, он уходил во тьму. Огромным, плавно поворачивающим вправо штреком.

: Это было начало знаменитой Никитской Централки. Оставшееся время выезда ушло на топосъёмку. Отметив, что из этого штрека и вправо, и влево уходят ходы, ГКС уехали в город.

На следующие выходные была запланирована поездка в другое место (желающие могут изучить отчёты группы, которые находятся сейчас у М. Сохина, президента РОСИ; что было замечательно в работе ГКС – чёткое документирование каждого рабочего выезда); в дальнейшем группа периодически возвращалась к картографированию и изучению Никитской Системы – но так как фронт подмосковных работ ГКС был “более, чем обширен” – ясно: возвращения были не часты. К тому же выяснилось: вести спелеотопосъёмку в условиях Никитских пещер – занятие, на порядок превышающее по сложности топосъёмку в любой иной подмосковной каменоломне. Причин тому несколько: это и огромное, против других Систем, количество сложных и запутанных шкурников, зачастую переплетающихся друг вокруг друга в участках массовых обрушений, – большое количество преграждающих путь завалов в сочетании с различными типами выработки и высокой плотностью ходов, многие из которых заканчиваются обвальным тупиком лишь через пару-тройку развилок; трёхмерность отдельных участков Системы и зримая обвалоопасность многих гротов и штреков — отсюда психологические трудности работы...

Причём в любом завале-тупике среди щелей и каменных наворотов при следующем выезде легко может быть обнаружен шкурник, уводящий в Систему дальше — иной раз даже огромное, чуть-ли не в рост человека, отверстие, по непонятно-иррациональной причине пропущенное вначале (так, скажем, неудачно легла тень от соседней плиты) – или камень, единственный из нетронутых в прошлый раз, чуть-ли не сам падает к ногам от случайного прикосновения – и открывает проход...

: Ясно, что приходится лезть в открывающееся пространство, отвлекаясь от запланированного в городе исследования — что скорости в работе не добавляет.

Наличие скрытых линз охры в породах в некоторых местах отклоняет стрелку компаса – выясняется это, как правило, лишь на камеральной стадии обработки отснятого материала; приплюсуйте полужидкую глину в мокрых ходах, обилие трухлявых осклизлых крепей, обильную капель — и *представьте*, каково заниматься в Никитах топосъёмкой.

: Эта одна из причин того, что до сих пор не существует полной и достоверной топосъёмки Никит.

И никогда не будет существовать – могу добавить с полной ответственностью. Потому что и не обрисовать столь сложный ландшафт, – да ещё так, чтоб конечный результат обрисовки после сведения с камеральной частью работ адекватно читался на карте, – и потому что пока эта карта делается, какие-то ходы и гроты падают или перекрываются постоянными посетителями Системы, либо расширяются и перепланируются. Да и новые окоёмы открываются постоянно. Причём иной раз на самых торных и трижды отснятых местах.

Любой, кто в такой ситуации заявит, что выполнил “полную и адекватную карту Никит” – враль. Говорить с ним не о чем. Обсуждать его труд – бессмысленно.

Учтём также и то, что Никиты вообще склонны (как и любая более-менее сложная Система) открывать свои потаённые закрома лишь тем, кто способен вступить с ними в паритетный внечувственный контакт. Кто способен полюбить их – и понять своей спелеоинтуицией. Кто приходит в них, как в родной дом.

А не спортивно-ударным топосъёмочным наскоком.

: Полюбить Никиты сложно. Уж больно тяжело даётся простое перемещение по ним, и очень большим трудом – оборудование даже временного стояночного места. Понимание топологии — ещё сложнее.

А уж разбор завалов и топосъёмочная работа... о трудностях и адекватности конечного результата которой сказал сполна.

Конечно, современные посетители Никит могут сказать: не столь и трудно путешествие по ним. И стояночных гротов хватает, – а уж просторы ЖБК и Мартингала...

— Милаи мои! Всё, что вы видите в Никитах *сейчас* – все эти безопасные, расчищенные от шкуродёров транспортные магистрали, водокапы, входы и оборудованные для стоянки удобные гроты – плод титанических усилий нескольких поколений никитян. Мы не просто создали эту Систему – мы отняли её у обвальной энтропии. Чтобы понять, как выглядели Никиты в шестидесятые годы и чего стоило тогдашнее путешествие по ним и тогдашняя ночёвка – отправляйтесь в Зазеркалье иль в Калифорнию, последние никитские приращения. Причём свет возьмите такой, какой был общедоступен в шестидесятые совковые годы. Керосинку вместо примуса, надувной матрас вместо пенки из расчёта один на троих человек. Спальничек – на ватине. Но у каждого.

Одежку подберите соответствующую. Никакого капрона, кардуры, те-зы, – тем более современных полартеково-гортексовых изысков. От лазерного дальномера откажитесь – изготовьте из куска киперной льняной ленты нечто вроде рулетки. (Понимаю, что получится лонжа – но вы **должны сделать рулетку.**) Компас поищите на каком-нибудь стародачном чердачке. Поскольку полиэтилен тоже был дефицитом, о нём забудьте. О калёных монтажках и прочем удобном современном инструменте – аналогично.

Как и о трансах — ибо не было в шестидесятые годы такого слова. Понесёте все свои подземные вещи в общедоступном тогда брезентовом “колобке”.

На стройке можете спиздить старинную совдеповскую каску с надписью “труд” и “молоток каменщика” – вот два ваших основных инструмента. Если слово “спиздить” вызывает у вас дрожь — можете попытаться поискать их в совковых хозяйственных магазинах (хозяйственных рынков тогда не было и в помине). Но предупреждаю: даром потеряете игровое время.

Алюминиевую кастрюльку для приготовления пищи возьмёте из дома; отдраивать её от керосиновой копоти будете потом не “тётей Асей” или ещё

какой пемоксолью-ферри, а простым хозяйственным мылом и песочком. В речке по выходу на поверхность.

О продуктах специально говорить не буду – как пелось в широко распространённой тогдашней туристической песенке, «концентрат перловый лопай – вот такая наша жизнь...», – короче, умному человеку и так ясно. А дураку, верящему совковым сказителям, говорить без толку. Тем более, о вкусовых и общеотравляющих качествах тогдашних “чернил” и “трёх топоров”. Или “ослиного зада”, “золотой плесени”, – как и народно-доступной водовки под ласковым названием “сучёк”. Или её более эстетского варианта под не менее народным ником “коленвал”.

– Экипировались? Забыли про хоть какую-то ориентацию и вытерлись всеми имеющимися картами? Мобильники выбросили, о домашних телефонах всплакнули?.. Тогда в путь. Ваш лагерь – в Зазеркалье. Время выхода пошло, – не забудем, что начинается оно поздним субботним вечером по окончании рабочего дня и автотранспорта у вас нет; никитский магазин и автобус существуют лишь на бумаге – в планах развития Домодедовского района на следующую пятилетку. И дома вам надлежит оказаться во избежании паники родных и близких не позднее 21.00 воскресенья. Для чего из дыры выковыряться часикам к шести вечера. Но лучше к пяти, потому как нужно успеть переодеться, очистить рюкзак от грязи, а кухонную посуду от неизбежной копоты.

Учтите: к моменту вашего возвращения все магазины закрыты. Так что об ужине, включая хлеб, позаботьтесь ещё в пятницу. [О холодильнике при этом не помышляя – вашей очереди на его получение стоять ещё год.] Если живёте в коммуналке (а в шестидесятые годы это скорее всего) и пропустили свой черёд пользования ванной – ждите, когда помоеся последний из соседей. Затем, ближе к часу ночи, можете постирать свои подземные вещи. Но аккуратно. Без лишнего шума. Если вас застукают за стиркой комбеза в самом, что ни на есть, “коммунально-общественном месте” соседи – хай обеспечен. Сушить столь одиозные шмотки вы будете в своей комнате, над тазиком для сбора каплюющей воды. Под эту каплю и уснёте – почти как в гроте под землёй.

Утром вы должны не опоздать на работу.

: Сможете заново сбить Мартингал и Зазеркалье в ходе такой ролевой игры и уложите при этом не больше, чем в 10÷15 выходов — тогда и трендите.

А если не просто уложите в 10 выходов, но ещё оттопосъёте три-четыре км никитских ходов, да обследуете при этом штук пять окрестных пещер – и всё это сделаете в один сезон! — можете ощутить себя Игорем Юрьевчем Прокофьевым. Основателем Группы Краеведов-Спелеологов.

: Со спелеоснаряжением шестидесятых в Никиты вообще соваться смысла не было — тем удивительнее *подвиг* тех групп, что предпочли, пусть и изредка, Никиты широким и просторным Сьянам. Или интенсивно тогда “растущим” Киселям и Силикатам.

Или туристическому осмотру склонов речных долин в поисках более гостеприимно распахнутых входов. Причём не только в Ближнем Подмосковье, но

и в Калужской, Тульской и Тверской областях. Там ведь тоже когда-то добывался “белый камень” – и пещеры манили не менее подмосковных.

: Всё хотелось изучить, всё осмотреть и облазить,— что против этого открывающегося мира были запутанные, обвалоопасные и труднопроходимые лабиринты Никит?

А потому ГКС, отсняв что-то около трёх с половиной километров ходов, отступились от открытой и вскрытой ими Системы. Лишь время от времени возвращались в неё для тренировки очередного своего спелеопополнения – ибо все остальные, открытые ими в Подмоскovie пещеры, казались тогда просторней, протяжённей и во всех смыслах приятней для посещения.

* * *

Второй спелеогруппой, решившейся заниматься освоением Никит, была группа “Улай”. Точных сведений о ней я не имею; знаю только, что они ходили в Никиты в шестидесятых годах и время от времени пересекались с ГКС. Но хождение тогда было довольно замкнутым – каждая группа существовала сама по себе и близко ГКС и “Улай” не контактировали.

Во второй половине “романтического периода” Никитам уделили своё внимание спелеогруппа из ТСХА, в основе которой были Старшина [С. Головин] и Сержант [С. Шадуро], и “Парабеллум” Пети-Крота [П. Николаев]. Спелеотопосъёмкой они не занимались, сосредотачиваясь на разборе завалов, поиске скрытых продолжений Системы – и просто подземном бытии. Конечно, включавшем распитие спиртных напитков,— ну да что с того? “Кто язвенник и трезвенник – бросьте в спелестологию камень”: потому что, во-первых, человеку свойственно отдыхать-отрываться, и что дозволено и нормально воспринимается в городских условиях – имеет право на подземное воплощение; во-вторых, многие весьма важные спелестологические открытия и вскрытия *были сделаны именно ‘под градусом’ – причём зачастую довольно крепким*. Например, замечательный спелестолог Алёна Рассолов (обозванный Мальцевым в своём писании “катакомбным алкоголиком” – очевидно, со зла и зависти), попав в Кап-Кутан, естественно, “принял на радостях” от увиденной Красоты — и отправился с кайлом и лопатой гулять по незнакомой Системе. (Говорят, по ходу прогулки добавлял из имевшейся фляжки; что ж – ИМЕЛ ПРАВО.) Дойдя в процессе гуляния до определённой кондиции, в которой разговор с Двудикой получается лучше, чем с близкими по плоти, “приколослся” к некому месту в проходе – и разнёс его, выйдя в новую, достаточно протяжённую и красивую часть Системы. В то время как “трезвенники и праведники” безуспешно тыркались лбами в абсолютно глухие монолиты, за которыми по трезвым и хорошо рассчитанным в городе прикидкам “что-то должно было быть”. Да вот только не было.

Таких историй я могу привести очень много,— как и замечание о том, что с пьяными под землёй почему-то, как правило, ничего плохого не происходит [естественно, речь идёт о спелестологах, а не случайно-залётных чайниках];

даже похмелье под землёй практически отсутствует – против аналогичной дозы, выпитой на поверхности,–

– как и замечание о том, что многие виды тяжёлых работ (как физически, так психологически – например, шурфение склона в поисках гипотетической “дырки” в абсолютно-неудобоваримых метеорологических условиях), – *просто невыполнимы* без должного допинга.

... и замечательный, в некотором роде, отрывок из воспоминаний Т. Визбор об отце:

«Мы гребли до тех пор, пока это было возможно, преодолевая жуткий “мордотык” — так называемый встречный ветер, пока вода не начала заливать лодки. Взрослые с трудом развели костёр и, натаскав лапника, поставили одну палатку. Туда же кинули единственный не промокший спальник, чтобы хоть как-то разместить детей. Казалось, согреться было абсолютно невозможно. Тогда отец, как командир похода, достал НЗ — бутылку самогона, настоянного на дубовом листе и предназначенную специально для таких случаев. И, налив полный стакан, сказал легендарную фразу, вошедшую в летопись наших байдарочных походов:

– Прошу подойти всех мужчин, женщин — кто хочет, и детей — кто может...

В результате этой акции все дети через пятнадцать минут мертвецки спали в единственном спальнике, а к вечеру были совершенно здоровы.»

: В 1969 году во время жуткой непогоды в Приэльбрусье мой отец поступил аналогичным образом.

... В конце концов, каждое посещение Системы для того, кто любит её – Праздник. И коль по существующей и на поверхности не осуждаемой в принципе традиции на стол в праздник ставится вино...

: Алкоголь. Растормаживающий наше воображение, снимающий стресс и прессинг – друг во многих ситуациях. < Что до вреда – это от человека зависит не меньше, чем от ситуации. В принципе, курить и дышать городским смогом *равно вредно* – однако... >

: Растормозивший под землёй своё аллюзивное полушарие человек скорее и правильнее “въедет” в окружающую его Систему. Отсюда – открытия и свершения “по пьяни”. И нечего им завидовать — лечиться надо...

: от демонстрационно-парадной позы. И желания казаться лучше, чем есть на самом деле.

... конечно, и группа Старшины/Сержанта, и группа Пети-Крота сделали для Никит очень много. Потому что Подземля не заключается в одной топосъёмке.

Новый вход – названный по принесённой табличке “Вход на станцию вниз” – позволил продолжить хождение в Систему после того, как власти ликвидировали вход, созданный ГКС и отмеченный на их топосъёмках.

Первый оборудованный для подземной стоянки грот, названный “Хата” – достаточно вместительный даже для пары групп в пять человек, и миниатюрный гротик “на-двоих” по-соседству – названный Грот Поэзии и откопанный в

глиняной линзе естественного тектонического разлома. Очень уютный и тёплый.

И оборудованный для стоянки грот на краешке тогдашней периферии Системы – Африка.

Увеличенная до почти пяти километров суммарная длина открытых к 1975 году ходов.

А вот в ЖБК и Мокрые Галереи была судьба пробиться не им: это сделала группа из МАДИ под руководством Дим Димыча. И независимо от них – SCO. Что пришли в Никитскую пещеру после закрытия бетоном Съян.

SCO и завели в Никитах первый в подмосковных Системах Журнал учёта вошедших/вышедших, ибо по сравнению с иными известными им Системами в Никитах ощущалась *зримая опасность* –

– да они и в самом деле были подлинной terra incognita подмосковной спелестологии. Сколь притягивающими, завораживающими своими скрытыми за завалами, перелазами, шкуродёрами и чёрными конусами просторами — столь и...

: Здесь каждый побывавший в Никитах (желательно – в те отважно-первопроходческие годы) и по понятным причинам более не возвращавшийся в них может написать то, что думает.

А вот мне — нравится.

Как нравилась Никитская Система ходившему в неё в начале семидесятых известному барду Владимиру Бережкову, – о чём в его творчестве до сих пор напоминает песня о Мышонке Авакумчике, – и многим другим замечательным творческим людям: поэтам, музыкантам, художникам, писателям и учёным. Как уже состоявшимся на то время – так и будущим.

: Никиты вообще как-то удивительно-точно отбирали людей не просто с высоким IQ, но не обделённых творческими способностями при этом.

Ибо “иные там не задерживались” –

ИНТЕРМЕДИЯ

“Лучше гор могут быть только норы!..”

... Ошалевшие от двухнедельного созерцания ‘чердачных’ пещер и полууловимых не тренированным взглядом свечений “серебристых облаков”, спускаемся с гор.

Ангарский перевал, долгое безуспешное “голосование” на оном проходящем междугородним троллейбусам, внешне так похожим на московские трамваи (само по себе существование *междугородних троллейбусов, тем более в горных краях* мне представляется значительным артефактом), – и что

самое обидное, хоть на перевале официально заявлена остановка и машины идут полупустые – ни одна не изволит притормозить. Сволочи.

– Меняем тактику: прячемся в кустах со своими шмотниками, оставляя под козырьком остановки девченок. Первый же троллейбус доверчиво тормозится.

– УР-РАА!!!!!!

: нечто, напоминающее абордаж. Или взятие замка феодала толпой доведённых до последней крайности крестьян. ‘Жакерия-75’.

— В троллейбусе Вовка Цыганов, предчувствуя возвращение в лоно цивилизации, начинает приводить себя в порядок: ножом весьма приличных размеров счищает подсохшую на джинсах глиняную корку⁸⁹.

: Облако пыли расплзается по троллейбусу... Этакая месть цивильному виду транспорта.

Едем не в ‘Симфи’ – откуда нам через пяток дней возвращаться в Москву, – а в противоположную сторону: к морю. Искупаться, не смотря на время года, вкусить знаменитых алуштинских чебуреков “с бульоном за пять копеек”, –

: далее мнения разделяются. Ненасытившиеся пещерами (типа Цыганова) отправятся в район Ай-Петри, в безумно красивую и интересную в плане покорения Скульскую пещеру < это их про-

---

⁸⁹ Такой приветливый, тихий и вежливый мальчик, – в Москве, на занятиях нашего сборища вундеркиндов. Одна из гордостей нашего кружка – наравне с Сашей Мереминским; обоим пророчествовали нобелевское “астрономическое будущее”... [Увы: Саша нынче в Израилевке; с Володей встречаюсь-вижусь раз в несколько лет. Ни слова не говоря о былых астрономических увлечениях. Почему – поведаю позже.] Так вот, за образом такого классического паймальчика скрывалось *такое*... Блестящий токарь-самоучка, – папа его раз в год проводил “домашнюю демититаризацию”: топил в прудовой проруби всё изготовленное Вовой в домашних условиях оружие – как холодное, так и огнестрельное; когда же Вова попал в козыряющие спелеохимвойной Силикаты — тамошние ветераны *просто вздрогнули в ужасе*. До сих пор многие из нашей “спелеоастрономической группы” вспоминают замечательную историю, как Вова в домашних условиях вздумал освоить производство “слезогонки” – бромацетона. Естественно, готовясь к посещению Силикат. Процесс какое-то время “не шёл” (дело происходило зимой, в ванной комнате; форточки в квартире были закрыты, родители – на работе). И Вова поочередно добавлял в тазик то один ингредиент, то другой. Потом процесс неожиданно “пошёл”. И благодаря дозе намешанного — сразу в промышленных количествах.

: Ошалевший Вова распахнул головой дверь из ванной комнаты, затем выскочил на лестничную клетку – глотнуть двадцатиоднопроцентного кислорода, –

– Дверь захлопнулась.

... Когда с работы вернулись родители, процесс “ещё шёл”. На астрономических занятиях ближайшие две недели Вова присутствовал стоя.

грамма-минимум. Ибо дыр там хватает, но *Неуловимое Время...* >,- остальные (типа меня) будут поджидать их внизу. В Алуште, у неких знакомых Попова – ведущих не только спелеологическую, но и астрономическую преподавательскую деятельность среди наших крымских ровесников. А потому подразумевается достаточно интересное общение. Что ж: “каждому свой досуг”, в соответствии с девизом SCO.

Нисколько не завидую тем, кто устремляется на покорение Скельской. Ибо, вкусив ‘чердаковских’ дыр, понял: для меня Мир Подземли не заключается в количестве пещер. Увиденных, осмотренных, пройденных или открытых, – без разницы.

Как и не в “прохождении их на время” — в любой полости, где оказался, – будь то даже совсем незначительный “карман” или “пупок”, хочется быть сколь угодно долго. Досконально осмотреть и почувствовать всё; вдоволь налюбоваться каждым увиденным кристалликом или натёком, сколом плиты, отслоившейся от нагруженной стенки “абляционкой” – темнотой уходящего вдаль хода, тишиной сводов и звонким шорохом капли... И всё время отчего-то хочется не иного-нового — а вернуться туда, где уже был. Снова и снова.

В Москве говорю об этом с Сашей Морозовым – когда почти случайно пересекаюсь с ним на каком-то спелеотуристическом вечере – и Саша отвечает мне, что относится к миру пещер точно так же. И что только такое восприятие Подземли полагает за истинное. Прочее – или от некоего беспокойства, граничащего с неустроенностью-неопределённостью “в поисках своей пещеры”, или от душевной убогости. Когда пещера – разновидность спортивного снаряда.⁹⁰

Спрашиваю, не стоит-ли мне “переписаться” из астрономической секции Дворца в располагающуюся в том же корпусе спелеотуристическую.

– Зачем? Ты ведь и так ходишь в пещеры с SCO, – отвечает Саша. – Вполне достойные люди. И к пещерам относятся правильно. Что же до “разрядов” и справок – всё это фигня. Бирюльки. Как и специальные спортивные занятия. Ни разу под землёй не чувствовал себя хуже чем те, кто полгода перед выездом специально лазают по прожекторным вышкам и висит на турниках. Коль ты любишь Её – Она тебе откроет и покажет в сто раз больше, чем накачанные мускулы. И поможет там, где все эти спортсмены просто сдохнут. Так что не заморачивайся...

---

⁹⁰ Сравните теперь декларированное выше неторопливое, лишённое суеты восприятие пещеры с тем, что предлагает их посетителям так называемый “официальный спелеотуризм”: секундомерно-предопределённый неким “расчётом” экскурсионный гон по проложенным дорожкам-мостикам с театральной подсветкой раскрашенных натёков и сталактитов, под неумный трал экскурсовода — “шаг влево, шаг вправо – побег, попытка отстать от группы с целью налюбоваться в тишине понравившимся местом – провокация”... ‘Почувствовали задницу’?.. Повторюсь: высшая цель официальной советской спелеологии — превратить пещеры в разновидность такого экскурсионного метрорелиза — внутренне не может иметь ничего общего с подлинной спелеологией.

: Такой был разговор. После прочитал одну из заполненных им анкет⁹¹, – говорил на похоронах с теми, кто работал с ним под землёй в последние годы, – узнал: Сашу считают основателем так называемой “тихой спелеологии”. То есть спелеологии спелеонавтической, или, что гораздо вернее – спелестологической. В которой Главным при посещении пещеры полагается пребывание и работа в ней, – да, конечно, связанная и с максимально возможным прохождением полости, с поисками её продолжений — но никак не спортивное: навесился – спустился – уткнулся в непроходимый завал – поднялся.

В 1981 году Саша с товарищами поставил беспрецедентный в мире эксперимент по трёхмесячному изолированному пребыванию на глубине около 900 метров – в любимой своей пещере Снежной.

: Потому что кратких недельных выездов-экспедиций в неё – раз в год – ему было мало.

: Как позже стало мало мне и моим друзьям воскресных походов в полюбившиеся на всю жизнь Никиты.

Конечно, каждый, кто отдал дань спелеонавтическим пребываниям, шёл к ним самостоятельно; в этом повествовании я веду речь лишь о себе и своих ближайших друзьях: тех, кто разделял со мной Мир Подземли в разные годы.

: Мы пришли к длительным пребываниям от спелестологии. Что, по сути, эти пребывания и означает.

Кто-то — от жажды и веры в Подземное Чудо.

Иные – от науки.

Но главная внутренняя мотивация у всех была одна: после каждого пребывания в любимой пещере не хотелось из неё возвращаться в город. А хотелось — ОСТАТЬСЯ.

И потому я не завидую Цыганову, в поисках новых подземных ощущений штурмующему в данный ‘момент’ отроги Ай-Петри.

— Траверсируем втроём набережную Алушты: я, Гена Дольников и Петя Адашкин. Море обрушивается в парапет (в голове строка из Ланцберга), вода холодновата – но душу мы отвели “по полной программе”: вплоть до посещения замечательно-немыслимой в Москве чебуречной. В результате чего денег в обрез; продуктов попросту нет – отданы тем, кто ушёл со старшими нашими товарищами в горы. Им нужнее; такое положение дел нам представляется вполне очевидным.

: Шествуем к месту встречи с Володей Поповым, разыскивающим в городе своих друзей – тех, у которых планируется поужинать и “вписаться” на ночлег. И обменяться кое-какой астрономической информацией – в основном той, что как бы “не очень приветствуется” официально дозволенной наукой. В частности, я должен сделать обзор-изложение дэникеновских книг «Воспоминания о Будущем» и «Назад, к Звёздам»: мне в Москве просто сказочно повезло, отец моего одноклассника, корреспондент ‘Литературной клозеты’ в Париже (и

⁹¹ Сборник “Спелеология в России”, выпуск №1, 1998 г., стр. 139, – убедился: с годами мнение Саши не изменилось.

одновременно полковник КГБ) одолжил на неделю почитать сверхскандально-известные произведения,— крымские же ребята, естественно, ничего, кроме рекламно-люфтганзовского фильма, не видели. Впрочем, и то — под сильным сомнением. Ибо даже в Москве фильм шёл лишь в одном-единственном кинотеатре с характерным названием “Горизонт”,— с просто-таки *фантастическим ломом*,— после двухнедельного показа был снят, положен на полку — и совковая пресса пошла изрыгать помои...⁹²

— “От голода слегка сосёт внутри”,— конечно, вечером положение исправится, но до вечера приходится терпеть. Сзади уж какое-то время следует пара ментов — время около полудня, и *время совка*,— а тут компания школьников вместо уроков свободно разгуливает по городу... Но мы не оборачиваемся назад.

Петя суёт руку в карман, некоторое время безуспешно шарит там — после чего мрачно и громко объявляет:

— Явка накрылась.

Имея в виду — сигареты. И только.

: Менты подлетают к нам и заламывают руки. За контрабандистов, “шпиёнов”, или просто “сбежавших в Крым отроков” они нас приняли?

: загадка.

— Отмазались вагошными справочками.

Идём дальше. Предлагаю завернуть в булочную,— уж очень вкусно пахнет оттуда. «Не поесть, так понюхать» — как Козлик у Носова в “Незнайке на Луне”.

— Глупо,— возражает Разумный Дольников,— денег всего десять копеек. На пару чашек бульона. А хлеб тринадцать стоит.

— Там и по двадцать есть,— говорю я,— такой кругленький, с гребешком. Который самый вкусный.

— И что?

— Так вот, этот гребешок легко отломать. И незаметно схавать. Главное, не увлекаться — а то засекут.

: Направляемся в булочную. По дороге рождается план — Петька берёт в открытую батон; Гена незаметно делает тоже самое. Шхеря свой под курткой. Затем они с предъявленным батоном идут к кассе, где Петька долго скребёт по карманам. После чего, продемонстрировав явную потерю денег, со вздохом оставляет батон. Переключая, естественно, всё внимание кассиров-контролёров на себя.

— А ты чем будешь заниматься?

⁹² НЕ БЫЛО тогда разрешено заниматься “поисками следов гостей из космоса”, “летающими тарелками”, “нейтронными звёздами”, “чёрными дырами”, “внеземными цивилизациями” и разными космическими “артефактами” — «объект в восточном полушарии не наблюдается»,— едко шутили мы в те запретные годы. Понимали наш чёрный юмор немногие, что знали: *Земля-таки вертится*. < Про экстрасенсорику — умолчу: слова такого тогда вообще не было. >

– Тем же самым.

И занимаюсь. Только стоя в очереди, вижу на полу 20 копеек. В соответствии с находкой, возвращаюсь к лотку, беру кругляш *ароматного и тёплого хлеба* – из не надломанных перед тем нами – и успеваю к кассе как раз в момент трагических препианий Петьки и Гены, кто же из них посеял “последний, блинн, рубль”. Обрывая скандал, хлопаю своим караваем о край кассы и отдаю кассирше найденный двугривенный.

: Ребята глядят на меня с изумлением.

Я на них – с нескрываемым торжеством.

– Где взял???

: Все знаем, что десять копеек были последние. Одни на всех. Общие.

< Столь вкусны алуштинские чебуреки... >

– Купил.

И вынимаю из-за пазухи ещё один каравай.

: Две чашки горячего бульона, между прочим, прекрасно делятся на троих. Никогда в жизни не ел ничего вкуснее.

– Затем возвращение в Москву: жизни без походов мы уже к тому времени не представляем, – зимой двухдневные лыжные, летом “пешки” и поездки в показавшиеся мне просто неинтересными “тучково-санаторные дыры”⁹³; осенью – слёты самодеятельной песни.

В безусловно известные мне Силикаты не рвёмся из-за царящих там волоков, – один Цыганов из нашей команды периодически навещает их с целью “дать воистину прикурить” местным героям подземной войны; Сьяны, о которых “старшие скоты” нам рассказывают историю за историей и легенду за легендой, уже год, как надёжно запечатаны ‘домодедовским дурдомом’ – вскрыть их просто не приходит никому в голову: за кажущейся невозможностью. Отправиться в Кисели не представляется возможным по подобной причине — до того просторный “полноростный” вход в Систему завален по указанию домодедовских властей несколькими машинами бутового камня. Со входом, расположенным на дне воронки, это, увы, было легко сделать. [В Киселях было два входа: Центральный на дне просторной воронки у берега р. Пахры и Школьный – ниже по течению, в овраге. По сообщению Пети-Крота, оба входа в Кисели не только завалили бутом, но и залили бетоном. Однако вскоре Змей Горыныч вскрыл Центральный вход, после чего написал на стене первого грота карбидкой «Мафия бессмертна!!!». Через некоторое время власти снова завалили вход; окончательно Кисели были вскрыты в 1978 году Старшиной и Сержантом.]

⁹³ Небольшие естественные и искусственные системки в районе железнодорожных станций белорусского направления Санаторное, Полушкино и Тучково. Самые известные из них – почти километровая каменоломня Партизанская (работы велись до середины XX века; сохранились не только стройные ряды крепей, но и рельсы) и знаменитая Полушкинская Щель – тектоника с натёчной корой глубиной в 8 метров.

Посещение Никит (через “зачащенный от власти” Петей-Кротом вход) нам не предлагается по простой и ясной причине: с точки зрения старших товарищей по SCO, мы ещё чайники. А Никиты – самая сложная из известных им “дырок”. И конечно, опасная.

— Перед XVII городским слётом КСП (он назывался “городским”, чтоб не травмировать соображение дуры-власти – но гостей на нём со всего Союза было... Как и Авторов. И столь отвязно-весёлых программ-приветствий: «А в толпе какой-то бес перепутал ненароком КСП с КПСС...», – *КВН и рядом не находился*), – на последнем занятии перед поездкой на этот замечательный Праздник Песни перед нами выступает официально-строгая завуч Астрономического отделения Дворца Нина Владимировна. С металлической интонацией вещая, что «если кого-то увидят на этом *сборище антисоветчиков* – про гарантированное поступление в МГУ можете забыть».

: Мы ведь просто не должны были сдавать приёмных экзаменов. Зачем? Каждый уже начал писать свой диплом, – максимум, что нас ожидало – собеседование. И сочинение ‘на невольную тему’. Что казалось сущей фигнёй.

– Подумали: ну *кто* сможет нас заложить??? Тем более, что слёт — официальный. С какого такого ‘лозгунга’ нам на него нельзя?..

И пошли.

: Всей своей вундер-командой, как “стажёры SCO”. Стояли с ними общим лагерем, –

: *КГБ тогда вовсю раскручивал “дело астронома Любарского”. Взяли его при перевозке из Москвы в Питер некого “самиздата”; Владимир Георгиевич проходил по этому “делу” свидетелем. Как и многие наши знакомые из SCO. Думаете, если б мы знали об этом — отказались от поездки?..*

: *ФИГУ. Совок сидел у каждого в печёнках, и как можно перед ним струсить, сдрейфить – просто не понимали. Ещё. А потому НЕ МОГЛИ НЕ ПОЙТИ.*

И все дела.

... Володю – единственного из всех – отпустили. Лишив права работать с детьми. Остальные получили разные сроки; в принципе, КГБ очень любил иной раз “выпустить” человека, что не раскололся и не наговорил с три короба на себя и друзей. Читайте Буковского, – впрочем, через несколько лет со мной провернули подобный фокус. Цель коего — бросить на человека **чёрную тень** – раз сломить иным образом не удалось. И потому я очень хорошо понимаю, каково было Владимиру Георгиевичу Попову в те сучьи дни.

Как, в общем, и другому руководителю нашего замечательного кружка – Наталье Константиновне Клаан. Она не ходила с нами в походы; она “всего лишь” преподавала астрономию. Но как...

: *В её честь мы называли себя “Ку-Клукс-Клаан”, – в походах и экспедициях пели лихой перефраз Саши Мереминского: «... в кружок собрался отщепенцев клан – всё те же мы, нам целый мир чужбина; отечество нам наш “Ку-Клукс-Клаан” ...»*

: Наташа читала нам планетологию и “Мастера и Маргариту”, теорию эволюции звёзд и “Улитку на склоне”; Володя вёл астроклимат⁹⁴, наблюдательную астрономию и туризм. Дополнительные занятия, которые проводились не в городском Дворце – в районном, ‘Фрунзенского разлива’. У метро Белорусская.

— После слёта нам объявили: «ну что, допрыгались?..»

Преподавателей отстранили от работы с нами. «Теперь поступайте на общих основаниях».

Темы дипломов были свёрнуты.

Никто никуда так и не поступил.

– Хотя... Как сказать: ведь я поступил в НИКИТЫ.

ДЕЙСТВИЕ ВХОДА

“Вход – вдох; выход — выдох...”

Заканчивались мои последние зимние школьные каникулы. Только что мы полным составом своей команды встретили Новый год – не “кланом”, но новой моей группой “Союз Маразматиков”, – впрочем, названия тогда ещё не было. До него оставалось несколько дней –

– А было: в SCO полагалось, что каждый, кто ходит в походы, под землю или на слёты с Братством, должен через год хождения организовать-создать свою группу.

: Замечательная установка, нацеленная не на замыкание в себе, но на постоянный рост этого мира, расширение Круга Подобных.

На вытягивание из омота совдеповского мещанства и прозябания всё большего количества людей. Социальный импеданс власти? Пусть. Коль ты внутренне не перевариваешь навязываемый тебе совком образ жизни, коль *Твой Мир* полнее и больше — не обязательно прыгать голой пяткой на шашку и лезть на баррикады. Достаточно просто расширять круг тех, кто, как и ты, не соответствует понятию системы о человеке.

Кто с точки зрения совка – “стругацкий выродок”. И желает “странного”.

⁹⁴ Дисциплина, изучающая прозрачность атмосферы применительно к астрономическим наблюдениям в любом возможном диапазоне электромагнитных волн (от инфранизких до гамма-излучения); в поисках оптимальных мест для строительства высокогорных обсерваторий в составе экспедиций ВАГО мы побывали на Урале, Тянь-Шане, Кавказе, Горном Крыму и в пустынях Средней Азии; в альплагере Джантуган получили необходимое альпинистское образование... К своим семнадцати-шестнадцати годам. Так что, как мы относились к Володе и Наташе – понятно.

— А потому, прохоридив год со “скотами” в составе “2К-Клаана” по подмосковным и прочим “горам и весям”, я создал свою группу. Игорь Зеленков, Алёша Иваненко, Оля Данилина и Вова Брагинский (уже тогда называемый нами Кэпом) учились со мной в одном классе; позже к нам присоединился ещё один мой одноклассник и одновременно партнёр по увлечению астрономией и космоисторией⁹⁵ – живущий в соседнем доме Серёжа Дегтярёв; его никитский ник определился, как La Barbe. Миша Андросов был младше на год и тоже жил неподалёку; о Мише Зуеве уже говорилось.

: Собственно, все мы были с Юго-Запада. С тех самых пустырей. Все в равной степени любили и читали Высоцкого, Джека Лондона, Галича, Юрай Хип, Визбора, Стругацких, Битлз, Брэдбери, Окуджаву, Саймака, < далее по всему списку >,-

Сплотились же мы в команду совершенно неожиданно и даже немного против своей воли: наш класс *обязали* выступить на городских соревнованиях по туристкому ‘многоболью’, включающему ночное ориентирование. (Не в спальниках: за тогдашней нашей “официальной молодостью”.) Разрядка такая пришла – из райкома. Но я в эти выходные собирался на слёт SCO вместе с “2К-Клааном” < даже подумалось в МДП-ключе: это всё специально *подстроено...* >,- тем более, что с детства *на дух не переносил* “туристских соревнований”. Коль турист – ходи в лес, внимай Природе,- чего крутостью меряться?..

А опыт туристический у меня к тому времени был достаточный. Проще было показать на карте страны места, где я ещё не был – чем иные. (Часто против своей детской воли,- спасибо родителям.) Ясное дело, осведомлённые от родителей школьные учителя поставили меня “старшим группы”. Обязанной биться за честь школы (района, города, страны, Вселенной) — вопреки моей воле.

: Как выяснилось, у прочих отобранных из нашего класса отношение к предстоящему было точно такое же. Всех нас на эти “соревнования” тащили силком –

Ну, мы со зла и решили: *уж мы вам покажем...*

: Зеленков, как потомственный сантехник, загрузился портвейном. Иваненко, как сын дипломата – “красненьким”. Брагинский (не однофамилец, но младший сын известного сценариста Эмиля Брагинского) “просто водовкой” (купленной в медицинско-согревательных целях его старшим братом). Я, как сын офицера ГРУ, взял закуску – плитку шоколада.

Остальное предоставили Ольге, как потомственной русской женщине.

И выступили. Со злости заняв первое место со столь сокрушительным отрывом от возможных соперников – жертв ‘официального туристического обрезания’ во всяких кружках и секциях — что судьи...

— *бес с ними.*

---

⁹⁵ Космоистория изучает возможные следы посещения в прошлом нашей планеты “гостями из космоса”.

Естественно, что после этой ночи, проведённой в беге под девизом “быстрее отыграть своё и прикоснуться/припасть к рюкзачным Закромам Родины” мы очень тесно сплотились.

: Ну да – пустыри и коллекторы... Плюс мои горы. Плюс многое, в общем. Что и сложило нас в единую Команду. Включая такое презрение к окружающим на этом “тур-спорт-сейшене”, что мы не могли у них не выиграть с матёрым отрывом —

Наше время было 3 часа 15 минут; следующее за нами – 5 часов 30 минут. Третье место заняла команда с результатом “шесть часов ровно”, – самую последнюю ещё часа четыре искали по лесам после “подведения итогов”. На которое мы не явились потому, что нам все эти соревнования были к тому моменту по глубокому барабану — естественно, первого места в результате нашего демарша справедливые судьи решили не присуждать.

: Остаться “просто одноклассниками” после столь демонстративной победы представлялось невыносимым. По четвергам у нас был УПК⁹⁶ — мы гуляли его, собираясь у меня дома. Осваивали производство домашних коктейлей; рисовали-творили самиздатовскую газету на школьных тетрадных страницах – каждый фигачил, что мог, и на другой день полшколы корчилось в судорогах, когда эти листки “пускались по рядам и классам” (плох был номер, за который не тягали “на ковёр” в учительскую после срыва какого-нибудь НВП⁹⁷), – слушали доставаемые замысловато-извилистыми каналами

---

⁹⁶ “Учебно-производственный комбинат”, где раз в неделю вместо школьных занятий нам давали некие “профессиональные знания” согласно выбранной специальности. Мы с Кэпом овладели там профессией радиомонтажника, Мамонт и Дизель – древнейшей из интеллигентных профессий: сантехникой. Донна Ольга получила вполне дизайнерское образование (рисовала она просто здорово), – Борода, по-моему, так и не понял, на что учился.

⁹⁷ “Начальная военная подготовка”, реальное воплощение ответа на вопрос «хотят-ли русские войны?» — *нелюбимейшая школьная дисциплина* всей нашей команды. Досидеть до конца урока в классе считалось “западло из западлов”; виновник тотального срыва занятия почитался школьным героем недели. Классический пример: на шестой попытке произнести фразу «пуля летит по кажущейся траектории» я выступаю военруком (после шестого вопроса насчёт “стрельбы из-за угла”) в коридор; на седьмой ко мне присоединяется Кэп, на восьмой Зеленков, на девятой Иваненко (по поводу всё того же вопроса), попытки с десятой по четырнадцатую привлекают к нам прочих наших сторонников. В коридоре скучно; внутренние окна класса выходят длинным рядом в коридор — сама по себе приходит дельная мысль поднять настроение оставшимся относительно нас “за стеклом”. Меня поднимают на руки вверх ногами, и я начинаю “прохаживаться по потолку”: взад-вперёд по коридору. Из класса прекрасно видно.

: Срыв занятия. Гол. Но “венец всего” был, когда военрук раз в десятый попытался договорить хрестоматийную фразу о менингите – «менингит очень опасная болезнь, от неё либо умирают, либо сходят с ума; у меня был брат, мы

записи “Deep Purple”, “Uriah Heep”, “Slade”, “Led Zeppelin”, “Exseption” – и, конечно, “самого знаменитого из Битлов” ‘P.Mc.’ — чередуемые не менее сложно добытыми записями домашних концертов Высоцкого, Кима, Окуджавы, Кукина, Галича и Клячкина, – переписывали друг у друга эти музыкальные откровения... Если по какой-то причине мои родители были дома – собирались у Лёши. Или ходили на ВДНХ⁹⁸.

Или в расположенную точно против школы “пивную крепость Ракушка”, один из официантов которой был приятелем старшего брата Кэпа, в то время корреспондента ‘клозеты Труп’⁹⁹ — в силу чего пиво мы пили неразбавленное.

По вечерам дружной компанией выгуливали “собаку Кэпа” (болонку, которая выполняла только одну команду хозяина: “Я КОМУ СКАЗАЛ СТОЯТЬ, СУКА?!!” – причём тут же делала лужу), – Кэп отбрехивался, что собака не его, а его родителей, но сути наших подколов это не меняло.

: По воскресеньям устремлялись в окружающие Юго-Запад леса. Пал снег – встали на лыжи.

Вместе с таким блеском встретили Новый год, что до сих пор вспоминаю его с самой большой душевной радостью. < Кроме момента, когда Иваненко-старший обнаружил в туалетном бачке нашу предновогоднюю записку, вытеснившую потенциально сливаемую воду – чем сократил вдвое запас жидкой составляющей радости. >

С третьего на пятое января ходили в прекрасный лыжный маршрут; после чего встал очевидный вопрос: каникулы заканчивались, и нужно было их завершить как-то немисливо-достойно. Я позвонил Цыганову и поинтересовался, куда направляется он. С тем, чтобы столкнуть две свои команды: новую и старую. То есть – предъявить новую команду критическим очам SCO.

Вовка сказал, что в Никиты. «Дырка сложная, крымским вертикалкам не чета, но если тебе очень хочется...»

И я почувствовал такое волнение... Как бы *это* объяснить? Вот в толпе случайно проходит человек, кидает мимолётный взгляд — и тебя будто пронза-

заболели менингитом, он умер – а я преподаю у вас...» < Долго терялись потом в догадках: чего это все совковые военруки слово-в-слово несут одни и те же глупости? Потом дошло: у них *методички такие*. > Вконец озверевший “дважды майор советского союза” объявляет: кому не нравится моя система преподавания – выйдите из класса.

: Дважды повторять не требовалось. Всем классом встали и дружно вышли. *А уж хрестоматийные фразы типа «дежурные поели, после них остались крошки, сделайте так, чтоб их могло не быть», – «у вас коса распространилась по всей спине, я сам люблю такие волосы, но в другом месте и в другое время...» ПРОСТО ВВЕРГАЛИ НАС В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ИСТЕРИКУ.*

⁹⁸ Ныне ВВЦ.

⁹⁹ Газета “Труд” – если кто не понял. Вообще *произнести без фонемного перифраза* хоть пару совковых названий-терминов подряд считалось в наших тогдашних юго-западных кругах *полное западло*.

ет молния: С ЭТИ ЧЕЛОВЕКОМ У ТЕБЯ ЧТО-ТО БУДЕТ.

– Секунды не колеблясь, тут же перезвонил Лёшке с Игорем и Кэпом. А также Ольге. И прочим нашим, объяснив, куда мы идём.

Затем выдержал бой с родителями, пригрозив сбежать из дома (что я способен на такое, они уже знали). Как и то, что с голоду, по ряду причин, не пропаду.

И восьмого января тысяча девятисот семьдесят шестого года в девять часов утра мы стояли перед входом в Никитскую Систему.

Перед своим будущем.

Пока – лишь половинным составом группы, ибо Кэпа и обоих наших Мишек родители отпустить в поход “в такой холод” отказались. Аргументы, что под землёй всегда плюс, они просто не слышали.

... В следующие пять минут Зеленков разбил двадцатилитровую канистру воды о голову Иваненко (прикрытую фирменным мотоциклетным шлемом) — спустив её во вход по ледяной горке (на улице было -25° C и пластик канистры сильно потерял в прочности, пока мы волокли её по снегу от Родника и после переодевались перед входом).

... В следующие полчаса мы с Игорем и Ольгой проклинали во весь голос неудобные строительные каски (Лёшке в этом отношении было на порядок удобнее, и все сделали из этого свои первые спелеовыводы) и никитские шкурники, – о, *тогда* гораздо более лютые, чем ныне, после проведённой в 1981 году “программы безопасности”, – включившей в себя, кстати, оборудование первых никитских водокапов — чтоб не приходилось таскать воду с поверхности, –

... В следующие сутки не вполне понимали, что происходит:

— Цыганов, как более опытный, ушёл с клановской командой куда-то немисливо далеко, на полный день, – называя это место “Мокрые Галереи”, – мы были предоставлены сами себе и осваивали Систему “с нуля”, от грота Хата, где тогда стояли – ибо тогда это было единственное возможное для стоянки место в Системе, – уходили на полчаса, возвращались, рисовали пройденные ходы на листках бумаги; тут же на другой стороне строчили приходящие в голову перлы, рождая Подземный Садистский Словарь [ПСС¹⁰⁰]; замкнув какое-то кольцо, вначале долго изумлялись, как такое могло получиться, ведь шли явно в другую сторону (причём каждый полагал: не в ту, которую указывают остальные), – рисовали пройденный путь снова, и вновь уходили ползать, одновременно изгаляясь в нападках на то, что люди зовут спелеологией, – замыкали новое колечко...

... возвратясь из одного такого хаджа, обнаружили, что “Клан” вернулся из

---

¹⁰⁰ В те годы аббревиатура ПСС (“полное собрание сочинений”) однозначно связывалась с “марксистско-ленинской философией” – «ПСС В. И. Л.» звучало почти как ругательство. Кстати, один из наших первых “словарных перлов” того выхода – «*Никитская Централка: Полное Содрание Сочленений*»...

своей сверхдальней проходки. Зримо уставшие – но такие довольно-счастливые... Поделились с героями “сверхдальних поползновений” своими чайничьими открытиями (Цыганов похвалил: «орлы!») и стали уточнять названия найденных гротов. Затем ужинали. Взятый Иваненко примус “турист” работал, как перед смертью; звук был столь силён и страшен, что и само это изделие, и его хозяин были прозваны Дизелем. Отныне имя Алёша было забыто. Зеленкова за невероятную сокрушительную способность прозвали Мамонтом ещё на входе. < К вечеру на счету Мамонта, кроме канистры, числились опрокинутый в момент раздачи пищи кан, дважды отправленная в чайный кипяток горячая – до того – свеча, раздавленная пачка “примы”, один растоптанный фонарь и пара разорванных штанов — если перечислять крупные и существенно важные предметы. > Ольгу, за проявленную хозяйственность, стали уважительно называть Донна Ольга. Меня, не вполне заслуженно, окрестили Comandog’ом.

Ужин закончился принятием “зубровки”, купленной Мамонтом и Дизелем в никитском магазине вместо соли, за которой их послала туда Донна Ольга. По дегустации впервые в жизни столь замечательного напитка он был объявлен обязательным для любого нашего следующего подземного похода. (Что они последуют далее – мы уже не сомневались.)

На второй день продолжили изучение Системы, углубившись в неё, как теперь понимаю, сразу метров на сто. В результате чего нашли дивное по своей необузданной красоте место; решив, что не гоже всё время стоять у входа, постановили: *при следующем посещении будем стоять здесь*. Чтоб расширить радиус действия.

: В силу полученной с первого же подземного дня независимости не считали нужным перенимать чьи-то традиции и опыт (кроме тех, к которым безусловно прикалывались),— никитская Традиция того времени гласила, что не фиг в столь сложно-непроходимой Системе тратить время на таскание по шкурникам шмотников – стоять надо у входа и по пещере рассекать налегке; мы с первого же дня решили иначе: идти с вещами на границу освоенного накануне, и двигаться дальше короткими замыкающимися маршрутиками. Ибо проводников у нас было не больше, чем желания заблудиться.

Вернувшись в Хату, обнаружили в гроте страшную дымовуху – привет от ушедшего “Клана”.

Точнее, от Цыганова: определившего “с первого раза”, что таким орлам, как мы, это будет только в забаву.

Не стали его разочаровывать и вновь ушли гулять по Системе. То есть ползать. Освоили ещё с десятков перекрёстков и штреков,— а Система всё уходила и уходила: и дальше, и в разные стороны...

: Впервые в жизни я столкнулся с *таким подземным лабиринтом*. Ни на что это не было похоже: ни на Силикаты, ни на крымские вертикалки и горизонталки, ни на полушкинские “дыры”,—

НИ НА ЧТО. И эта *непохожесть* и *огромность* (вместе с загадочностью непройденного) однозначно говорили: ПОЗНАЙ. ОСТАНЬСЯ.

— Мы возблагодарили друг друга, что сразу решили

идти на три дня.

Когда вернулись в Хату, никакого дыма там уже не было.

Приготовили ужин на фырчащем и плюющемся огнём дизеле (с маленькой буквы против Владельца) и в полной прострации от увиденного легли спать.

: Самое страшное случилось на третий день.

: *Нам пришлось возвращаться домой.*

Когда вылезли из пещеры, было уже темно. Дизель на снегу написал палкой: «ТРИ СТАРЫХ МАРАЗМАТИКА ВПОЛНЕ ДОВОЛЬНЫ Ж.!!!»

: Так пришло название команды. В день рождения Джека Лондона.

И родились наши настоящие Имена.

На платформе в Домодедово какой-то подвыпивший мужичёк заливал нам, что в детстве спускался в Никитах на глубину в 180 метров, и там, на дне пещеры, находится Подземное Никитское Озеро.

Верили, как миссис Хадсон Шерлоку Холмсу, – ибо после увиденного казалось: *в такой пещере всё может быть...*

Шли вечерней тьмой домой от метро — казалось, вокруг по-прежнему каменные стены; над головой – свод.

Окружающий городской пейзаж смахивал на морок.

... На другой день жуткая ломка посетила нас “сразу по двум направлениям” – тело болело и ныло, будто пропущенное через мясокрутку, – одновременно со столь страшной силой *так хотелось вернуться туда* —

– что не представлялось возможным дожить до ближайшей субботы.

: Естественно, тут же – на первом уроке – начали сводить в отдельную тетрадку наши подземные приключения и приколы; рукопись шла по рядам, каждый дописывал и дорисовывал своё – кто прекрасно рисовал, клепал ‘каррикаДуры’ – Кэп, к своему сожалению не отправившийся с нами, карандашом владел не хуже Дизеля; замечательно владела не только карандашом, но и кистью Донна Ольга, – мы с Мамонтом преуспели в “словарно-рифмовочном жанре” – впрочем, в язвительности и Дизелю “было не отказать”, – так что Первая Наша Подземная Газета (точнее, журнал) удалась на полную школьную славу.¹⁰¹ В результате чего в следующие выходные спелеосостав группы органично пополнился нашими друзьями Мишей Андросовым и Мишкой Зуевым.

Андросов получил спелеоник Танк не только за изрядные габариты, но потому, что явился на место “забитой Стрелки” в танкистском шлеме; к моему удивлению, габариты не сильно сковывали его никитскую проходимость – хотя потеть ему приходилось изрядно, и через отдельные шкурники он продирался с откровенно танковым скрежетом. Естественно, этот образ не остался незаме-

¹⁰¹ Она до сих пор хранится в тайном музее “Гимназии №1543 на Юго-Западе” – коей впоследствии предстала наша школа.

ченным нами, и в своём подземном творчестве мы с особым кайфом смаковали различные варианты “бронированных комбезов”, “лобовой танковой брони”, а также “башенных” и “безбашенных ударов”. Возможно, не мы первые ввели в лексикон понятие “башня”, как человеческая голова – но к Танку этот образ применяли в полную силу. Он отплачивал нам не менее остроумными находками.

Слава Мишки Зуева на Юго-Западе к тому времени была столь велика, что ни в каких новых именах не нуждалась: *ЗУЕВ* и без того к этому времени звучало так, что учителя вздрагивали и порывались сглотнуть непроизвольно выбегавшую из глаза слезу. Следует сказать, что *хулиганом* Мишка не был; с дворовой шпаной и разными “машущимися” недоумками не имел ничего общего. (Иначе бы не общались.) В чём-то он был сродни Цыганову – тоже мастер на все руки; в первый же свой поход в Никиты он, например, пришёл с самодельным налобником, прекрасно себя зарекомендовавшим; посмотрев, как работает дизелевский примус — немедленно изъял его у Дизеля и через 15 минут вернул в абсолютно рабочем состоянии.

Группа получила официальное наименование “Уэм”. Произведённое от “УМ” – то есть «Союз Маразматиков» по-английски — ибо англицизмами мы тогда, в силу любви к западной музыке и фантастике, болели очень сильно. Отсюда же пошло название нашего “непечатного внутреннего органа” – *маразматка*; отбросив колебания и споры меж “газетой” и “журналом”, так мы впредь называли своё андеграундное, во всех смыслах, *изделие*.

Слава которой, надо сказать, быстро преодолела школьные стены и достигла наших родителей. Потому что вслед за первым, сгинувшим в учительских закромах, номером, в среднем каждый второй выпуск “маразматки” неизбежно изымался у кого-то во время урока — далее следовал вызов родителей в школу. Причём, по-моему, учителя так и не определились, с кем мз наших предков им легче общаться – с сантехником, литератором, грушным разведчиком или дипломатом, – а потому вызывали наших отцов по алфавиту, в порядке очереди. Как говорится – “ничего личного”. После одного из таких вызовов отец сказал:

– А что это за Командор в вашей компании? Ты, Серёжа, держись от него подальше, он просто алкоголик какой-то...

: Невозможно было соблюсти это условие, – как и объяснить отцу, что юмор тем и хорош, что — гипертрофия реальной жизни. На грани клинической патологии. Тем более, карикатурная. [Пили мы, кстати, тогда более чем умеренно – против современных наших сверстников, можно сказать, вообще не пили. Случалась пара бутылок вина на группу на выезде – хорошо; не случилось – и ладно. Бутылка водки могла быть растянута на весь вечер, в котором главным было вовсе не борьба с её содержимым – а наши разговоры и песни. А потому издевались над пьющими и над другом выпившим с особым размахом.]

— *Так одновременно, с рождением нашей весёлой группы, в нас слилось: пребывание под землёй – чем дольше, тем лучше, – медленное, неспешное изучение любимейшей Системы – и Творчество: наша газета-маразматка, –*

: стихи, дразнилки, приколы, издевательские словесные

перефразы — и рисунки-карикатуры. За которыми стояли даже не стеной — плотным неразрывным монолитом *песни бардов, арт-рок и книги.*

Мэйнстрим нашей жизни.

Второй поход в Никиты получился к нашему подлинному огорчению одноклассником — родители заявили, что «десятый класс — выпускной, и нужно поменьше думать о всяких пещерах», — пришлось вставать “с самого ранья” и ехать до Павелецкого вокзала на первом поезде метро, перед которым ещё затариваться необходимым для примуса бензином (сливал Мишка Зуев из бака “волги” дизелевских родителей — опыт такого рода у него уже был, в отличие от самого Дизеля — затариваясь к первому нашему походу, Дизель поглотил столько горючего, что его хватило бы на пару примусных заправок, не меньше). Дабы не проспать, все уговорились звонить друг другу по пробуждении < я принял также дополнительные меры: будильник поместил на дно высокого и узкого кана; туда же опустил микрофон, подключённый к магнитофону в режиме записи — выход магнитофона подал на стоваттный родительский усилитель с полностью введённой громкостью, — кан водрузил в своём изголовье на крайне неустойчивое возвышение из толстенных астрономических монографий. В результате чего, ошалев по звонку будильника, усиленному магнитофонными колонками и каном, ничего не понимая от страшного звона и грохота, вскочил — и получил всей этой конструкцией такой удар по голове, в сравнении с которым никитские плиты казались пуховой подушкой >,-

— по-моему, наш перекрёстный обзвон друг друга в полпятого утра не очень понравился родителям. Вой магнитофонно-будильниковой сирены не понравился соседям этажа на два вверх и столько же вниз. Плюс (примерно на одну жилую секцию) соседям справа и слева.

: Не понимаю, что выиграли наши предки (процесс подготовки к грядущим экзаменам, кстати, тоже) оттого, что мы поднимались в такую рань, а не уехали спокойно накануне. И вернулись — ясное дело — в результате “недообращения с Системой” глубоким вечером, переходящим в истерию родителей. < Кстати, о вреде однодневных наскокочных посещений Мира Подземли — против неспешного нормального общения: в первом выходе мы *прекрасно выспались* за неполных пять часов сна, и в тоже время поняли (ибо ночёвок было две), что под землёй запросто можно проспать хоть восемнадцать часов — ничто не мешает. А уж насколько отдохнувшим во всех смыслах встаёшь после такого сна... Ещё одно важное замечание: после однодневного выхода, в котором, конечно, мы нашли время и для некоторых посиделок ‘вкруг дядюшки примуса’, и для исследовательского ползанья по шкурорёрам, и даже для разбора завала — первой моей случившейся подземной работы *такого рода* — обнаружили по возвращению в город: усталость и ощущение некоего спортивно-физического подвига имела место быть “по полной программе”; кайфа отдохновения и приобщения к неведомо-непостижимому на поверхности Миру *не было ни на грош.* Возможно, именно потому Кэп больше не ходил с нами под землю; во все “верхние” походы и на слёты — да; продолжил он своё неразрывное общение с нами и в городе — не только на уроках, этого нам было мало — ежевечерне мы собирались всей нашей командой у его дома и гуляли-общались

допоздна, не разделяя “Уэм” на ходящих в Никиты – и нет... Но под землю он больше не возвращался. И с большим трудом мне удалось уговорить на следующий подземный выход Мишку.

Так что, сравнив два варианта посещения Подземли, мы выбрали:

: ЯСНО, КАКОЙ. >

– Ну да ладно. Как и запланировали, стояли мы в этом выходе не в Хате, достаточно близкой ко входу в Систему, а в найденном фантастически бесформенном обвальном гроте с клиновидным сводом, подобно храмовому куполу уходящим ввысь.

: Мы его так и назвали – Храм.

Придя, сразу отправились на периметр того, что охватили своими исследованиями в прошлый раз; в гроте оставили Донну Ольгу, специально взявшую с собой краски для рисования по известняку. И Кэпа – не вполне отдохнувшего после суровой протяжки наших рюкзаков по шкуродёрам.

В этой прогулке мы впервые вышли в Четвёртый Подъезд, – на плите под сводом стояла белая эмалированная табличка с соответствующей надписью и номерами квартир.

– кстати, о табличках. Тогдашний вход назывался «ВХОД НА СТАНЦИЮ ВНИЗ» по “совершенно-официальной” табличке, висевшей на здоровенном отслоившемся от свода “чемодане”. Чтобы попасть в Систему, под этим камнем нужно было пролезать по узкому шкуродёру – так что табличка была “более, чем на месте”. Где в официальной совковой жизни могут применяться такие *указующие знаки*, для меня тогда было полной загадкой. Вообще спелеоюмор в отношении привносимых в пещеры разнообразных табличек и дорожных знаков – явление особое: чего стоили такие, например, перлы: «МАРШРУТ №3: СЕРДЕЧНЫЕ, ЯЗВЕННЫЕ БОЛЕЗНИ – 300 МЕТРОВ», – посреди тогдашнего никитского периметра, на грани прохождения спелеологом даже *средних размеров*, – в шкурнике излюбленное «НЕГА-БАРИТНОЕ МЕСТО», в лифте – естественное «ЛИФТ ОСТАНОВЛЕН НА ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЙ РЕМОНТ И БУДЕТ ПУЩЕН СЕГОДНЯ»; в маленьком гротике человека на полтора – «МЕСТ ДЛЯ СИДЕНИЯ 110» (из вагона электрички), – и вершина вершин: «УПРАВЛЕНИЕ КГБ ЖУКОВСКОГО РАЙОНА». Откуда снято – понятно. Известно, кем. Но непонятно: КАК.

— Забавный момент: в Четвёртый Подъезд выходило два параллельных хода-шкурника; *туда* мы проникли через левый и с удивлением по выходу в грот увидели: он оказался правым. Два хода меж глыб циклопника проходили один над другим, в плане напоминая восьмёрку. Это даёт некое представление о топологических неопределённостях Никитской Системы, что могут увести невнимательного чайника “очень далеко”. Да и внимательного – тоже: хотя б оттого, что “правило левой руки” в Никитах НЕ ДЕЙСТВУЕТ. В трёхмерном лабиринте есть только одно правило настоящей ориентации: Чувство Системы вкупе с должным образом тренированной зрительной памятью. Но если ты привыкаешь ходить по пикетам или верёвочкам – память твоя останется на уровне “топографического кретина”. *С первого своего выхода мы не пользовали ни маркеров, ни пикетов, ни, подавно,*

“поганных верёвочек”. Ибо разумно полагали: есть лишь ты – и Она, Система; прочее при общении — как инструктор в постели во время первой брачной ночи (сравнение принадлежит Дизелю). Оттого и ходили так: неспешно, понемногу. По чуть-чуть. Но запоминая при этом и успевая осмотреть – ВСЁ.

В дальнем правом углу Четвёртого Подъезда увидели огромный конус блестящей антрацитом чёрной глины, уходящий в разлом свода. Разлом вокруг выхода глины *выглядел просто жутко* – казалось, по пласту известняка сверху долбанули исполинской кувалдой, будто кайлом по консервной банке — края разрыва зримо прогибались внутрь грота.

Место произвело на нас довольно тягостное впечатление; чем-то необъяснимо страшным веяло оттуда... НЕКОЙ ОПАСНОСТЬЮ. Непредсказуемой, незримой. Тем не менее, мы осторожно обследовали весь грот; за конусом обнаружили явно естественное отверстие, ведущее вниз – столь миниатюрное, что Танк с Мамонтом даже не стали пытаться туда залезть. На стенке трещины были красивые отпечатки неких палеонтологических “дохлостей”; Дизель заполз туда, чтобы разглядеть их – и выронил из кармана зубило. Я рискнул пролезть за ним – был уже опыт крымского втискивания в подобное образование, – как и опыт успешного возвращения обратно ценой определённых усилий, – втиснулся, проскользил на дно по узкому лазу, изгибавшемуся под прямым углом – и *просто обалдел от натёков, что открылись мне там*. На мои вопли протиснулся Мишка Зуев. Больше никто пока не рисковал, и мы с Мишкой вдвоём в изумлении водили лучами своих фонарей (Мишка снял с головы налобник и для более удобного обзора держал его в руке, как фонарь) по натёчным стенам. И окаменелым отпечаткам ракушек, сверкающих кристаллами кварца.

: Я уже знал от Цыганова, что в Никитах есть некие сталактиты, “но хуже крымских” и кристаллические друзья “примерно такого же качества”. Как и знал из его рассказов, что «в Никитах не одни шкурники – *есть слева очень далеко некая система ЖБК с просто-таки огромными штреками, и уходящие дальше за неё Мокрые Галереи с “обводнённой”, называемой Никитским озером*», –

— решил: коль оно так, когда-нибудь доберусь самостоятельно. Без утирающих сопельки “проводящих”.

Но одно дело – рассказы. Которые можно было счесть и за трёп. И совсем иное — увидеть самому.

В общем, мы с Зуевым были просто поражены. Может, более тем, что не ожидали увидеть *такое* в каменоломне – “творении рук человеческих”...

Из шкурника вылезли, весьма и весьма обалдевшие. Всё было написано на наших лицах. «УРХХХ!!!» – проревел Мамонт и устремился с Танком и Дизелем в соседние проходы: пройти к нашей находке с другой стороны. Ибо из обнаруженного внизу гротика дальше уходило несколько вполне проходимых щелей.

Но ближайший лаз, что был слева от нашей находки, затыкался обвалом; более левые вообще отворачивали в сторону.

Вернулись в Храм на “обедавтрак”, к ожидавшим нас Кэпу и Донне Оль-

ге — и в изумлении увидели созданную на единственной ровной стене грота Картину: мамонт, нарисованный один-к-одному, как его рисовали кроманьонцы.

: Это уже были не наши наивные карикатуры друг на друга. Это было Искусство. Настоящее, подземное. Мамонт пожелал сфотографироваться рядом — но фото никто из нас не взял: ни у кого тогда в нашей компании ещё не было фотовспышек.

Зато гитару в этот поход мы взяли. И с тех пор брали каждый раз.

Пока на примусе варился обед, расчехлили инструмент и всю отделились Кукину, Дулову и Визбору. После обеда, глянув на часы, решили: возвращаться в любом случае рано. (И не больно-то хотелось.)

А потому вернулись в Четвёртый Подъезд. Через замечательно-обманную Восьмёрку. И принялись разбирать завал, преграждавший слева другой путь к Залу Матери — ибо первое, что я сказал, вывалившись туда из щели, было то самое трёхэтажное выражение. От восторга. “Залом” же я окрестил этот грот за его миниатюрные размеры: мы едва умещались там с Мишкой, притом свернувшись в три погибели.

— Кстати, полагаю миниатюрность многих по-настоящему красивых никитских гротов плюсом, а не минусом: узкими, сложными ходами и карликовостью открывающихся красот *Никиты просто отсекают безумные толпы матрасников, “менее, чем вдесятером” под землю не сующихся.*

: Никиты позволяют лишь тет-на-тетное собой любованье. Компания более трёх человек по время проходки — гуляния по Системе — кошмар.

Группа в гроте более шести человек — катастрофа.

: Может быть, именно это свойство Никит выкристаллизовывало из нашего поколения лидеров-одиночек, оставляя нас всех в Никитском Кругу на равном удалении/приближении друг к другу — и безжалостно отсеивая серую толпящую массу. Заполнявшую собой иные пещеры.

И ёмкости.

— *Первый в жизни разбор завала...* Неприятный ‘момент’: раскапываю сапёрной лопаткой песчано-сыпучий пол под плитой, углубляя открывающийся проход — песок сыплется со стенок хода, — плита садится на меня. Начинает ползти: плавно-медленно...

Быстро команду: два кайла справа и слева от меня ручками вверх — под камень.

Ставит Мишка.

Плита останавливается. Это очень важный момент: не дать успеть ей разогнаться, набрать инерцию.

В общем-то — разогнаться и не могла. Вполне мог успеть выскользнуть “задним ходом”, отдав более краткую команду — но тогда не пройти вперёд.

— Складываем бут. Подперев камнями плиту справа и слева.

Вытаскиваем ещё какую-то мелочь, и выходим в просто огромный зал. За

ним – ещё один. По внешнему виду чем-то напоминают античную архитектуру. Называем их Римским и Греческим – не вполне серьёзно, ибо райкинское «В греческом зале, в греческом зале... Ах, Аполлон, ах Аполлон» звучит в голове.

Ход влево – из которого навстречу вылетают две летучих мышки. Зима, а они не спят. Почему?..

: Очередная Загадка.

Нарекаем штрек Галереей Летучих Мышей.

Направо – узкая щель. Проходит в сторону Зала Матери. Протискиваюсь; Донна Ольга лезет за мной. Предупреждаю, что “остальные там просто не вместятся”. Залезаем, любуемся.

Затем пробуем вылезти обратно. Я проскакиваю; Ольга застревает. Что делать?

: Вновь лезу к ней. Предлагаю раздеться, ибо свитеров на Ольге не менее двух. Плюс неудобнейшая для посещения подземли “шторма”.

В качестве примера приходится раздеваться самому. Шмотку снимаю я, шмотку она. Стриптиз. Игра на раздевание по-спелестологически.

— Вылезаем. Одеваемся вновь (шмотки пропихивали вперёд себя к ребятам).

Кэп прикидывает, сколько жирка аналогичным образом придётся сострогать с Танка и Мамонта – чтоб и они прикоснулись “к настоящей спелеологии”. Несмотря на то, что интима в нашем “парном раздевании” с Ольгой не было ни на гран, всю обсуждается эта тема. Дизель рассуждает о преимуществах и недостатках пещерного интима против зимнелыжного. А также водолазного, альпинистского и городского квартирного – в момент несвоевременного прихода родителей.

Развивается очередная “маразматическая тема” – «ИНТИМ ВСЕМУ!!!»

< *Интим бывает: в лесу, в пещере, в спальнике – и просто в темноте, –*

Интим бывает в парке: на скамейке, под скамейкой, со скамейкой, –

.....>

Пока Дизель философствует, Мамонт и Танк вдвоём отваливают без всякого лома верхнюю плиту, что заставила раздеться нас с Ольгой. Центнера на полтора – два. “Ну, три”.

Зуев в это время осматривает соседние ходы и щели.

Кэп соревнуется в ‘зубоскальдстве’ с Дизелем.

: *Интели ленивые...*

Мы с Ольгой периодически светим в разные щели Мишке: видит он наш свет или нет?..

Неожиданно кто-то смотрит на часы.

: ЛЁГКИЙ ШОК, ПЕРЕХОДЯЩИЙ В ТЯЖЁЛУЮ ОТОРОПЬ.

Тем не менее, Мамонт и Танк успевают по одному разу “любольтнуться” ‘Задом Матери’.

— И летим на выход: «срочно, немедленно, – бегом!!!»

На поверхности какое-то время напрасно ждём автобуса.

Играем в эксклюзивную помесь хоккея и футбола – консервной банкой на

льду автобусного плаца, чтоб не замёрзнуть. “Американка” с одними воротами: остановкой.

Разогнавшись на льду, Мамонт не может остановиться – Дизель, спасая свою жизнь, малодушно покидает ворота. Гол, сопровождаемый колокольным гулом удара Мамонта головой в воротную стойку. Стойка гнётся. Кэп предлагает Зуеву заняться её ремонтом; Мишка осматривает повреждение и констатирует, что “её проще выдернуть и выкинуть”.

: Автобуса нет. Потом в очередном выпуске Словаря мы напишем: «Никитский автобус – бред, маразм, галлюцинации»; “Бег за красными огоньками автобуса” прочно войдёт в никитские ритуальные виды спорта...

— Конечно, *так* – и много подробнее – я мог бы описать каждый наш выход в Никиты. Все они равно дороги мне, и все равно-ценны — ибо в каждом было Открытие Нового и замечательные приколы; иные выходы были чудесны совпавшими с ними праздниками и знакомствами с другими группами, оказавшимися тогда под землёй: после закрытия Сьян “сяновский народ” из тех, что не мыслили себе жизни вне Подземли, рассредоточился по разным пещерам – SCO, например, частично перебралось в Никиты, как в наиболее сложную и интересную подмосковную “дырку”, – кто-то перебазировался в Кисели и Силикаты, кто-то осваивал новые спелеорайоны, вскрывая неизвестные до того пещеры-каменоломни... На выходе “МЖД8М’76¹⁰²” мы знакомимся с группой Пети-Крота; к этому времени мы уже неплохо знаем Левую систему Никит, с которой начали её изучение и имеем более-менее оборудованный грот в её центре – Дворец¹⁰³, лежащий от входа в Систему в два раза дальше, чем Храм; наши газеты-маразматки пользуются популярностью на этих случайно-совместных выходах – равно как и первые песенные перефразы, –

– кстати. Часто бывало так: в разгар какого-то спелеозастолья, сопровождающегося шумно-весёлым трёпом, некто искажает “под подземлю” известную песенную строку; другой подхватывает, –

– и рождается Совместный Шедевр. Хорошо, коль приходит в голову его записать — тогда остаются строки, расходящиеся потом по кострам и песенникам... Типа коллективно-бессознательных «ЛУЧШЕ ГОР МОГУТ БЫТЬ ТОЛЬКО НОРЫ – ТЕ, В КОТОРЫХ УЖЕ ПОБЫВАЛ!» или «А МЫ ПОД ЗЕМЛЮ – СКВОЗЬ КАНАЛИЗАЦИЮ, А МЫ В НИКИТЫ – СКВОЗЬ ВОДОПРОВОД!..»¹⁰⁴

: **Остаётся Память.** Жаль, когда такие строки теряются.

¹⁰² Международный Женский день Восьмого Марта. Самый “пьяный” совковый праздник...

¹⁰³ Названный, естественно, в честь любимого Дворца на Воробьёвых горах, – точнее, в честь его астрономического отделения.

¹⁰⁴ Моего авторства в “Канализации” две строфы; ещё одна – Дизеля. Кто написал остальные, не помню.

*В принципе, я достаточно много писал об ушедших годах нашей спелеожизни в повестях “Годы Драконов”, “Белый Камень – Чёрная Ночь” и “Где дольше Света длится Тьма”. Писал не буквально, но сквозь призму ассоциаций и аллюзий. Через жизнь вымышленных персонажей описывал жизнь моих друзей. Наши истории, эпизоды, потери и свершения. Через образ “виртуальной пещеры”, названной Ильи в честь Виталика Марченко, пытался показать реальные подмосковные каменоломни – и поведать о Событиях, в них происходивших. Имена участников которых просто нельзя было назвать по столь многим причинам... Ну, хотя бы по такой: человек с годами меняется, становится иным; нужно-ли напоминать, скажем, некому современному директору известнейшего банка о том, как его жена бегала с нами по фестивалям и каменоломням, – бегала легко-вольно... И пусть напоминание это – не худое; но ведь и за доброй памятью о когда-то счастливом для иного — боль. Ибо **после** всё было не так, всё – иначе:*

— Печальны бывают внезапные ночные звонки моих друзей того времени, – голос, по которому слышно, сколько в нём алкоголя, не взирая на время суток начинает причитать-плакаться: а помнишь... эх, как славно было, – пытается забить некую стрелку, чтоб “как прежде оторваться в Никитах” (варианты: Съянах, Старице) — о которой, как правило, не помнит на утро. Или за суетой дел. Чтобы вновь – полгода или год спустя – напившись со своими воспоминаниями, позвонить среди ночи. Тоскуя-воя от ностальгии...

А ещё — через наш Подземный Мир, – что был, по сути, Планетой в планете, прошли тысячи людей. Говорить о каждом, с массой сносок-комментариев, – куда, мол, потом делся, как пришёл и что значил для прочих = бессмысленно распылять и загромождать сюжет.

: Если хочешь передать ощущение пустыни, ни к чему описывать каждую её песчинку.

В ТОЙ своей прозе мне хотелось сказать о Главном.

В ЭТОЙ — вернуть давним друзьям (и реальности, в которой мы жили) свой долг описателя.

Потому что НАШЕ ПОКОЛЕНИЕ УХОДИТ. Не вправе как огорчаться, так радоваться тем, кто приходит на смену — не мне судить. Ведь и мы не оправдали чьих-то надежд, кому-то казались “плохими” и “кривыми” (хотя бы своей любовью к музыке, оставшейся так и не понятой “поколением туристической песни”); возможно, для романтиков телогрейки и соломенного тюфячка мы выглядели этакими анорастенько-капроновыми пижонами...

: Мы знаем, что это было не так. И своих свершений – хватило. Просто уровень их лежал в той плоскости, что предидущим была абсолютно невидимой.

А потому нам сейчас бессмысленно тужиться, направляя приходящих на смену и натаскивая их на продолжение своих спелеоподвигов.

: Нет учителей, есть ученики. И времена меняются.

Возвращая свой долг нашему времени, я говорю о том, что было в Мире Подземли моим личным её пониманием.

Это не обобщающий труд, не теоретизирование, – как не реестр достижений спелестологии “за истекший период”, –

Это — абсолютно личное повествование. И если по ходу я говорю о вещах достаточно общих – значит, жил так, что они меня касались лично. Если начинаю полемизировать с кем-то или впадаю в ворчливые интонации – значит, испытываю понятную личную обиду, когда *некто современный* начинает трендить о том нашем времени — безжалостно перевирая имена, события, даты...

: из каких-то своих соображений, или из простого непонимания и незнания наших тогдашних реалий – нет разницы.

Например, о длине Никитской Системы: на 1979 год по съёмке группы “SF” она равнялась 4,7 км.

: Мы тогда полагали её в два раза больше – потому как не приходили в Никиты на отдельные выходные раз в полгода (“с блеском оттопосъёмиться и поскорее обратно в город”), но постоянно пребывали в ней. Лишь возвращаясь на поверхность для неизбежной работы или учёбы. И конечно, исповедуя постоянное вращение в любимую Систему, видели и знали много больше случайно-залётных посетителей.

Пусть и оснащённых неведомым нам чувством собственной значимости.

Ещё пример: в “Ежегоднике РОСИ” сказано, что Старшина и Сержант вскрывали Синеглазку в 1977 году. Это не так, ибо в 1976 мы уже видели в привходовой её части их имена. Как и в Лисьей Системе.

: Нормальному человеку, как правило, хватало одной попытки вскрытия Синеглазки, чтоб убедиться в бессмысленности данного спелеоподвига. Старшина и Сержант – достойные спелестологи. Не думаю, чтоб их потянуло на повторение очевидно бесперспективной попытки.

И последняя — но быть может, самая веская причина этих моих строк: некоторые всерьёз полагают, что спелестология – это **исключительно поиск и вскрытие новых подземных дыр с их топосъёмкой**.

— Я так не думаю. Ибо знаю, что топосъёмка, как и поиск физически нового – лишь часть подземного мира. Столь огромного...

: Пусть (порой) достаточно важная часть. Примерно как ноги, что позволяют человеку ходить. Человек без ноги – инвалид. Но даже с хорошими крепкими ногами – и при этом без головы... Или, чтоб не было так обидно – без рук.

: Подземная философия, подземное искусство и сложившиеся спелеумы – происходящие от нашего неразрывного спелестологического бытия – главное, что отличает наше поколение от прошедших. Отношение к Пещере, как к Дому,–

А нескрытых пещер... Их – легион. Было, есть и будет. Хватит на всех: снимать-не-переснимать, вскрывать-не-перевскрывать,–

Тогда как описать, что было со мной и моими друзьями, могу только я. Не оттого, что я в чём-то лучше или крепче держался за Белый Камень своей судьбы, – нет, всего лишь потому, что эта судьба – моя.

И то, что я помню – моя память.

А потому я буду стараться приводить лишь те эпизоды, что в прочих моих вещах были переданы иначе в силу сюжетных коллизий – или легли в основу достаточно вольного изложения. Или не были упомянуты вовсе за ограничивающей сюжетной канвой — но для меня лично и для моих друзей были знаковыми.

И приведу те имена, которые очень хотелось назвать, но рамки выбранного повествования не позволяли это сделать.

К сожалению.

ДЕЙСТВИЕ СОВСЕМ НЕМНОГО МИСТИЧЕСКОЕ

“Когда в мой грот Дзуликая вошла...”

— Вернулся я из армии в самом конце 1978 года. Ровно под Новый год. Для отмечания которого (“как встретишь, так проведёшь”) забрался в любимые Никиты. Ни с кем заранее не договариваясь и не назначая никаких встреч.

: Хотелось одному увидеть то, чем грезил два с половиной года,— заново пережить всё, что было за моё недолгое полугодовое хождение...

: никаких натёков в Зале Матери уже не было. Как были зализаны грязными боками штурмующих “сверхнепроходимый лифт” прекрасно видные когда-то в его стенах отпечатки ракушек и водорослей,—

Но *самое мерзкое* – посреди изображения мамонта, сделанного Донной Ольгой, красовалось любимейшее в нашей стране заборное дацзыбао. Выбитое в стене сантиметровой глубины буквами. Размером с рисунок.

Желание знакомиться с теми, кто это сделал, не возникло ни на секунду. Хотелось – наоборот: **НЕ ИМЕТЬ С ТАКИМИ НИЧЕГО ОБЩЕГО**. Даже состояния войны.

: Взял зубило и кайло, и сколол всё изображение. Вместе с поганой надписью.

К чёртовой матери.

... Бывшие Греческий и Римский зал рухнули, образовав фантастически запутанный лабиринт. От ГЛМ осталась пара гротов и несколько шкуродёров. Что *так положило* эту часть Системы, было загадкой. Возможно, “лёгкое землетрясение 1977 года”, отмеченное сейсмологами в Румынии. < “Возможно” . > Полз по жутким каменным наворотам и плиточному крошеву – там, где три года назад ходили в полный рост, в восторге разглядывая пятиметровые купола с разноцветными прослоями глиняных лент меж доломитизированных известняков и мелоподобных мергелей,—

– полз, не зная: радоваться иль огорчаться случившемуся усложнению Системы. Знал, что где-то слева за всеми этими завалами таится легендарное ЖБК – далее Мокрые Галереи, в которые любил хаживать Володя

Цыганов, открывший мне Никиты — и до которых после этих обвалов стало совсем проблематично добраться.

: Вывалился-выбился в какую-то трещину, уводящую вниз. Насколько, было неясно. Из щели дуло; стенки трещины внизу вроде бы покрывала натёчная кора,— дальний конец не тупиковался, а выходил в некое расширение: чёрную тьму, что не пробил мой садящийся фонарик. Впрочем, мне могло показаться. Слабый свет (бич последних часов любого хождения по Системе тех лет) + воображение, с радостью подменяющее действительность желанным глюком...

Недалеко от трещины заметил надпись на потолке: «ТАНЯ». Запомнил, как ориентир.

: Первого января вернулся в город. В сорокаградусный мороз – зима стояла просто фантастическая, город сдыхал от холода,— по всему северу Москвы отключились ТЭЦ и хлебопекарни; в Бибирево, Медведково и Отрадном народ грелся кострами во дворах...

Начал обзванивать доармейских друзей – из “Клана” застал лишь Цыганова; из своего “Уэма” – Танка, погрузившегося в учёбу (день и ночь зубрил китайский, ибо готовился стать первоклассным специалистом по средневековой китайской культуре). А ещё Кэпа, у которого к Подземле “любви не вышло” и Дизеля. Что подался в “комсомольские инструктора”, дабы избежать армейской повинности. И собирался поступать в школу КГБ – «не против тебя, нет,— плакался он мне по телефону,— ради белых берёз наших... ради России...»

: Известно-патологический рефрен. Я, например, ради “примерно того же самого” и срать рядом с работником КГБ не стану. Но то – я. И армия мне больше не угрожала. Как и поступление в институт, пожелаю я “дополучить” высшее образование. <Чтоб проверить сей тезис, на всякий случай подал документы в МАИ – и через какое-то время получил замечательно ясный ответ. После которого попытки оставил. >

: Но в антрактах меж сессий и лекций Танк всё-таки продолжал навещать Никиты, и чуть позже к нам присоединился Борода – бывший мой одноклассник и коллега по увлечению разной астрономической “запрещённой”. Три человека – Группа.

*Теперь знаю: спелеогруппа может состоять и из одного человека — коль он декларирует некие цели и привлекает к своим идеям иных. Подземля, как было верно замечено В. Мальцевым¹⁰⁵, вообще Мир Одиночек. Впрочем, мысль эта лежит на поверхности. А потому я сказал бы не то, что глубже – но точнее: то, что зовёт тебя под землю, и то, как ты видишь/постигаешь этот мир — дело глубоко внутреннее. **Индивидуальное**. Хотя бы потому, что подлинное Ощущение Пещеры вершится на эзотерическом, подсознательном уровне. Не всегда выражаемом словами. Отсюда пристрастие к “тихой”, неспешной спелеологии у тех, кто подлинно любит Мир Подземли. Равно отказ от шумных подземных компаний и методик **покорения пещер**, основанных на техническом нахрапе, итурме или спортивной крутости под девизом «Я*

¹⁰⁵ “Пещера мечты, пещера судьбы”,– стр. 23 ÷ 27. [“Астрель”, 1997 г.]

СИЛЬНЕЕ, ЧЕМ ПРИРОДА!”.

: *Это всё глупости и враньё, враньё и глупости. Сродни самоудовлетворению.*

Даже Мальцев это понял. Хотя, по свойствам характера, не различал понятия “эгоист” и “индивидуальность”.

: *Мир Подземли – не мир эгоистов. Но Мир Личностей.*

— *А потому наше поколение не могло не прийти к “хождению лидеров-одиночек”: окружаемых неким “илейфом” неофитов или в группах, основанных на паритетном равенстве (типа Никитского Круга) – не столь важно.*

— И случались новые замечательные подземные знакомства. Ещё в кратком армейском отпуске, забравшись почти на всё его время в Никиты, я познакомился с Илюшей Базенковым и его однокурсниками-мифистами¹⁰⁶ Глёбом Семёновым, Андреем Мырой и Витей Журиком. Шестого января мы решили вместе навестить любимую пещеру. Мне хотелось пройти до конца увиденную трещину (и, возможно, подобраться поближе к таинственному ЖБК),— Илья и Глеб против такой цели ничего не имели, но накануне выхода отзвонились мне с извинениями: против зимней сессии – не попрёшь. Мыра и Журик по той же причине могли оторваться от города лишь на день,— у всех были экзамены в институтах. Сражался с экзаменами и Танк – потому на его участие я не рассчитывал. Приходилось идти втроём и менее, чем на сутки. «Тем лучше,— рассудил Мыра,— не будем отвлекаться на всякие обеды-ужины-спальники, и перепаковать шмотки перед входом полчаса не придётся... По такому морозу».

: Мороз стоял, как я уже писал, под сорок градусов. Покупая накануне продукты, подумал: выход объявили серьёзным, рабоче-раскопчным,— никто ведь не подумает взять алкоголь... А по *такой погоде* что ждать неуловимого автобуса, что топать восемь километров пешком до Домодедово –

– и взял. На всю компанию. Аналогичные мысли посетили Журика и Мыру.

В результате чего, когда по прибытии в Хату мы распаковали содержимое рюкзаков, *всем стало дурно*. От одного созерцания...

: *Чтоб не ломать выход пьянством,— тем более, сегодня же возвращаться в город! – полезли в тектонический разлом рядом с Хатой и под завершавшим его гротом Поэзии в отходящей в бок щели заначили излишки спиртного. В количестве трёх бутылок водки и трёх портвейна.*

: *Каждый с метеорологического перепугу взял “на все вкусы и выкусы”.*

О чём сделали запись в Никитском Журнале. [Что, конечно, был уже тогда не канцелярской книгой “прихода/ухода”, но постоянно творимой внутripещерной газетой, и нашим почтовым ящиком – ибо телефонами самая передовая страна мира даже столичных жителей обеспечивала, мягко говоря, не в полной

¹⁰⁶ То есть учащимися в МИФИ – Московском Инженерно-Физическом Институте, готовящем будущих специалистов по ядерной технике страны.

мере.]

— Сделав запись о захоронении алкогольных излишков, отправились изучать Сейсмозону (как назвали рухнувший участок). И впервые столкнулись с её подлым свойством, выражаемом так: *если ты в Сейсмозоне хочешь выйти в какой-то конкретный грот – никогда в него не выйдешь; если в какой-то грот не хочешь попасть – непременно окажешься там.*

: Крутила она просто страшно, – никаким сказочным лешим не снилось такое. До сих пор, кстати, не понимаю: чем обусловлено это её свойство. А также ряд прочих, не менее пакостных: отчего-то она *обязательно должна* при следовании через неё с трансом вскрыть-изувечить прекрасно и противоударно запакованную банку с крупой, соком, или флягу со спиртным, – о банальных стеклянных бутылках и говорить нечего. “Венец этого свойства” был — *раскрывшаяся в спальнике, запакованном в “пенку”, винтовая банка с вареньем.* Надёжно запакованная перед входом, и проверенная “на герметичность” перед движением через Сейсмозону... Не следует ничтоже сумняшеся думать, будто наше “дезориентирование” в Сейсмозоне связано с её кажущейся запутанностью и трёхмерностью составляющих шкуродёров, гротов и крысолозов. Или с какими-то постоянными гравитационными изменениями ландшафта – сиречь, обвалами. НЕТ: гроты в ней не меняются, это вам может подтвердить любой никитянин — как и то, что даже человек, прекрасно знающий всю остальную Никитскую Систему (без малого 20 км ходов сложнейшего топологического лабиринта), *в Сейсмозоне не в состоянии научиться ориентироваться и за 10 лет непрерывного хождения.* Попытки “оттопосъёмить её” **просто не подлежат камералке** – рисовать бесполезно, ни один ход никогда не сойдётся с другим; за все мои годы хождения в Никиты удалось насильно – “при помощи лома и известной матери” – проломить сквозь составляющие её завалы две пересекающихся магистрали, по которым все и ходят. По принципу “шаг вправо, шаг влево – спасы; хлопок в ладоши – погребение”. И в тоже время, стоит тебе *рассредоточиться* – без проблем выходишь в нужное место. Особенно, приняв “энное количество” этанола. Главное, не думать о дороге.

: измочаленные безуспешными поисками, вернулись в близкую ко входу Хату. Так ничего и не найдя – кроме обильных надписей «SF» чуть-ли не на каждой плите и камне в близкой к Четвёртому Подъезду части Сейсмозоны.

«Stones Fuck» – называет эту команду за столь обильное “украшение” стен и сводов Мыра – достаточно поднаторевший в английском. Ещё не зная, что команду эту составляют Вова Мальцев, Андрюша Вятчин и “примыкающие к ним” лица.

Можно считать, что это было первое наше с ними столкновение. И с *их стилем* хождения под землю. Ибо на легендарное закрытие Сьян – первую спелеославу мальцевского “спасотряда” мы немного припоздали, – впрочем, после хватило никитских событий.

: С лихвой.

... От входа тянет “более, чем морозным” воздухом; от усталости, раздражения неуспехом – и в предчувствии предстоящего “дранга” по морозно-

ледяному шоссе приходит мысль: очевидная всем троим одновременно.

– Лезу в заначку, возвращаюсь с бутылкой портвейна.

Принимаем, пока готовится ритуальный “обедужин”. Спиртное разогревает; Журик смотрит на часы и замечает, что «на этот автобус мы уже опоздали, выходить на следующий, чтоб не околеть на остановке, пока рано – так что можно принять ещё одну, и вообще не фиг спешить из пещеры на холод».

: Кто б возражал... Принимаем “ещё одну” – белую. Под обильную закусь.

В город “не сильно-то хочется” – кажется, только что зашли в пещеру, и что шестичасовое гулянье-кружение по тупикам и шкурникам подлой Сейсмозоны? Ничего, кроме усталости. И раздражения тем, что вот-вот придётся выползть наверх на *просто лютый* мороз. А потому процесс (как и фраза, его сопровождающая) автоматически повторяются. Несколько раз. < Это в очередной раз о вреде краткосрочных выходов под землю. >

По завершении процесса с трудом выписываемся из Журнала; мысль не то, что написать об опустошении заначки – просто перечеркнуть предидущую запись – не в силах прийти в голову.

По дороге к выходу два раза подряд обгоняю закольцевавшегося в шкурнике Мыру (как такое получается, самому до сих пор непонятно) и один раз Журика, выходящего из грота последним.

Мороз – по фигу. Абсолютно.

Правда, трезвеющими от холода извилинами всё-таки понимаю, что поморозиться *в таком состоянии по такой погоде* – ‘как два пальца об асфальт’.

Подбадриваю ребят цитатами из самого любимого никитского автора – Джека Лондона. «За золотом на ручей Индианки». Маршируем по трассе; шеренгами вдоль неё – покрытые серебряным инеем тополя. Красотища. На грани безумия.

Сзади догоняет машина. Предлагаю проголосовать: чтоб остаться живыми.

– Сам же сказал, чтоб как у Лондона! Он мог — и мы смогём!! У нас даже плевков на лету не замерзает!!!

Тем не менее, пытаюсь голосовать – но меня просто *закапывают в занесённой снегом придорожной канаве. И садятся сверху.*

Слышу над головой: «Ребята, не подвезти-ли вас до Домодедова? Замёрзнете ведь...»

И бодрый отказ от помощи.

... когда добираемся до станции, на ледяной маске, заменяющей лицо, лишь три дырочки: глаза и рот.

: Никто не заболевает. Что бы ни трендили врачи о вреде алкоголя на морозе...

: *Но какими записями в наш адрес был исписан Журнал на следующие выходные,—*

И какая полость была вырыта на месте почти неприметной щели у грота Поэзии...

— На студенческие каникулы планируем поехать в Старицу. “Осколок Уэма” (я) + “Осколок 2К Клаана”

(Цыганов) + База с Глебом + Кракодил из РИФов, свидетель гибели Виктора Шагала + Юра Ларкин (учившийся тогда в МОГРТ¹⁰⁷ – с которым только что познакомилась в Никитах),–

: Учитывая время года, решаем для оптимального поиска возможных дыр взять с собой лыжи. Ибо, по слухам, “дыр в Старице не перечсть”,– только надо весьма прилично побегать по берегам Волги для их открытия.

Накануне выезда я случайно сажусь кобчиком на гвоздь, торчащий из кресла “в самом центральном месте”, причём – острым концом вверх. Как он там оказался, загадка. Травма довольно серьёзная — какие лыжи?..

– А до Никит доползти сможешь? – интересуется народ, не желая сдаваться.

– Попробую.

И “доползаю”. При активной помощи новых и старых друзей.

: Так начинается моё Первое Подземное Пребывание. Внезапное, непредсказуемое и непредвиденное заранее — но столь повлиявшее на меня после...

: Стоять решаем в освоенном Уэмом Дворце: как-никак, системка из четырёх гротов – центрально-гостиная Чаша, давним обвалом будто приподнятая над окружающими её ортами: Геошизиком, Предбанником и Туалетом,– и всем есть, где разместиться. Как кажется. Тем более, что в Никитах в этот день случается *просто прорва народу* – некий Белкин (с этим замечательным разгильдяем знакомимся в тот день – и года три после рассекаем по подмосковным и прочим дырам вместе) *привёл под землю целый класс пионеров из своей школы – 36 штук ровно.*

Видя, как пионерское месиво втягивается во вход и забивает-заклинивает цепочку привходовых шкурников, приходим в ужас. Ждать на холоде, пока они изволят протиснуться?

– Нет: просто ввинчиваемся со всеми своими вещами, и проходим шкурники, “по пионерам, как по маслу”.

Доволакиваем шмотки до Дворца; выдыхаем, размещаемся. “Белкин и пионеры”, дезориентированные нашим перемещением сквозь из затылочные ряды, машинально увязываются за нами: не вполне различая где их руководство, а где более ловкие “ветераны Системы”. К тому же в запале трудового ‘энтузазизма’, передавая друг другу через шкурники рюкзаки, мы увлекаемся – и как-то незаметно-лихо вместе со своими вещами перебрасываем большую часть пионерских шмотников много дальше нужной им Хаты — почти к нашему Дворцу. Впрочем, ещё вопрос: могут-ли разместиться в Хате менее, чем в три наката, 36 человек?

+ 2,5 козла-руководителя.

: Вряд-ли.

Тем более, что в Хате уже кто-то стоит – «гоните их всех дальше, к чёрто-

¹⁰⁷ Московский областной Геолого-Разведывательный Техникум.

вой матери!!!» – слышим истошный крик души, проходя мимо¹⁰⁸.

Пока народ пытается сбить со следа непрошеную толпу (шум от них стоит просто дикий), мы с Кракодилом уходим в сторону: туда, где тихо. И куда мы с ним не можем не пойти:

: *К месту гибели Виктора Шагала.*

Ставим Свечу.

Обратно к Дворцу, где царит неизбежная суета “разбивки лагеря” и до которого необходимо прорываться сквозь “пионерский бардак”, решаем возвращаться другой дорогой: “прошвырнувшись рекогносцировочно” по Сейсмозоне, в которой планируем плотно поработать в ближайшие два дня.

: “Рекогносцировочно прошвыриваемся”. В результате чего Сейсмозона выкидывает нас из левой части Никит в её центральную систему – Сетку. На стыке Сетки и Сейсмозоны наблюдаем просто дивную картину: народ наших лет запихивает в трёхметровый вертикальный шкуродёр – лифт – весьма объёмистый рюк. Как явно более опытные¹⁰⁹, мы с Кракодиллом пытаемся им помочь — вначале советами, затем действиями. Явно бесполезными во всех смыслах. Ибо эффекта никакого. Я просачиваюсь сбоку по непроходимой для прочих щели (миниатюрность моего телосложения в никитских шкуродёрах большой плюс), подныриваю к окончательно застрявшему рюкзаку снизу, направляю его, куда следует, – Гена начинает долбить сверху ногами. Слышу над головой голоса:

- Вообще-то там был портвейн...
- Шесть бутылок!..
- И магнитофон...
- “Электроника”.
- Тоже БЫЛ. С такими замечательными кассетами...
- “Юрай Хип”, Вангелис, “Оксиген” Жана-Мишеля...
- “Тяжелен Дрын”, Шульц...
- Ещё “Квин”, ‘пёрплы’ и ‘зеплы’. Четвёртый альбом.
- И Руссос с “Аббой”.

: просто кошмарное, в подобной ситуации, перечисление. Сердце сжимается так, что нейтронной звезде можно давать уроки внезапного коллапса.

— В ужасе вывинчиваюсь наверх, вынося на голове бесформенный шмотник.

¹⁰⁸ Это была группа ГРТН – очередной “поток” ‘дворцового’ кружка юных туристов-спелеологов под руководством М. Геллера; не смотря на “официальное запрещение” воспитанникам кружка посещать “грязные катакомбы”, ребята делали это постоянно и с удовольствием. На мой тогдашний вопрос, как расшифровывается название группы, хитро улыбнувшись, ответили: «Геллер – раздолбай. Только никому!..»

¹⁰⁹ Так казалось нам. Теперь, по прошествии лет, понимаю: все мы были чайники, а поскольку чайника от чичаки отличает именно *внутренняя крутость*, каждый полагал, что остальные против него – зелёные несмыслёныши.

: Раскрываем, убеждаемся, что всё перечисленное почему-то цело... Ну да: до Сейсмозоны ещё пара метров. Вот в ней – пакуй, не пакуй...

– Знакомимся за перекурком. Ребята называются “Wanderers”, – в данный момент группу представляют Пиф (Андрей Любченко), Завхоз (Саша Пузанков) и Юрий Дмитриевич Агафонов – наш с Кракодиллом ровесник, выглядящий несравненно серьёзнее и степеннее нас, – а потому так официально называемый нами. Впрочем, уже к вечеру этого дня полное титулование автоматически сократилось до ЮДА.¹¹⁰

Сообща решаем, что с такой экипировкой нечего думать о том, чтоб покорять Сейсмозону, – как бы ни рвались “Вандерерсы” стоять где-то далеко за ней, в самом тогдашнем Крайне Левом Углу Системы, в гроте Че-Гевары. Однако, стоять рядом со входом им тоже не в кайф – не для того, мол, ходить в Никиты, чтоб тусоваться в обжитой-пережитой привходовой Хате, – кстати, уже занятой. И “довольно плотно”.

: Нежелание стоять у входа аналогично нашему; сразу чувствуем спелеородство душ. А потому предлагаем перебазироваться к нам: места для хороших людей хватит. Тем более, что у нас – гитара; у них – магнитофон с “божественными”, по утверждению Завхоза, записями, – помимо перечисленного, есть даже Маккартни и Битлз...

: Шествуем во Дворец по следам пионеров. Хозяйственный Завхоз по дороге педантично подбирает и засовывает в свой рюкзак всё, что естественно выпало из пионерских “бутербродников”. В том числе нарезанную тонкими ломтиками финскую “салями”, на которой мы с Пифом, как идущие впереди, поскользываемся с соответствующим результатом (для колбасы и уш следующих за нами).

Во Дворце (последний ведущий в него шкурник своей угловатой спиральностью выматывает остатки сил) созерцаем Финал Приготовления Ужина:

: Просто кайф. Из-за перекрёстно-группового состава лагерного снаряжения более, чем достаточно – на одном примусе закипает вода для чая, на втором доходят вполне джек-лондоновские бобы со свиной тушёнкой и луком; на третьем Цыганов с Базой и Глебом варганят глинт.

“Вандерерсы” естественно присоединяются к развёртыванию стола, внося в его натюрморт колбасно-сырные деликатесы (из расхабареных пионерских) и напитки. А также включая чудом не почившую от ударов кракодилских ног “Электронику-302”: безусловно, самый дубовый и живучий магнитофон совка.

К Торжественному Ужину ставятся “Юрай, конечно же, Хип”: “Firefly”, действительно *божественная музыка*. Которая по завершении первой кассетной стороны и одновременно основной части трапезы заменяется моей гитарой. В основном исполняю Галича – с обязательно-традиционными вкраплениями того культурного времени: Кукин, Визбор, Дулов.

И Вадим Егоров – “Атеистическая молитва”. За которой в полном контра-

¹¹⁰ Отдаю должное тактичности Юры и Завхоза: в день нашего знакомства они умолчали о том, что против нашего ходят в Никитскую Систему на пять лет дольше. Для Пифа же это действительно был первый поход.

пункте по воле Базы следует немного хамский (но обожаемый нами) перефраз слащавой песенки Дольского «Мне звезда упала на ладошку...» В нашем варианте – не звезда, но нечто, весьма похожее на неё фонемно.

: Единственная, кстати, замена в перефразированном тексте песни. «Не смотрите, что невелика я – я умею делать много дел...» – с чувством подпевает Илюша, будущий директор Института психологии. И народ вторит дивным арпеджио, пользуясь отсутствием дам :

– *Вам необходимо только вспомнить, что для вас милей всего на свете! Я могу желания исполнить – я всё время занимаюсь этим!!!*

По мере опустошения портвейновых фугасов гитара уступает сразу нескольким перекрёстным спорам, наиболее интересный из которых – хвастливо-геологический ЮДА и Ларкина (“встретились два профессиональных одиночества”...):

– А хладопирит у тебя есть?

– Есть! А раухтопаз у тебя есть?..

– Ещё какой!!!

– А мушкетовит у тебя есть???

– Ха! Вот с такими иглами —

— размах рук едва умещается в по-

никитски не просторном гроте.

– А амазонит у тебя есть?

– Есть!.. Просто оф-фигительный экземпляр – в ферсмановском за него такие бешенные бабки предлагали — закачаешься!

: Все понимают, что конечно же, оба – брешут. Причём уж полчаса без остановки.

И я вношу струю разнообразия:

– А *амидопирин* у вас есть?

– Есть!!! Только я его на выставку отдал...

: следует чуть-ли не хором.

– И наш оглушительный хохот.

Наверное, ещё один ‘момент’ этого дивного вечера достоин бумажного листа: мы с Завхозом и Пифом ударяемся в метафизические рассуждения о том, что есть судьба, предопределённость, гороскопы, цыганское гадание по руке (я вспоминаю некий закрытый диссер, в котором утверждалось, что так называемые “линии ладони” соответствуют генетически предопределённым свойствам нашей физиологии и психики; Завхоз выстраивает связь меж астрологическими знаками европейского гороскопа, годовыми китайского – и сезонным циклическим влиянием Природы на вынашиваемый женщиной плод; Пиф дополняет наши рассуждения соображением, что космические циклы и ритмы безусловно не могут не влиять – пусть и опосредованно – на всё живое; так что Природа не только задаёт некие свойства рождающегося младенца, но и далее продолжает управлять нашим поведением – чем больше статистических данных мы возьмём, тем лучше эти биоритмические закономерности заметны — но дело в том, что как в газе или в жидкости нет ни одной молекулы с точно средней температурной скоростью, так каждый конкретный человек – “отклонение от гороско-

пической нормы”, и все эти закономерности хороши лишь для социологии, но никак не применимы к Личности),– в разгар нашей беседы Ларкин неожиданно заявляет, что, когда он ехал сюда, цыганка на Павелецком вокзале нагадала ему не дожить до 17 лет. Юрий Дмитриевич тут же интересуется, сколько ему сейчас. «Да херня,– беспечно отвечает Ларкин,– ещё полтора месяца осталось...» «Знаешь что,– изрекает ЮДА,– может, ты будешь хотя бы спать отдельно?...» «Не поможет. Она сказала, что со мной погибнет группа товарищей...»

: ЮДА натягивает на голову каску и не снимает её далее ни на минуту в обозримом присутствии Ларкина.

Затем – поскольку речь зашла о будущем – переходим к обсуждению, что делаем завтра. Ведь ясно же: не в гроте сидим.

Излагаю свою идею о поисках раскарстованных трещин; подсознательный рефрен – пробиться в ЖБК. О котором в присутствии Цыганова трендить не очень хочется. < Самое интересное выяснили потом: Кракодил и ЮДА, как и я, знали о легендарно обводнённой никитской системе – но вслух говорить не решались; мою идею поддержали с той же внутренней мыслью: не найдём сталактитов, так хоть к Озеру пробьёмся... К сожалению, это “пробитие” растянулось на два с половиной года. Но в конце концов удалось – причём из грота, в который в тот день рвались для стоянки “Вандерерс”: из Че-Гевары. Так интересно порой складываются подземные ситуации... Но, может, и они тоже – “знали и молчали”?.. Не исключено. Ибо у каждого из нас были какие-то достаточно важные *личные подземные открытия* – которыми не очень хотелось делиться. Даже с близкими друзьями. Ибо коль ты *сам* открыл удивительно красивое и сказочное место — кто вправе требовать от тебя его “обнародованности”, открытости для всех? Никто такого права не имеет, и лишь тебе дано судить, с кем делиться этой подземной радостью – а с кем нет. А потому я хорошо понимаю ребят, “секретивших от всех” в те годы большую и безусловно красивейшую часть Никит.

Тем более, что кроме проблем сохранности Красоты (с этой бедой я уже столкнулся, и необратимой беспомощности наелся “по самое ни хочу”) есть ещё одно, не менее важное соображение: *каждый самостоятельно исследованный участок Системы даёт ни с чем не сравнимое чувство Первопостижения, Открытия Мира*. Против которого радость экскурсионного созерцания некоего грота под руководством *ведущего тебя* довольно ничтожна.

: Наша группа с первого никитского выхода исследовала пещеру самостоятельно, ни к кому не набиваясь в экскурсанты,– что, конечно, иной раз не исключало и желания “поводить” приводимых нами гостей и новых знакомых по Системе. Двойственность этой позиции всегда решалась *личным правом выбора*: кому и что показывать из открывшегося тебе. >

Завхоз и Пиф говорят, что их лично более прельщает чтение Монтеня в каком-нибудь уютном гротике; Цыганов всеми силами стоит за прорыв в Дальнюю Правую часть Никит. Ну да: в соответствии с той же идеей секретить всё самое интересное и лучшее от случайно-залётных гостей – как куропатка, припадая на якобы раненое крыло, пытается отвести нас в противоположную

“от гнезда ЖБК” сторону.

: Обычное дело. Вначале сто раз проверить новых знакомых – а уж потом показывать под землёй нечто действительно стоящее...

Принимаем естественное решение: разделить в своём гулянии по Системе, чтоб не мешать никому заниматься Тем, Для Чего Он Здесь.

По завершении дебатов половина народу укладывается спать; мы с Завхозом, Базой и Ларкиным решаем на ночь совершить небольшой променад. В основном посмотреть, как это там разместились белкинские пионеры – ну и себя показать. Перед пионерками.

Берём завхозовскую “электронику”, врубаем на полную “сделано в Японии” D. P. — и вышуровываемся из грота через непотребно-узкий спиральный шкурник, ведущий в основную часть Системы. На её изогнутую дугой Централку – в данном и единственном месте весьма широкую и просторную.

: Пионеры лежат рядком на Централке – перешагиваем через их тела с орущим под запилы Блэкмора Гилланом, – “себя показывая”.

С этой минуты данный участок Централки – что так дезориентировал касательно “средненикитских размеров” прокофьевскую ГКС – называется Пионерским Штреком.

До сих пор.

Завершив круговой маршрут, во Дворец возвращаемся через Сейсмозону и Четвёртый Подъезд. Так как выпитого в нас плещется изрядно, по дороге через Сейсмозону не делаем ни одного лишне-опрометчивого шага.

Бессознательно совершая важнейшее никитское открытие: *пьяному в Никитах любая сверххитрая система – ПО БАРАБАНУ. Даже Сейсмозона.*

– И вообще: только пьяный способен рассекать по Сейсмозоне в стиле вечернего променада с включённым магнитофоном, и ни разу не долбануть его о стенки составляющих Сейсмозону самых лютых никитских шкурников. Причём не просто “не долбануть” — *не коснуться ни камня, ни крепи, ни стеночки.* Передвигаясь при этом с вполне крейсерской скоростью.

На другой день серьёзно составленные планы летят к чёрту. То есть – к Дзуликой. Белкин в паре с двумя другими руководителями их пионерского выезда обращаются к нам со слёзной просьбой «показать ребятам Систему, ибо “пионеры рвутся в бой” – но коль позволить им рассекать по пещере самостоятельно...»

– Спасов не оберёшься, – констатирует ЮДА.

Конечно, те, кто не напрашиваются на подземно-созерцательные экскурсии, вызывают у меня априори большее уважение. Но если разобраться – что плохого в экскурсии для детей? Не говоря о просто недопустимости бесконтрольного гуляния отроков по сложнейшему лабиринту и о том, что это прекрасный и достойный повод блеснуть своими спелеознаниями и мастерством в преодолении шкуродёров (что естественно, то не стыдно!), – каждый из нас исповедует SCO-шный принцип: даже если из пяти проведённых тобой по пещере групп “в хождении” останется один приличный человек, это стоит делать.

Правило “пять бабушек = рубль” вполне работает. И оправдывает себя. Ведь именно так я познакомился не столь давно с Ларкиным, и чуть ранее с Базой и Глебом. Если б бежал экскурсионной прогрессорской деятельности – с кем бы вообще ходил под землю?

Так что выгуливать по пещере чичак – занятие во всех смыслах благородное. Особенно, когда сочетается с просветительскими беседами.

А потому в воскресенье мы работаем, не щадя ни своих, ни пионерских локтей и коленей — в результате чего, когда вечером (с естественной нашей помощью) пионерская кодла выбрасывается на выход, с нами остаются Великий Грешник и Белкин.

У нас уходят Цыганов и Глеб, так что ребята занимают их места.

Остальные по причине студенческих каникул (Ларкин, Завхоз, Пиф и База) и послеармейских отпусков (я, Кракодил и ЮДА) в возвращении в город не нуждаются.

Продуктов, свечей и батареек для фонарей тоже хватает, – всё “не съеденное и не пригодившееся” уходящие пионеры завещают нам. В благодарность за экскурсии. И помощь в нелёгком деле транспортировки недетски-огромных (и столь же бесформенных) шмотников по никитским шкуродёрам. Ну и просто потому, что нам нужнее; в городе же – какой прок от походной еды и света?

: Договариваемся, что уходящие позвонят нашим родителям: “чтоб не ждали”.

∴ Какая сволочь *не позвонила* родителям Грешника, теперь установить не возможно.

В ночь на понедельник оставшиеся в гроте вознаграждены Системой за своё “неоставление её” ПО ПОЛНОЙ ПРОГРАММЕ:

*Мы впервые видим знаменитое **Никитское Сияние**.*

... Пробуждение было мгновенным.¹¹¹

: *Никакого сна. Свод казался осязательно зримым, будто подсвеченным изнутри. И даже не изнутри, а откуда-то извне. Сбоку. Едва воспринимаемый блеклый серо-зелёный свет. Карнизная плита над ногами, трещины – невнятно, но явно; сложный узор выступов и впадин — странно чуждой, но тот же, это было ясно само собой – и дальше к краю грота, по потолку над входом, угол стены и плиты — россыпью маленьких сине-зелёных огоньков.словно рассыпанные по потолку угольки-гнилушки или карта созвездий, –*

*— **Рассыпанные по по-***

толку???

: *Осторожно открываем глаза...*

∴ *Тожже самое.*

– *Командор... — сбоку шёпот Базы. Ясный, не сонный.*

: *никто не спит. **Все проснулись разом,**–*

внезапное пробуждение – подобное шоку чувство бодрости: будто и не спал. И эти “пальцы”, “когти”, “глаза”, “узоры”, “звёздочки” — как их только ни

¹¹¹ Перецитирование фрагмента авторской прозы “Свободный Поиск”: отдаю дань эпизоду, лежащему в основе поведанного мной.

называли!..

: Когда Цыганов говорил об этом, ему верили и не верили. Романтическая жажда Чуда твердила изнутри: может, и должно БЫТЬ – материалистическое образование жуужжало вербалкой: **ни-за-что, – трал, трён, легенды, –**

: Лёгкое электрическое потрескивание. Ясно слышимое ушами. «Снаружи – иль изнутри?»

– Вижу, – хрипло отозвался ЮДА.

— высвободил руку, откинул с лица край спальника, прикрыл глаза рукой.

...: Лёгкий неясный контур, грань меж неким телом – телом руки?! – и пространством мягкими чёрно-серыми линиями. Внутри контура — будто восковой каркас. Кости, скелет, –

«Интересно, видно это на самом деле – или мнимое изображение, от напряжения мышц руки?»

Стоило остаться, чтобы увидеть **это...**

– Рисуи, – шёпотом справа. Это Завхоз.

– Чёрт его знает, где бумага, – явно Белкин.

– Дурак, – тихо, кратко, уверенно. ЮДА.

...: яростный шёпот, возня. Кракодил чертыхается. Щелчок, тонкий звук: Завхоз догадался включить магнитофон. Просто чудо, что есть микрофон и свободная кассета. Значит, завтра слушать весь свой трён, ругаться, гадать, где же треск тот, что всем кажется, – где от мафона, где от скрипа дутиков...

«Боже, какая кустарщина! Не так ведь, совсем не так надо работать! И микрофоны настоящие нужны, а не этот бытовой совковый, – причём не один, с десяток, поставить в разных точках: в гроте и вокруг, – а значит, пульт для сведения, и магнитофон лабораторный, каналов на 12, запись в ЧМ, чтоб фильтры можно было поставить – НЧ, СЧ, ВЧ, – и осциллографический анализатор ВЧ/СВЧ с датчиками соответствующими, килогерц до 100 – чтоб можно было хоть определить, в каком диапазоне этот звук лежит, чем мы воспринимаем его...»

: Кто-то сел, – скрип дутика, зашуришал спальник. А над головой — всё то же странное небо. Да небо-ли? Чьё небо? **Какого мира?..**

: Чёрный каменный свод. Что же ЭТО такое???

... сунул блокнот в карман. Вроде всё; зарисовал, как мог. Темнота – что можно увидеть в темноте? А **это?**.. Даже с закрытыми глазами. Даже из-под спальника. Станный внутренний свет, –

: Вход в грот вроде стал ярче. Снова оттуда звук. **ПРИБЛИЖАЕТСЯ** —

: Что ТАМ???

– напрягся, поднял голову. «Ведь в Системе никого, кроме нас...»

– Свет, свет... Дайте свет...

: Кто-то не выдержал. Камень ударил в

стену, откатился к столу, что-то звякнуло — кружка на столе или в проходе, что — уже не разобрать, да и не важно, — **ЯРКИЙ СВЕТ** — «ну и коногон у него!» — ослепил всех; ещё два камня, теперь точнее, да что толку, и вообще — зачем?.. Что могут камни? Ругань — странно, вполголоса, приглушённо, как сквозь вату, не слышно, в конце всегда **так** — будто глоснешь отчего-то, — и никак не укладываются в глазах, кажутся неправильными размеры и формы грота, будто иначе всё должно выглядеть — на самом деле — всё выглядит неестественно-нелепо в этом принудительном освещении, — словно отрыжка, отторжение света камнями, стенами, полом... **НЕПРИЯТИЕ СВЕТА** — после сказочного свечения изнутри: подлинно подземного освещения...

— И вдруг все успокоились. Возвращается Звук, —
— Какая теперь запись? Руби мафон, — сказал Пиф.

— Закурили. На часах было семь; Цыганов выключил коногон, Завхоз — магнитофон, точнее, вначале выключил, затем поставил что-то космическое, негромко, для себя; красные расплывчатые огоньки сигарет тлели и вспыхивали в воздухе, покачиваясь там, где были руки и головы ребят, — затем по одному стали гаснуть, остались лишь музыка и темнота, — последний уголёк описал дугу и рассыпался искрами о камень; глаза немного резало — снова пришла усталость, и я думал о том, что завтра обязательно нужно разобраться с рисунками, пора кончать этот бардак, сколько можно заниматься кустарщиной, и толпа не нужна, четыре человека для контроля — самое оно, — дежурство постоянное в этих зонах организовать, не на неделю — на месяц, не менее залезать надо сразу, и не выходить на поверхность за водой, чтоб полная акклиматизация и оторваться от всех городских помех и привязок, — а значит, грот по-настоящему оборудовать нужно, чтоб не с Системой бороться — но жить в Ней, — и водокап, сколько можно трендить, ведь полно мест, где с потолка капает, ещё Зуев с этой идеей носился, и уходить нужно как можно дальше, пробиться в заветное ЖБК — самое, конечно, удобное место для таких экспериментов-пробываний, да только как теперь пройти в ЖБК? — даже Греческий и Римский с ГЛМ сели, наградив Систему Сейсмозоной “первой степени запутанности”, — пробиваться теперь в те заветные края и пробиваться, — а значит, нужно начинать с начала, и шефа, самое главное, найти подходящего, потому что своими силами такую экспедицию не раскрутить, факт, ведь не может быть, чтоб **никто** не заинтересовался — что же ЭТО такое, в конце концов, — конечно, шеф нужен, без этого просто нельзя, потому что если разобраться — все они кустари-дилетанты, с приборами по-человечески обходиться не умеют, не то что интерпретировать данные, даже не знаем, что толком хотим узнать — а значит, надо идти учиться и работать одновременно хотя с такой анкетой хрен поступишь куда как и у ЮДА дело-то одно было уголовнику поступить проще чем им хотя если разобраться на хрен сдалось ему поступать в совковые училища марксизм/онанизмом овладевать древнейшей из профессий хватит все давно уже в этой стране учёные самообразованием надо всерьёз заниматься а не рассекать по каменоломням надо же пока за

фронду свою “на северах” сапоги снашивал даже астрономию забыл как выглядит небо не помню а ведь учился тридцать лет и три года...

— «Надо выключить маг», — сказал я себе, вздрагивая от кемара — но лежать на боку было так уютно; не хотелось менять позу, только место нагрел, маг завхозов — пусть он и вырубает, он же включал; да, но ведь это — для всех, а если заклинит кассету или сядут батарейки? Конечно, надо выключить, хотя музыка хороша, не забыть завтра утром у Сашики спросить, что звучало — странно: спать совсем не хочется, а ведь легли в три, не раньше; до подъёма ещё два часа; дежурный Белкин, можно вообще поваляться до одиннадцати, в гроте тесно — если все разом встанут и начнут собирать спальники, Белкин опять обязательно опрокинет кан или заварит, как вчера, махру вместо чая — добровольно вызвавшись помочь, “помошничек медвежьеуслужий”, — а ведь то была последняя цыгановская махра, и Белкина чуть не удавили, —

: ограничили к приговору на одно официальное дежурство.

— я подумал, что всё же надо позвать Завхоза: магнитофон к нему ближе, ему выключить проще, и я позвал его — тихо, чтоб не разбудить остальных, — и Сашка с Пифом тут же отозвались: в один голос —

— ВИЖУ.

: Вначале я не понял. А потом повернулся на спину и снова увидел **свод**.

: Так ЭТО было для меня в Начале. В самый первый раз. Тот, что запоминается каждым движением, мигом, на всю жизнь.

Потом, в иных выходах-пребываниях, видел его ещё четыре раза. И несколько раз видели мои друзья — оснований которым не верить у меня нет.

: забирались под землю со счётчиками аэроионов и радиодозиметрами, — оставляли на ночь в гроте фотоаппарат в режиме “В” со сверхчувствительной плёнкой, — пробовали писать сопровождающий звук на замечательный переносной “Хитачи” и тестовые конденсаторные микрофоны, одолженные в лаборатории звукозаписи Центрнауц-фильма, — мудрили с питанием, необходимым для ламповых монстров, от которых нещадно шибало током, — “грохнули” аэрозольный счётчик-иономер “Нокиа” и один тестовый конденсаторник (слава Богу — списанные в лаборатории без последствий), — брали пробы воздуха и отдавали их на анализ в лаборатории химфака МГУ, и в лаборатории физфака, —

: НИЧЕГО НЕ ВЫЯСНИЛИ. Всего одно Свечение пришлось на это аппаратное богатство — что могли дать единичные замеры, сделанные непрофессионалами на полуроботающем ‘железе’?..

— Выяснили: радон и радиация ни при чём. Воздух, конечно, ионизирован выше поверхностного — но в пределах пещерной нормы. Никакого “свечения” подобная ионизация вызвать не может “по определению” — любому человеку даже со средним школьным образованием ясно: коль ионизация вызывает свечение воздуха, то человек в таких условиях не выживет

и минуты. Радиационный подземный фон ниже наземного **в несколько раз** – при этом на гранях монолитных “чемоданов” плотного “доломитистого вида” он выше, чем по центру тех же камней и плит, – но не значительно. Контрольные замеры от сделанных во время Наблюдения ничем не отличались.¹¹²

Ещё выяснили: воздух под землёй не только начисто лишён аэрозолей и пыли (фильтры оставались практически чистыми) – но и на удивление стерилен. Пыль – только та, что мы можем сами натрясти из своих комбезов и шмоток; флора – лишь в жилых гротах: несколько видов грибов, явно занесённых с поверхности при оборудовании грота новыми крепями из свежесрубленных осин (два удалось отождествить биологам МГУ), да на старых крепях растёт три вида плесени. Способствующих, по-видимому, микробиологической стерилизации воздуха. И без того достаточно стерильного, ибо в лабиринтах типа никитского все “воздушные взвеси” – аэрозоли, споры бактерий, вирусы, пыль и пр. – адсорбируются достаточно неровными и пористыми известняковыми стенами из всасываемого пещерой воздушного потока уже на первых ста метрах. [Об особенностях формирования стерильного пещерного микроклимата рекомендую прочитать прекрасные статьи В. Н. Андрейчука, опубликованные в журнале “Свет” (номера 20 и 21) или его статью “Недра – лёгкие Земли” (“Наука Урала”, 01. 03. 1990). Вообще идея о том, что чистота наземного воздуха во многом зависит от его очищения пещерами – идея “более, чем правильная”.] Со всей же “заразой”, что приносят в места своего пещерного обитания люди (на вещах, в своих лёгких и на коже) в Никитах справляется повышенный ионный фон (который, между прочим, действует на наши лёгкие замечательно исцеляющим образом) и буквально микроскопические аэрохимические выделения плесневидных культур – коль у человека нет на них специальной аллергии, эффект оказывают не менее целительный. Что с успехом пользуется в спелеотерапии при лечении как туберкулёза, так и астмы.

И ещё один диковинку – настоящий пещерный эндемик, известный специалистам *лишь теоретически*, мы обнаружили чуть позже в ЖБК: *удивительные корневидные побеги, с явной корой и внутренним ‘деревяннным строением’, притом цветущие, – стелящиеся тонкими веточками по стенам, крепям, своду, – свисающие сетью-занавесью, –*

: оказались сухопутными водорослями.¹¹³

¹¹² Это в обычные годы. Летом 1986 года подземный радиационный фон был *в десятки раз ниже* поверхностного.

¹¹³ На Первой Старицкой Международной Спелестологической конференции (1997 г.) выяснилось: схожий вид известен спелеобиологам в некоторых штольнях Самарской области, и подобное образование горные рабочие именовали “шахтный гриб”. О чём профессионалы-биологи не только не ведали, как водится, ни сном, ни духом, – мало того: И НЕ ЖЕЛАЛИ ВЕДАТЬ. Интересная штука — зашоренность специалистов... Сходную историю про открытие слепых пещерных гольцов в пещерах Кугитанга рассказал В. Мальцев в книге “Пещеры судьбы, пещера мечты”, – что в очередной раз заставляет вспомнить изречение Козьмы Пруткова: «полнота специалиста подобна флюсу». Отяго-

– Но что до Свечения...

: думаю, сейчас знаем не больше, чем тогда. Если говорить о его реальной причине и механизме нашего восприятия — пусть даже на эниологическом¹¹⁴ уровне.

... На другой день чудеса продолжились – будто мало было Системе продемонстрированного нам ночью:

После завтрака собираемся на дневные проходки – так мы называем “гуляние по Никитам”, ибо по сути оно не сильно отличается от проходки, что ведёт бригада горных рабочих при прокладке туннеля. Разве – техническое оснащение у последних на порядок мощнее нашего, а скорость движения, соответственно, ниже.

В соответствии с заявленными ещё субботним вечером планами, разделяемся на команды: Белкин, Ларкин и База уходят в дальнюю правую часть Никит, к легендарному Голубому Конусу (Цыганов перед уходом из Системы соблазнил их заявлением, что «в полнолуние он светится – а сейчас как раз такой момент», – после пережитого ночью любое подобное утверждение принимается без всякой критики); Завхоз и Пиф удаляются с дутиком и томиком Мишеля Монтеня в один из уединённых гротов; ЮДА добровольно вызывается дежурить в гроте и к заявленному времени возвращаться сострять обед, а также сходить на поверхность: к роднику за водой и в магазин за недостающим куревом, – мы с Кракодиллом и Великим Грешником планируем отжаться “тотальному изучению Сейсмозоны”.

: Такой добровольно-непринудительный расклад. Всем представляющийся очевидным.

: Собираемся. Все проверяют свет – основной и запасной, – необходимый инструмент (для уходящих “вправо” и “влево” это кайло и сапёрная лопатка; для ‘спелеофилософствующих пижонов’ – упомянутые томик Монтеня и дутик; причём никто в нашей “сборной команде” не относится к их оснащению, как и к цели отлучки, с иронией — более того: почтение и трепет вызывает у нас это их занятие), – Завхоз, оправдывая свой ник, педантично проверяет наличие у каждого запасного света и в каждой группе – часов. Поскольку с нашими запасами продуктов он уже разобрался.

На магнитофоне наярывает плач об уходящей любви Демис Руссос.

: Самая утренняя музыка. Под стать настроению.

– Ну как же, – причитает в третий раз подряд Сашка, – я ведь всем выдал новые батарейки точно по числу фонарей! Проверьте, кто не сменил — откажет свет, что тогда будет?

– Известно, что: спасы, – хмыкает циничный ЮДА.

Завхоз крутит в руках оставшуюся невостребованной батарейку – причину его приставаний ко всем, находящимся в гроте. Магнитофон играет; Демис Руссос переходит от сувенира к сувениру. Завхоз по очереди – к каждому из

щённому слепотой и зашоренностью.

¹¹⁴ Эниология – наука, рассматривающая Мир с точки зрения информационно-матричной теории.

нас. Все по третьему разу проверяют свет – и у всех он послушно вспыхивает и гаснет.

– Проверь лучше свой магнитофон, – с увы, непередаваемой на бумаге хрипловато-ехидной интонацией советует Завхозу ЮДА. Ибо это последнее батарейко-работающее тело в гроте, что за очевидностью воспроизводимого звука не проверялось.

– Но он же работает... Сам видишь.

– Говорит Завхоз.

В этот момент магнитофон вырубается.

– Теперь – нет. Все СЛЫШАТ, – с нажимом произносит ЮДА, поправляя не вполне точную лексику Завхоза.

: Сашка бросается к технике, нажимает на выброс кассеты, – та чуть приподнимается из адаптера — но дальше идти не может за запутанностью ленточной гармошки, намотанной на тон-вал в запредельном количестве.

С бранью Завхоз извлекает из “проклятого совдеповского ящика” полупочившую кассету фирмы “Agfa”. При извлечении в корпусе магнитофона раздаются характерные звуки – будто нечто перекачивается, постукивая, внутри.

Завхоз матерится, встряхивает магнитофон ещё раз. Звук повторяется. Явно из батарейного отсека, – а потому крышка его немедленно снимается, *и мы все видим, что в отсеке не хватает ровно одной батарейки.*

: *Той самой, “лишней”. Из-за которой так волновался Завхоз –*

: Только — как же он тогда играл до этой минуты???

: ЗАГАДКА. НА ГРАНИ ФОЛА.

«Все в гроте были уверены, что батареек внутри должно количество – вот и играл»: единственное “разумное” объяснение.

: ‘От эниологии’. “Двадцать лет спустя”.

— Уходим на проходку. Гулять, читать, изучать, искать и прокапываться.

– Часа два ползаем с Кракодилом и Грешником по тупикам и шкурникам проклятой Сейсмозоны. То теряя ‘остатки ориентации в зачумлённом пространстве’, то непостижимым образом вновь обретая её. Ни увиденной мною трещины, ни надписи «ТАНЯ», – лишь многочисленные «SF» на потолке и стенах – знак недавнего посещения этого места группой Мальцева. Что, кстати, они забыли в таком опасном и явно не самом просторном уголке Никит?

– Ясно, ЧТО, – устав от сражения с заклинившим его двухметровое тело шкурником, изрекает Кракодил, – небось, они и положили эту часть Системы. Чтоб кое-куда кое-кто не пробрался. Да.

: Аргументация не самая обоснованная – если и так, к чему “украшать” стены и своды автографами? А потому предлагаю свести опасный в присутствии малознакомого Грешника разговор к анекдоту:

– *Идёт очередной всемирный конгресс спелеологов. Семинар по минерало-*

гии, скажем. Предъявляется камень – «О, это наш!» – восклицают ребята из Подолии. «Как определили?» – «Так ведь гипс! А у нас все пещеры в гипсах!» Предъявляется второй камень – «Это наш!» – заявляет т. Дублянский, – «Потому как именно такие кальцитовые натёки характерны для наших крымских пещер!»

Предъявляется булыжник непонятного происхождения и вида. Спелеологи всех пещер мира сутки спорят, чей, – никто не может отождествить. Вызывают катакомбщиков. Приползает характерный представитель Никит – на четвереньках, потому как только что из Сейсмозоны и ещё не научился вертикальному прямохождению... < Кракодил с тучным Грешником одобрительно хмыкают. > Долго вертит этот булыжник, облизывает, надкусывает – затем категорично заявляет:

– ЭТО ИЗ КИСЕЛЕЙ.

– С чего взяли?

– Так Съяны закрыты, в Силикатах известняк ипритом иль хлорцианом пахнет и даже внутри от копоти чёрный, – а у нас на каждом камне «SF» написано...

: Крокодил от смеха вылетает из шкурника. Вечером в гроте анекдот пользуется огромным успехом; народ предлагает расшифровку аббревиатуры «SF», как «svolochi formennye». Завхоз откровенно млеет от переносного смысла слова «форменные», то есть «служивые». Ибо про закрытие Съянов и участие в этой акции «официального спасотряда», в основе которого та самая группа «SF», слышаны все.

Кстати, в одном из с виду тупиковых гротиков Сейсмозоны – имеющем, естественно, малозаметное непытливому взгляду продолжение – на потолке читаем надпись «ПИЗДЕЦ – SF». Возможно, указание на некую тупиковость места, – но романтически настроенный Завхоз, не приемлющий украшения подземных стен подобными дацзыбао, ратует исключительно за второй смысл. Намекая, что, дескать, пусть только попробуют сунуться в Никиты эти форменные...

— Замыкаем кольцо сейсмозонных странствий выпадением в Четвёртый Подъезд. Курить хочется страшно. У Кракодила последняя сигарета редкого тогда типа «LD» – буржуйского происхождения, с белым фильтром. Никотиновый деликатес. Садимся раскурить её на троих в Четвёртом Подъезде, – как обычно во время остановки, гасим фонари. Сбоку, впрочем, наблюдается слабый отсвет – за углом на месте гибели Шагала ещё горит наша Свеча, поставленная «для удачи» перед проходкой. Ибо – не знаю даже, откуда это взялось – но все мы знаем: как эта свеча будет гореть, так и сложится твоё общение с Системой. К тому же мы с Геной связаны с Виктором *тем страшным днём*, – так что чуть-ли не ежедневная постанова Свечи для нас не просто потребность.

И этого отсвета вполне хватает нашим глазам, чтоб не трогать запаску. Кстати, посидеть под землёй в темноте — не так уж плохо; так что, даже если б этого слабенького сияния не было – не факт, что мы запалили бы запасную свечу.

: Скорее всего – нет. Потому как в темноте под землёй можно увидеть и почувствовать гораздо более, чем при слепящем глаза свете вблизи, перед лицом – и бросающем прочее в непроницаемую тьму.

Так что сигарета всё равно была бы прикурена так, как это сделал Кракодил:

: С фильтра. Свети – не свети.

Между прочим, пламя спички, от которой он прикуривал – тоже свет.

– Ничего, – успокаиваю я его, – фильтр протянешь, а дальше почти как “прима”. Или “беломоррис”.

: Кракодил отплёвывается меж матоизвержением и кашлем.

Однако, курева больше нет – и окончательно.

Предлагаю сходить в недалеко находящийся Дворец: вдруг ЮДА уже вернулся с поверхности?

Кракодил резонно возражает, что 1) наверняка ещё нет; 2) вернёмся в грот – расслабуха накатит, и до вечера из него никуда не уйдём. Так что день потеряем.

Грешник советует сходить кому-то одному, а остальным пока осмотреть какой-нибудь ближайший ход: с тем, чтоб минут через 20 вернуться сюда же.

Рекомендую глянуть ребятам на штрек, что уходит из “Четвёртого” в сторону реки – тот, в котором вполне, как представляется мне, можно сделать новый вход в Систему (уж больно далеко отсюда до старого), а сам устремляюсь во Дворец.

В котором никого не обнаруживаю. Только на сложенном из камней в центре Чаши столе лежит раскрытая тоненькая тетрадка: некая заготовка под грядущую маразматку в стиле уэмовских, – в тетрадь эту мы записываем приходящие перлы и более дельные мысли: например, обрисовки пройденных-изученных участков. На раскрытой странице – полторы явно песенных строфы. Начинаются словами «здесь нет ни домов, ни проспектов – здесь нет фонарей вдоль дорог...»

: просто кайф. Жалко лишь, что не дописана. Перечитываю незавершённую вторую строфу – машинально звучит в голове продолжение. Дошкрябываю его до момента, на котором моя мысль также затыкается. И возвращаюсь с неутешительной вестью в Четвёртый, к Кракодилу и Грешнику.

По поводу возможного раскапывания осмотренного штрека Кракодил заявляет, что «хватит с него авантюра» – мне копать также сильно не рекомендует. Решаем новый маршрут проложить левее осмотренных нами ходов; в этой части Системы, похоже, до нас вообще никто не был.

: Уж слишком там всё висит на соплях, – каждый камень, будто потревоженный впервые, поворачивается под нашими ногами и руками... Со свода капает; стены шкуродёров и гротов какие-то чёрно-мрачные – шкурники даже хуже, чем в оставшейся справа Сейсмозоне. Нарееаем эту систему “Коммундизм” – и просто с облегчением выдыхаем, когда вываливаемся из неё после очередного “закольцевания” в родной до боли “ЧП”.

: Теперь бежать во Дворец очередь Кракодила.

Возвращается с куревом, но говорит, что ЮДА в гроте почему-то нет. Только на столе, говорит, лежит коробка с “беломором” и “примой” – и тетрадь с некими стихами.

– Ничего,– говорит,– стихи. Но слишком серьёзные — не удержался, продолжение к ним состряпал. Перефразировав Круппа.

Перекурив, осматриваем ещё одну часть Сейсмозоны. На сей раз ближние к бывшему Залу Матери ходы, уходящие вправо. В сторону центральной части Системы, Сетки. Почти все они тупикуются невообразимо-жуткого вида завалами,– лишь из одной щели нам удаётся к собственному изумлению – при полной и окончательной потери ориентации – вывалиться на Централку. Примерно в то место, где намедни рядами почивали белкинские пионеры. И где со стороны Централки не было видно ни одного хода, уходящего влево. Ну просто *столь зримо не видно...* Что мы долго стоим против того места, откуда вывалились в широченный (как нам кажется после шкурников Сейсмозоны) до охренения штрек — пялимся на явный монолит и ничего не понимаем.

: Результат данной трансгрессии списываем на Двудликую. И поскольку возвращаться в Сейсмозону в четвёртый раз нет ни сил, ни желания – возвращаемся во Дворец. В уютную и такую тёпло-обжитую Чашу...

Почти одновременно с остальными “проходчиками”.

Делимся печальными результатами: мы не нашли ни ЖБК, ни сталактитовой трещины; группа Базы, пройдя кольцевым маршрутом через Дальнюю систему и Правую, также вернулась ни с чем. Никаких голубых конусов. Тем более – светящихся.

: Единственный результат у Завхоза с Пифом и ЮДА,– из чего, между прочим, следует: чтоб получить от Системы некую некость, вовсе не обязательно напролом стучаться в неё. Что головой, что каской.

– Ладно. Анекдот про “SF” и написанная в соавторстве песня вполне поднимают настроение; текст, кстати, объявляется Гимном пребывания. < Интересный момент: ЮДА долго мнётся и заявляет, что он лично к этим строкам не имеет никакого отношения – написал, мол, первые полторы строфы, дальше что-то “заткнуло” – пошёл наверх, за водой и в магазин; потом увидел продолжение, отлучился на десять минут в туалет – строф стало в два раза больше; вышел глянуть на морфологию и абляционные сколы пласта в десятке метров от Дворца слева – там, где когда-то ГКС впервые вошли в Систему,– вернулся — вещь дописана до конца ... «Двудлика дописала»,– заявляет он под хитрые улыбки Завхоза и Пифа. >

– А музыка-то у него какая?

– Откуда мне знать? – отвечает ЮДА,– по гитаре у нас вот он...

– показывая на меня.

: Беру гитару и переключиваю в Am то, что автоматически звучит в голове. Неким рефреном-мелодией –

*Здесь нет ни домов, ни проспектов,
Здесь нет фонарей вдоль дорог –
Ребята, бродяги, поэты,*

Покинем родимый порог!

*Нас город цепями обвешал,
Работой, кино приковал –
Мои дорогие повесы,
Расчистим душевный завал!*

*И взяв рюкзаки и гитары,
Рискуя не встретить уют –
Уйдём же в подземные залы,
Чтоб душу очистить от пут!*

*Здесь дружбу познаем и братство
И таинство собственных сил,
Но чтобы до дружбы добраться –
Уйдём из уютных могил!*

*И вот в разукрашенных касках,
Оставив дома за спиной –
Уходим в подземную сказку,
В подземную быль, как домой:*

*Где тяжёлый свод над головой
Угрожает наломать дрова –
И под этим сводом не впервой
Слушать нам разумные слова*

*О том, что там — у выхода – светлей,
О том, что лес за речкой голубой...*

*Но нам дорожке общества людей
Вот эти сотни тысяч тонн над головой!!!*

Далее следует Ужин, за ним сон без глюков и ужасов – а наутро...

...: лицезреем разгневанного Цыганова, по-

трясающего перед нами телеграммой со следующим текстом:

«НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ ПЕЩЕРЫ ПОЛОВИНКИН ЮРИЙ. СРОЧНО ОКАЗАТЬ ПОМОЩЬ!»

То есть – Великий Грешник. В очередной раз оправдавший свой ник.

Грешник выволакивается на поверхность под очи прибывших ко входу родителей с сопровождающими домодедовскими ментами; для поддержки и в качестве эмоционального демпфера мы с Завхозом сопровождаем его.

В результате чего Юрка остаётся под землёй до конца недели; родители жертвуют должную сумму “на батарейки с продуктами” и уезжают.

Цыганов тоже остаётся с нами. Ибо в городе – что делать?..

– Шествуем в магазин, где по причине очевидного отсутствия батареек закупаем на “световые деньги” портвейн. Ну и, конечно – хлеб и доступные консервы: кильку в томате, ибо ничего другого совдеповская торговля нам предложить не желает. Потому что не в силах.

Дабы избежать обвинений в клевете на славный советский строй и его развитое народное хозяйство, справедливости ради отмечу: помимо томатной заливки рыбьих костей и глаз с кусочками разваренного рыбьего мяса и плав-

ников с хвостиками, магазин предложил нам также клейкую массу под характерным названием “сыр советский” [отказались, чтоб не сблевать – и от вкуса, и от названия], плавленный сырок “Дружба” [“пожевал сам – дай пожевать товарищу”] и свиную тушёнку в стеклянных банках. Условного мяса в которой было около 1/5 визуального объёма, – остальное занимал жир. Причём явно не животного происхождения. Даже мысли покупать сей продукт у нас не возникло. Очевидно было: коль и удастся донести по никитским шкуродёрам до грота столь хрупкую тару — натуральная рыба в томате всё ж лучше растительных жиров. Из круп и прочей бакалеи магазин предлагал манку, сахар, соль, спички, сгущёнку, ячневую крупу, пшёнку и дроблёно-осколочный рис [+ несколько разновидностей ‘блёвчиков’, то есть супов в пакетах], – но припасы этого рода нам в изобилии достались от белкинских пионеров. Курево олицетворяли “Дымок”, “Беломор” явского производства, той же фабрики “Прима” и дукатовский “Пегас” — но курево уже прикупил ЮДА. “Колбаса по 2.20” для сельского магазина того совкового времени была неслыханным дефицитом – зато портвейн был представлен всеми своими, народно любимыми, сортами [“Кавказ”, “Агдам”, “777” и “33”]; ‘плодово-выгодный’ ассортимент включал около 5 наименований [от ‘Ослиного Зада’ до ‘Золотой Плесени’]; ‘чернила’ были аж шести видов, убойно-одеколонная химоза только двух [“Аромат Степи” и “Степной Дубняк”] – водка трёх. И “зубровка” среди них уже отсутствовала. А потому мы выбрали “Кавказ” — по лиграрубам, да и по согревающее-вкусным свойствам он был не в пример выгоднее водяры. [1 лиграруб = 1 л X 1° (не Цельсия) / 1 рубль. В бутылке “Кавказа” лиграруб было $0,8 \times 18 / 2,47 = 5,829$; в бутылке водяры $0,5 \times 40 / 4,12 = 4,854$. Вся Россия владела этой нехитрой математикой.] Да и башнеударные свойства “Кавказа” не в пример выше водярочных, во всех смыслах.

— ладно; отсутствием батареек привычно не печалимся, ибо свечей у нас в “достат.кол”, и батареек, оставленных пионерами, хватит надолго (помимо оставленных нам “невостребованных запасов” на поверхности перед расставанием мы также опустошили батарейные резервуары их фонарей), – нет смысла мотаться за ними в Москву. *Да хоть в Домодедово!* – быстрее обратно, со слепящего на снегу света, – вниз, вглубь.

: ЭКСПЕДИЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ —

Ещё неделя сказочного подземного кайфа.

∴ Экскурсия в Дальнюю систему Никит, организованная изучившими её “Вандерерсами”. Открытый ими “на заре своего никитского хождения” за казавшимся непреодолимым огромным обвальным конусом грот Сапфир, – узкая щель меж конусом и правой стеной штрека, почти замыкаясь в своём огибании завала, неожиданно повернула вниз – чтоб увидеть это, Завхозу оказалось нужным лишь сдвинуть один мешавший камень, –

: они просочились в щель; далее был маленький подвальный грот – то есть по уровню находящийся на бывшем дне каменоломни, – из него вполне проходимый лифт вёл наверх, и там...

: Там они увидели его. И сразу назвали Сапфиром. Пяти метров в ширину,

от трёх до полутора в высоту – и в двадцать метров длиной. Удивительно сухой, с пересекающей тектоникой. Без натёков, но с потрясающими разводами охры. От красно-бурого, почти чёрного – до лимонного.

В дальнем конце грота рухнувшая с потолка плита. Сценой. За ней – сероголубой лёссовый конус. «Четвертичный период», – с ходу определяет ЮДА. Ларкин не спорит. Кажется, впервые. Ибо до этого момента стоит одному высказать какое-либо геологическое мнение, другой начинает оспаривать. Минут пятнадцать до хрипоты спорили о чёрном глиняном конусе — «Юра!», – кричал один, – «Карбон!!!» – возражал другой; «Марганец!» – «Гипс!!!», – «Гипс чёрным не бывает!» – «Ещё как бывает!!!», – «Да это же явная глина!» – «Отгипсованная, смотри внимательнее – вот кристаллические иголки...»

— и так далее.

Справедливости ради следует сказать, что Завхоз и ЮДА не первыми посетили Сапфир: в конце шестидесятых годов туда (ещё через другой ход) вышли спелестологи ГКС; они нанесли его на карту, не дав никакого специального названия. Через некоторое время проход, по которому ГКС прошли в Сапфир, рухнул — и грот оказался отрезанным от Системы. (Этот завал мне удалось пройти лишь через пару лет после описанных событий.) Конечно, когда ЮДА и Завхоз решили “на удачу” разгрести пару плит в тупиковом с виду ходе в конце обнаруженного завала, никакой информации о том, что за этим завалом может скрываться большой и красивый грот, не имели. Попадание было случайным — насколько вообще были “случайными” все такие никитские попадания. Только недавно, работая с сохранившимся архивом ГКС, удалось установить приоритет группы Прокофьева в посещении Сапфира, – а потому считаю нужным отметить это. Все остальные претензии на “открытие Сапфира” – а особенно одного скандально известного спелеолога, окрестившего Сапфир “Зал Передовых Методов Топосьёмки” (на своей, не менее скандально известной “карте” Никит, якобы 1959 года) – гон чистой воды.

... На другой день поход под руководством Цыганова в дальнюю правую часть Системы. Найденный Голубой Конус – увы, не светящийся, потому как “время вышло”. Как отмазывается Цыганов. Рядом с Голубым Конусом обнаруживаем исполинских размеров чёрный; система жутких шкурников подобием Сейсмозоны окружает их, но сходство не полное: половину этой системы составляют огромные ямоподобные гроты – некоторые глубиной до четырёх метров, по ассоциации с известным историческим объектом называемые нами Колизеями. С порядковыми номерами от 1 до 4. Ещё один зал – колонный; точнее, крепяной. Высотой чуть меньше двух метров (Кракодил не может распрямиться, я легко касаюсь рукой плоского свода), – шириной метров в 10 и в длину “примерно столько же”. И на эту площадь – чуть-ли не 50 толстых полусгнивших крепей. Стоящих аж в четыре ряда. Но сколько бы их ни было – кажется, каждую можно проткнуть пальцем. Как удерживают свод – непонятно. Хочется поскорее выбраться отсюда – “и отползать, отползать...”. И вообще, против Сейсмозоны – как бы она ни “крутила” и ни путала, но ведь в кручении этом своего рода приколы, кайф неизвестной нам магии, – даже радость на грани удивления — вся окружающая система производит *просто гнетущее впечат-*

ление. Причём дело не в широком Колонно-Крепяном Зале,— нет. **Во всей этой системе мы испытываем некую оторопь, ужас. На грани осознания.** Почему, отчего — непонятно. Но хочется как можно скорее убраться из неё.

«Преисподняя»,— такое название дают ей Завхоз с Пифом.

..: И наконец, найденная мной в Сейсмозоне трещина — уходящая вниз, и с некоторой тягой воздуха. Но, опять же “увы!”, без натёков. Тем не менее, начинаем её копать: «ведь если воздух выходит, значит какому-то скрытому за щелью объёму это надо».

Довольно дубовая логика.

Копаем так: очередной герой висит в распоре на страховке вниз головой, нагребая в котелок камни и землю,— затем его вытягивают наверх и на смену погружается новый. На третьи сутки копания глубина составляет три метра; и совершенно непонятно, куда копать дальше. Со всех сторон тупик, тяга воздуха исчезла. Пока я вишу внизу, Цыганов рассекает окрест, замучившись ждать своей копательной очереди.

Вдруг вижу впереди слева его свет, затем слышу голос — и созерцаю довольную морду: практически вплотную.

«Закольцевались, значить».

– КОЗЛЫ!!! – следует всеобщий диагноз.

Один плюс: рождение очередного анекдота, позже названного “Спелеоанекдот №1”:

– *Два спелеолога в Сейсмозоне сталкиваются головами в шкурнике. «У тебя сзади что?» «Тупик... а у тебя?..» «Тоже тупик...»*

– *И РАСПОЛЗАЮТСЯ В РАЗНЫЕ СТОРОНЫ...*

Впрочем, если в результате недельных безуспешных раскопок и поисков появляется хоть один новый анекдот или спелеопесня — оно того стоило. Что бы ни говорили иные.

А тут — целая пригоршня новых спелеоанекдотов.

И песен.

И подземных чудес.

Но главное: новые замечательные друзья и открывающееся Понимание Мира Никит.

Его впервые по-настоящему очувствованный Вкус.

А значит — СТОИЛО.

... В субботу нас навещают знакомые ребята из SCO,— две замечательных гитары, два голоса,— о, как они поют и играют!

: *Гитарная школа SCO. Арт самодетельной песни того времени,—*

Сидим с ними целую ночь с субботы до утра воскресенья,— слушаем.

Затаив дыхание.

В воскресенье многим из нашей компании приходится возвращаться в город. Под землёй остаёмся — ещё на одну неделю! — лишь я, База, ЮДА и Кракодил.

Перед выходом наверх Грешник устремляется в Сейсмозону за забытой у раскопа фотовспышкой. Идти 10 минут туда, 10 обратно.

– Ну, пусть даже 15. Для Грешника. Или все 20 — в каждую сторону. Всё равно: время не столь значительное.

Пока он бежит, уходящие собирают шмотники. Мы с ЮДА готовим завтрак.

Завтрак готов; Грешника нет. Я объявляю давешнюю телеграмму пророческой.

: Завхоз начинает сходить с ума и заламывать руки.

Уж не знаю, чем это объяснить — но всегда в нашей компании, как бы ни менялся её состав, был один человек, что особенно-совестливо переживал за прочих (в конце восьмидесятых Серёга Колобок сменил в этой “должности” Светика, перед тем, в свою очередь заменив отшедшего от пещер Завхоза; в девяностых годах на смену им пришла Аня-МалышЬ); также отчего-то всегда в группе — точнее, в Никитском Кругу — присутствовал некий хрестоматийный разгильдяй. Иной раз даже два.

: На заре “Уэма” эту роль с блеском исполнял тогдашний Мамонт; в начале восьмидесятых Белкин (Грешник присутствовал с нами лишь на этом двухнедельном пребывании, так что — наполовину не в счёт); Белкина сменил Сима, о котором я постараюсь рассказать отдельно, ибо, к моему сожалению, диктуемые сюжетом линии повествования “Триптиха” и “Белого Камня” оставили его “за полем страницы”, — после это был Хохмач, за ним ряд других персонажей. Теперь в этой роли подвизается Чудо — при всём своём разгильдяйстве, по видимому, всё-таки — Спелестолог От Бога...

То есть — “от Дзуликой”.

— Завхоз жаждет спасов: “мгновенно, немедленно, немислимо-срочно, бегом”, —

: ЮДА парирует, что “завтрак утром — спасы вечером”.

И что “сытый голодного не раз”. В смысле, что вначале позавтракаем, ибо завтрак готов и пока будем искать, явно остынет, — да и каково прочёсывать Сейсмозону на голодный желудок?

– А на сытый??? — парирует Завхоз.

– Не желаешь есть — не ешь! Пока едим, он может вернуться.

: Полезный здоровый цинизм. Не премину отметить, что в Никитском Кругу всегда также был в должности Главный Циник — сбивать с апломба романтиков. Таких, как Завхоз. Единственное что — эта должность со временем как-то незаметно распределилась меж всех нас: *знак необратимого движения Времени...*

И пришедшего на смену восторженному романтизму пониманию Мира, далёкого как от романтически-эмоциональных ‘лозгунгов’, так от мещанского прагматизма.

: Наверное, это адекватность ему. Уж коль отдыхать — так отдыхать; работать — до двенадцатого пота. В случае *действительной необходимости* ехать на спасы и находить потерявшегося додика живым, посрамляя ‘официальных сосателей’. Если тот, кто потерялся, сделал это в силу полного презрения существующих норм и моральных обязательств — найдя, набить морду.

Раз спасы затяжные, серьёзные — неизбежна должная организация отдыха:

с музыкотралом у костерка,— анекдотами, хохмами,— нормальным сном и прочим. Но — ни в коем случае не допустимо заламывание рук, истерия и сопли типа “ах, что будет, коль не найдём?..”

: Известно, что. А потому не фиг об этом трендить.

Всеуе.

Едим гречневую кашу с килькой в томате — “тушённой социализма” — по ходу трапезы обсуждая варианты поисков.

Затем отправляемся на прочёсывание. Полным экспедиционным составом,— девять человек. На одного, но Великого Грешника.

И минут за пять находим: благодаря тщательно разработанной за завтраком схеме поисков. Приводить которую не буду, так как это бессмысленно: в каждой конкретной ситуации она непохожа на иную; обучить человека находить и спасать людей так же невозможно (сколь ни расписывай ему схемы конкретных спасов) — как научить иного слагать стихи или писать картины.

: Обучить можно грамоте и технике работы с краской. Но не Творчеству.

Грамота под землёй одна. Прочее — твоё личное понимание Мира Подземли. Что, конечно, неотделимо от Творчества — ибо понимание Мира и Творчество суть синонимы.

Мы уходили под землю, чтоб понять и почувствовать этот мир. Прочие — для иных целей. Чтение Монтеня давало нам не меньше, чем приходящие в голову строфы. Творимые приколы и анекдоты вызывали то же состояние кайфа, что прохождение какого-нибудь заковыристого шкурника — иль любование открывшимися сталактитами. Звук гитары означал ровно столько, сколько тьма в конце не пройденного прохода. Как можно этому “научить”?.. Потому позже Мальцев и К° не смогли найти даже месяц пролежавшее под землёй тело Шкварина,— при том, что перекуривали не далее десяти метров от того места, где оно лежало (по воспоминаниям участника мальцевских “спасработ” М. Сохина),— мы же и в самой поганой ситуации находили разделившихся при “обессвеченном гулянии” по Системе додиков-шатунов.

: Фонарь марки “Ленинград”, выпускаемый в совке-батюшке, послужил поводом для этих спасработ. Причиной — что Грешник, понадеявшись на стремительность движения по многократно пройденному пути, не взял запаски.

: Вот и всё.

Я объяснил ему это, и больше он в Никиты не приходил. Ибо в некоторых ситуациях спелеолог не имеет права ошибаться. Коль сделать это нетрудно.

Если же в утешение просидевшему 20 минут без света Грешнику были бы вытерты слёзки — кто даст гарантию, что уверовавший в подобную безнаказанность в следующий раз не отправится гулять по Системе без должного света?

: НИКТО. Тем более, что скорее всего так и будет — ведь *обязательно найдут, спасут и помогут,— и предельно быстро.*

: Нет, ребята-демократы — не хер додиков баловать. Их спасение = наш труд вместо нашего отдыха или вожденной подземной работы.

И вся философия.

— Выходим на яркий свет, на поверхность. Помогая уходящим дотащить до выхода шмотники,— на поверхности забираем из их фонарей хоть и пользованные, но могущие дать какой-то ток батарейки.

: Уже Традиция.

Пока ребята переодеваются, сооружаю каждому по бутерброду: хлеб и колбаса. Поскольку руки у народа заняты, просто подхожу к каждому и сую бутерброд в рот.

Невнятно-благодарственное «угу» в ответ.

Подхожу к Пифу, тычу бутербродом в него,— Пиф в этот момент поворачивается, и колбаса с хлеба летит вниз. В сверкающий белизной снег.

Пиф наклоняется, поднимает её — и привычным за неделю подземной жизни движением вытирает о комбез. После ослепительно-белого снега.

: Групповая немая сцена.

— А-а... — машет рукой, и отправляет в рот продукт зачистки о мокрую глину.

— Провожаем ребят до остановки автобуса; стреляем у водителя оного канистру бензина. И затарившись в магазине хлебом, а у родника водой, возвращаемся в грот. Вчетвером.

: *Такое славно-замечательное подземное уединение — новая спелестологическая неделя, столь непохожая на первую (конечно, тоже прекрасную: ибо прекрасно пребывание среди друзей и единомышленников, и прекрасна была их помощь в прочёсывании “подозрительных участков Сейсмозоны”, — что бы я без них делал? — как замечательны были наши праздничные вечера: музыка, трёп, песни, приколы,— Со-Творчество Времени,— и отдельное, “по интересам” ежедневное Пребывание в Системе: такой общий и в тоже время индивидуальный подземный быт), — но То, Что Предстоит...*

: Теперь — всё вместе, и всё тихо-бесшумно. Всё иначе.

И так остро чувствуешь тихими спокойными вечерами **близость Системы...**

: Того, что зовётся Двуликой. Паренди. Хозяйкой Медной горы, белым спелеологом, шубиным,—

: В первую же ночь — вновь Свечение.

На другой день ЮДА с Базой отправляются в правую часть Ближней системы — там параллельно склону холма проходит тектоническая трещина, пересекающая идущие в сторону поверхности штреки. Местами по ней можно пролезть из штрека в штрек; из иных мест — только заглянуть. Но “оно того стоит”. Ибо ещё зимой 1976 года,— примерно тогда, когда я впервые попал в Никиты, Виктор Шагал открыл в этой трещине замечательные натёчные коры.

И сталактиты.

Мы с Кракодиллом остаёмся в гроте. Привходовой шкурник, отделяющий систему Дворца от Пионерского штрека, за неделю подземной жизни достал даже меня,— что ж говорить о двухметровом Кракодиле?.. И несмотря на

строжайшее предупреждение геологически подкованного Юрия Дмитриевича («Здесь трогать ничего нельзя, всё висит на таких соплях – вот этот камень на этом, а эти держат свод, опираясь на них, это любому видно!»), мы расширяем проход. Под звучащую рефреном из подсознания мысль, что “максимального комфорта лагерь достигает к моменту своего сворачивания”.

: Осторожно подпираем временной бутовой стенкой опасно нависающий блок; удаляем острые камни и обломки плит из хода, одновременно углубляя его, – вниз копать – не вверх, на это Кракодил согласен, – затем замочно блокируем верхний опасный булыган — и разбираем бутовую стенку. Выкидывая её вперёд из шкуродёра вместе с уже удалённым каменным мусором.

В результате чего перед входом в грот образуется конус “продуктов нашего труда”. Разобрать который не столь и сложно. Тема более – с той стороны. К которой, судя по звукам, в этот момент как раз приближаются ЮДА и База.

– Ух ты — завал... – поражённо тянет База.

И тут видит в оставшейся щели мою довольную харю. Я подношу палец к губам, База кивает.

– Что ещё за завал? – недовольно бурчит сзади ЮДА.

– Привходовой шкурник, кажись, рухнул, – отвечает Илья.

– Весь?

– Похоже на то.

– Крови не видно?

База вопросительно глядит на меня.

Я мотаю головой.

– Нет, – говорит База, – и они, кажись, живы. Шеволятся – с той стороны.

– Ну, бляди!!! – рычит ЮДА, задыхаясь от праведного гнева, – говорил же я им, что трогать это место нельзя ни при каких обстоятельствах! Ясно же было – та верхняя плита...

— и пускается в повторное изложение уже абсолютно несвоевременных своих тезисов. Прерываемых исключительно матом в пропорции одно к одному.

: Мы с Базой в несколько движений расшвыриваем обломочно-отхожий конус (Кракодил в это время уже кочегарит в Чаше примус), и я предстаю перед разгневанными очами ЮДА. Практически в полный рост – то есть, спокойно стоя на четвереньках там, где раньше пролезал “со скрипом”. Как преодолевал это место Кракодил — загадка.

А Юрий Дмитриевич с этого дня полно титулуется так: Крупнейший Георетик Карста И Тектоники Резко Падающих Плит Юрий Дмитриевич Агафонов. Или – КЭ-ТЭ-КИТ-РПЭП-Ю-ДЭ-А.

Или просто ЮДА.

Завершу же я рассказ о первом своём никитском пребывании эпизодом, поведанном в повести “Долгая Ночь у Костра”. За исключением пары имён он **абсолютно точно** описывает то, что случилось с нами в конце этого Пребывания. Ибо соврать, передавая пережитый лично эпизод – пусть даже ради пресловутого “художественного склада” – мне казалось немислимым.

... Мы поползли с Кракодилом на осмотр

дальней левой части Сейсмозоны – последней её части, оставшейся тогда не исследованной нами; перед тем, как соваться в Сейсмозону, как обычно, поставили Виктору Шагалу свечу.

И она погасла.

Я говорю ему: дай, зажгу. Он дал мне коробок — и я стал зажигать. Первая спичка, вторая, третья... Гена потом сказал: загадал, если ты с третьей не зажжёшь – всё, возвращаемся в грот, собираем шмотьё – и наверх. В город. Но с третьей спички я её-таки зажёл. То есть зажёл — не то слово:

: Точка на фитиле появилась тлеющая – малюсенько-синенькая, не больше булавочной головки. И сидим мы с Кракодиллом “так рядышком” — затаив дыхание, на неё смотрим.

Медленно-медленно... Очень медленно — но она разгорелась.

Потом мы поползли. Ползём тихо, аккуратно, не спеша, — в каждую щель заглядываем: а вдруг?... Начали с шагаловского обходняка – кстати, именно Гена его тогда и прокопал, потому что он в лифт Шагала не пролазил: как-никак, почти два метра роста, а мы целыми днями по Сейсмозоне крутились...

В общем, ползём – и я чувствую: как-то слишком легко ползём. Против обычного. Будто не взяли чего — а “чего”, как на зло, сообразить не могу. Но движемся – и пока всё вроде нормально идёт. То есть, конечно, достаточно тяжело – шкуродёры лютые, Сейсмозона, в коленках сплошная зубная боль, — а после некоторых щелей даже у меня ощущение, что грудная клетка где-то там остаётся, позади – и ты не из шкуродёра, а из неё выползаешь, как змея из кожи, — “+”, конечно, никакой топологической ориентации в пространстве уже через двадцать минут поисковки. Лишь периодически, нечто вроде просветления — ага, здесь мы вчера были, а здесь пять минут назад, — точно, из этого лаза мы в этот грот уже шестой раз подряд вываливаемся, — «ты назвал эту гнусную шклевотину гротом???» — и так далее.

Осмотрели несколько подозрительных щелей – везде глухо. Он и говорит: ну что, теперь давай ещё левее возьмём – чтоб обратно той же дорогой не возвращаться. Я говорю: давай – и мы взяли левее, чуть-ли не в самый Коммундизм впёрлись. Ползём — а уж совсем осмелели, расслабуха пошла: вроде бы всё в норме идёт – и тут вижу впереди слева интересную дырку.

Свечу фонарём – ведёт вниз под плиту; плита крепкая, надёжная, — сплошной кораллит: такую и кувалдой не продолбить, — вот только под выступами её крепчайшими и острыми, как ножи, проползать... Мало удовольствия, в общем. Однако же — явная форма карста. “Значит, на верном пути, — думаю, — наверняка в этом плитоломе не просто так сама по себе образовалась – до обвала выше была, с такой же ответной частью, и скорее всего бортом тектоники служила — а значит, нам **туда**”. Шкурник под плитой совсем короткий, с наклоном вниз градусов под 45; дальше нечто вроде комнатки просматривается, или расширения – и в углу щель, вроде как ещё ниже ведёт, и тянет оттуда в лицо холодом.

– Сейчас, — говорю Кракодилу, — я нырну туда: погляжу, что и как — а ты пока здесь подожди, уж больно дыра узкая...

А он сквозняк этот тоже учуял – аж глаза разгорелись. Нырнул я туда, изо

всех сил от кораллитовых зубьев спину в живот втягивая; прошёл легко — но Гене, думаю, здесь ни за что не пролезть. Сунулся сразу к трещине, что сверху заметил — да не трещина это оказалась, а обманка: тень от фонаря косо легла. Фонари и системы такие подлые вещи часто выкидывают — не то, что плекс. Я в другой угол — там тоже тупик, и никаких следов сквозняка. В общем, зря, чувствую, сюда залез; поворачиваю назад — и вижу, что Кракодил за мной в этот шкурник кораллитовый сверху вклинивается — аж камни трещат.

— Ты что,— говорю,— я ж тебе сказал там ждать! Давай обратно — здесь тупики со всех сторон, и делать нечего.

— А камни и вправду трещат. И тут Кракодил сообщает мне ‘пренеприятное известие’:

— Не могу обратно; может, к тебе выползу — развернуться...

Ладно, думаю; как-нибудь развернёмся. Хоть комнатуха тесная, я один на короточках едва помещаюсь.

— Всё,— вдруг говорит Кракодил,— никуда не могу.

И тут я вспомнил, что мы не взяли — и от отсутствия чего так ползлось легко. То есть руки были непривычно свободны, потому что не взяли мы ни кайла, ни зубила... Вовремя вспомнил — как раз для поднятия духа. А у меня только нож с собой — складной, перочинный — но что можно сделать ножом?

: Таким ножом с таким камнем?..

— Она села,— говорит Кракодил,— прижала — не двинуться...

: кораллитовая плита, что сверху шкуродёр прикрывала. Тёрка с трёхсантиметровыми кальцовыми зубьями,—

: Ножом такую... Что спиной, в общем. Разве менее больно.

«И я почувствовал, как трудно стать героем»,—

— Вначале шторму на нём срезал — где дотянуться смог; ремень брючной — изловчился, рассёк и вытянул... Только б ему там легче стало. Но всё это бестолку было — держала она его крепко: в спину когтями своими вонзилась, животом к нижним камням прижала — хорошо ещё, что животом; кишки-то сжимаются, им несколько часов так пробыть — под прессом — не смертельно. Главное, что кости у него целы были — пока...

: Покрутился, порыскал ещё по этому гротику — но никаких иных выходов из него не обнаружил. Выход был один, и его затыкал Кракодил. Оставалось одно — и я начал вырезать его, точнее, плиту под ним. Боковые камни трогать было нельзя — на них сидела плита, что зажала Гену — и может, ещё тонны породы, что были на ней. Так что другого варианта у меня не было.

... Резал так: загоняю ладонь Кракодилу под брюхо — между ним и камнем, чтоб живот ему случайно не пропороть, свою-то руку чувствуешь; под неё нож, и снимаю потихонечку стружку. Стружку за стружкой. Страшно не было — плита над головой ну прямо сверхнадёжная, главное было — не касаться её

случайно в запале работы, потому что от каждого касания этих кораллитовых ножей на голове характерные следы оставались. Свет у меня и у Кракодила был хороший, самый ходовой – и я был уверен, что мы выберемся: рано или поздно. Просто кроме нас самих никто не смог бы нам помочь — да и не знал никто, где мы. Слишком мы влево забрались. Боялся только, что нож могу сломать. Или что Гена сознание потеряет – он же вниз головой висел...

– В общем, режу не спеша известняк: рука, нож, движение влево-вправо, снова рука, снова нож, и так далее — а у самого картинки разные весёлые в голове возникают: фрегат, собранный внутри бутылки; мышь в литровой банке; мышь в бутылке – а вместо пробки другая мышь вниз головой... ‘Кракодил Гена и его друзья’. Очень весёлые человечки, одним словом. И свеча у Шагала — как Гена её зажёт, а она погасла. Но у меня разгорелась. Две спички – кайло и зубило. Третья – нож. И долгая такая голубоватая точка на тонком нитяном фитильке... Не задуть бы:

– Режу потихоньку, с Геной переговариваюсь, — а он уже красный, как варёный рак, и не отвечает мне. Молчит. Ну, думаю, всё. Отглазился. Сейчас потеряет сознание — и как мне его такого наверх выпихивать?..

: Пытаюсь отвлечь его как-то, анекдоты на ходу сочиняю соответствующие... Ну да это долгая история, за анекдоты свои я потом сполна огрѐб...

Но всё-таки вырезал я его оттуда. И вылезли мы. Он выползал — выдавливался, клеточку за клеточкой тело своё наверх в эту щель выжимал, выпихивал... Какая, к чёртовой матери, ‘хатка йога’... Йогам **такое** не снилось.

... Вылезли мы из этого капкана-на-двоих и поползли-поковыляли во Дворец. А спина у него, между прочим, ещё долго, как у бурундука была. Я его так и звал потом – Полосатый Рельс. База мажет его йодом в Чаше, дворцовой гостиной, — Кракодил орёт, аж уши закладывает, — кораллиты и прочие процессы карста, включая тектонику и “SF”, поминая — там молчал, как диверсантка Зоя, а здесь орёт, как роженица перед тройней, — База ему и говорит: терпи, мол, шрамы украшают мужчину... А он в ответ сквозь вой – «а на фига му-ужчине украшения...»

И к моему и кракодилову удивлению, всё это — я имею в виду свою ‘резьбу по шкурнику’ — длилось всего “сорок-пять-минут-прописью”... Это мы потом подсчитали, когда сверились с теми, кто оставался в Чаше, сколько же времени мы гуляли. Они ведь даже побеспокоиться не успели! А тогда нам обоим показалось – часов шесть или восемь прошло... Причём не со страху, этого чувства там в помине не было, — а по разговорам, по движениям всем, что произведены были. Когда я вырезал его из камня. Да и просто не успел бы я его вырезать так — меньше, чем за несколько часов. Однако, получалось: всего сорок пять минут нас не было. Загадка.

И к полной оторопи моей — не самая необъяснимая в этой истории. Потому что когда я недели через две недели снова оказался в этом месте — то спокойно вошёл в тот грот *с другой стороны*. То есть одной его стены – как не было. Словно на сцене тогда это всё происходило — а я то-ли перед зритель-

ным залом выпендривался, то-ли сам перед собой... Но тут уж я совсем ничего не понимаю – у меня ж до сих пор каждый камень этой каморки пред глазами стоит, до того я в ней в поисках хоть какого-нибудь выхода накрутился...

: На следующий день Кракодил, конечно, убыл в город. С утра, завтрака не дожидаясь.

Мы с ЮДА проводили Кракодила на выход и остались в Никитах вдвоём. Одни во всей пещере, потому что База вместе с Кракодилом в качестве сопровождающего уехал: всё-таки тяжело было на такую спину рюкзак навешивать.

Я обратно в дворцовую Чашу пошёл, – канистру воды, что у Родника, Кракодила провожая, набрали, в грот поволок, – а ЮДА посидел немного в Хате, покурил — размышляя над тем, что вчера со мной и Кракодилом приключилось, – к добру это или наоборот: знак, что сматываться из пещеры им надо как можно быстрее; затем сходил, на оставшиеся неподалёку сталактиты полюбовался — и вернулся в Хату: Журнал почитать и кое-что вписать от себя – что надумал, пока на сталактиты смотрел. Я в это время в Чаше завтрак готовил: манную кашу. У меня в заначке оставался один пакет; на четверых его было мало – потому я его раньше и не доставал – а на двоих в самый раз.

ЮДА пишет в Журнале: “слышу дух манной каши, что варит в Чаше Командор — и иду есть”.

Причём насчёт манной каши он никак не мог знать, потому что запах из Дворца в Хату ни при каких условиях дойти не может: и далеко слишком, и сквозняк подземный, что зимой в этой части Системы дует, от Хаты, от входа к Чаше идёт — а не наоборот. И про пакетик манки, мной заначенный, не ведал.

: ЮДА потом сказал, что про кашу он так, от балды написал – мол, изнутри что-то толкнуло... И “попал, между прочим”.

Сготовив кашу я, не стал ждать ЮДА, а пошёл за ним. И встретились мы ровно посередине пути: на Перекрёстке, в центрелевой. Встретились – и видим, что лежит между нами ложка. Обычная алюминиевая ложка, – лежит и земли едва касается. Словно кто-то аккуратненько так её на самой середине прохода положил: не обползти. Как знак.

— когда Кракодила наверх провожали, этой же дорогой наверх шли: впереди База со своим рюкзаком, затем ЮДА со шмотником Кракодила, потом сам Кракодил полз — а за ними я с канистрой под воду. И никто – ни Гена, ни я, ни База, ни ЮДА этой ложки, когда шли, не видели. Я потом всех специально опрашивал – так База свою ложку не терял, а у Кракодила ложки в шмотнике вообще не было: он её в Чаше оставил, чтоб туда-сюда зря не таскать. И ведь я с канистрой воды этой же дорогой в грот возвращался, – да и по пути к выходу, если б она выпала из чьего-нибудь рюкзака, её бы заметили. Потому что там невозможно не заметить: Ближняя система – потолки низкие; дорога на четвереньках, а где и ползком – когда с вещами ползёшь, вообще глаз от пола не отрываешь. То есть в этом месте очень трудно что-либо на полу не заметить. И, тем более, шмотниками и коленями в грязь не втоптать.

...: И сидим — точнее, лежим на глине мы с ЮДА лицами изумлёнными

друг к другу, и на ложку эту смотрим, что меж нами посередине лежит. И оба доподлинно знаем, что в Системе никого, кроме нас, нет – и быть не может. Потому что ни записей в Журнале, ни следов на снегу у входа.

– Значит, гости будут, – говорит ЮДА совершенно спокойно, – женщина.

– Действительно: чего психовать? Подумаешь — ложка...

...: Возникла.

— И что интересно: всё это утром в воскресенье происходит – а в Никитах никого. Хотя в Никиты в том году зимой самое хождение было – каждые выходные по три-четыре группы в Системе встречались; SCO тогда ещё Никиты навещало, и ГРТН, и много нового народу пришло, да и каникулы студенческие, – в эти же выходные — словно отрезало: **никого**. Даже База с Кракодиллом в город уехали.

И эта ложка. Самый банальный из всех бытовых подземных предметов, что представить себе можно — и самый необъяснимый.

Позавтракали мы манной кашей; сидим в Чаше — гостей неизбежных ждём. Да только нет никого. Наконец ЮДА не выдержал, взял фонарь и пошёл на выход, к Журналу: посмотреть, не пришёл-ли кто случайно на один день и по Системе в данный момент гуляет.

: никто и не пришёл.

Встретил он, правда, на поверхности – перед входом отсутствие чужих следов на снегу изучая – двух каких-то лыжниц, – настрелял у них всякой жратвы, батареек — и повёл пещеру показывать: меня то есть, – да только они испугались и дальше Журнала не пошли.

: Так что это — не в счёт.

А потом у ЮДА фонарь скис. Делал он его чуть ни полдня, – из-за этого мы не пошли никуда по Системе гулять, как спланировали было, – потом надоело ему и он в сердцах бросил его полуразобранный на полку: в Чаше по всем стенам масса полочек была всяких. Поужинали и легли спать. А тут и свеча, что на соседней полочке стояла, горела, вдруг погасла

: Сама.

Так что нам даже свет гасить не пришлось.

Лежали мы так: стена наклонная с полочками — со свечёй погасшей и фонарём; дальше я вплотную к ней на полу на дутике своём, – потом, ближе к центру грота, ЮДА. Заснули не скоро – долго лежали, ждали: может, всё-таки придёт кто случайно — хотя вечером в воскресенье шансов на это нет уже никаких, – но мы лежали в темноте, курили и анекдоты рассказывали. Словно что-то не давало уснуть. Встать и посмотреть, отчего погасла свеча – или зажечь её вновь – обоим лень было: ещё бы, вылезать из тёплого спальника... А анекдоты травить, да курить можно и в темноте.

В числе прочих анекдотов я поведал ЮДА парочку о Дзуликой — весьма пошлых — которые сочинил, Кракодила из-под плиты ножом выскрёбывая – ‘поднятия духа для’, –

– ЮДА они вовсе не развеселили:

«Ты как хочешь,— говорит он в темноте,— а я завтра точно сматываюсь».

И среди ночи у нас началось...

: Никогда ещё Сияние так долго в гроте не держалось. Причём в “лучшей своей фазе” — с “коготками”, “звёздами”... И звуки всё время: шорохи, треск, поскрипывание... Вдруг щелчок — будто выключателем щёлкнули — загорается фонарь ЮДА: тот, что разобранный на полке лежал. Потом, через некоторое время — щелчок, и он гаснет. Будто выключил кто-то его. Да только в гроте никого, кроме нас, нет.

— И в Системе тоже.

ЮДА, понятно, на утро уехал. А я остался: непонятно-мистическая история, как магнитом тянула,— в городе меня никто не ждал, а тут такое: интересно ведь, чем кончится...

— Свеча, что погасла, когда мы ложились спать, так и простояла весь день на полке: я её не трогал, не до того было. Я даже о ней забыл — думал, догорела — и жёг другую, новую. А ночью она вдруг зажглась:

: Сама. И спокойно так горела на своей полочке. Догорев дотла — ничего от неё не осталось. Я не стал гадать, что бы это могло значить — проняло и меня; и третьей ночи не стал дожидаться — в отличие от известного персонажа Гоголя, у меня оставалась свобода выбора.

: Собрал вещи — и дёру.

Вещей у меня было — рюк, канистра, гитара — да фонарь в руке. Лечу к выходу по просторному Пионерскому штреку — а меня будто что-то не пускает. То рюк за камень или крепь ляжкой зацепится — хотя только что никаких крепей и камней на этом месте не торчало — то гитара не лезет в шкурник,— а как же тогда я её туда пронёс? — то канистра: я бросаю её вперёд, пустую — а она вдруг начинает биться от стены к стене, будто живая, и всё над одним местом кружит,— потом вдруг посреди “полёта” — вниз, на 90°, словно завод кончился, и о землю или камень — ХЛОП!!!

— Конечно, я на это разъярился,— стал ругать Дзулику самыми последними словами,— а с ней заодно Еву и всех подземных духов от Паренди до шубина — и тут у меня фонарик подмигивать начал: на каждое слово. А потом вообще из руки на землю выпал — будто вырвал его кто,— лежит на полу, светит. И только тут я подумал, какой я дурак. Она ведь Свечёй нам с Кракодиллом знак дала — а я ей: пошлостью... И для ЮДА повторил. И теперь Её только злю — и словами своими, и мыслями.

: Я не от страха так подумал — нет! — пришёл к этому. Сам.

И начал думать по-другому: не прикидываясь, играя или подстраиваясь/притворяясь — а действительно по-другому.

: О том, какая я свинья и хам. О том, что оскорбил Её — Бога-то, духа не оскорбишь, не те это материи, уровни не те — да и что им брань суетная наша, что от глупости и бессилья? — нет; я оскорбил Её в себе — и как Женщину, и как то ощущение Пещеры, что даётся нам здесь. Оскорбил, опошил,— убил-угробил свой Контакт с этим камнем. И с тем, что за ним. Вот

в чём тонкость.

: И когда я почувствовал всё это и понял — на самом деле **понял**, каждой клеточкой своего тела ощутив соотношение и связь себя и Её и этого Камня,— тогда всё сразу прекратилось.

: Всё кончилось.

И тогда я взмолился: «если Ты действительно существуешь — покажись, откройся мне!»

— в ответ только фонарь мигнул.

Тогда я шепчу: будь мне... (как в сказках) тем, кем бы Ты могла для меня быть — если увидеть Тебя невозможно, дай хоть какой-нибудь знак: светом или свечой...

— И на ближайшем перелазе в шкурнике я этот знак увидел:

Потому что его сложно было не увидеть.

: Это был маленький, обычный с виду огарок. Сантиметра в два — два с половиной.

В дюйм, в общем.

Он казался старым — но не очень; а больше про него и сказать нечего. Только стоял он в шкуродёре на самом перелазе — там через плиту на брюхе переползать в узкой щели надо, и сразу — вниз, на высоту роста: очень узкое место, и обойти его никак нельзя — самое узкое место на Централке,— отполировано уже тогда оно было чуть-ли не до блеска,— локтями, животами, рюкзаками, коленями...

Я с ЮДА тут вчера проползал — когда ЮДА наверх провожал: ведь у ЮДА, кроме заправки полудохлой, света не было,— и возвращался той же дорогой. И никаких огарков, естественно, в этой шклевотине не стояло.

И в Системе по-прежнему никого.

: Один я на всю Систему —

— ни новых записей в Журнале, ни следов перед входом на снегу,—

: только мои, да ЮДА следы.

Переоделся и поехал домой. И с тех пор брал этот огарок с собой — всегда, когда под землю спускался. На самый крайний случай. Да только случай этот с тех пор мне так и не представился...

: КОНЕЦ “ПОЧТИ ЦИТАТЫ” —

В которой всё — “истинная правда, миссис Хадсон”.

Понимаю, что подобные заверения не убеждают — но “убеждать” не входит в мои планы. Равно доказывать собственную правдивость сомневающемуся критику. Ибо все “сомневающиеся”, как правило, не столь хотят опровергнуть декларируемый кем-то бред — сколько жаждут, чтоб им это “доказывали, доказывали, доказывали”, — ибо подсознательно верят в это. Но подобно детям, прячущимся за шторой, желают быть “как бы не видимыми” от взрослых.

Этакая игра в прятки с собственным здравым смыслом.

Ибо то, что мы полагаем вымыслом или бредом, не нуждается в “опровержении”: не приходит же мне в голову спорить с Фоменко или Мулдашевым, или “опровергать” журналистские побрехушки о Подземле? Я излагаю лишь свою точку зрения; могу оспорить положение коллеги, рассуждающего в моей системе представлений о Мире и в чём-то (на мой взгляд) ошибающегося,— могу спорить с теми, кто пытается навязать мне кривенькое представление о Мире или своими действиями причинить кому-то вред,— как спорю с апологетами совкового спелеоложества и их ангажированным враньём —

— но спорить с принципиальным бредом или агрессивным незнанием...

: От этого — увольте. Как и от доказательств очевидной для меня правоты.

Если господин Фоменко всерьёз верит, что мировой истории не было — тем хуже для него самого. Его воззрения — не повод для разговора.

Если господин Мулдашев не гонит, зарабатывая с помощью брехливых борзописцев авторитет в среде домохозяек и параноиков — тем хуже не столько для него, сколько для вопросов, на которые он пытается дать свой фантастический ответ.

Если некто с пеной у рта несёт пургу про подземные ходы под руслами рек, подземные пирамиды, белые стрелы и прямые стратегические туннели “от Москвы до самых до окраин” в эпоху Киевской Руси и Ивана Грозного — его спелестологическая цена очевидна. Как и общеобразовательный ценз.

: Я описываю то, чему был очевидцем. Право читателя — верить или приравнять меня к означенным господам.

* * *

С поведанных эпизодов началось моё ощущение Подземного Притяжения. Того, что околдовало Подземлём на всю жизнь —

С них начался Никитский Круг — что и сейчас, 30 лет спустя, объединяет более ста моих друзей самых разных “спелестологических и творческих ориентаций”,— пристрастий, характеров,— и самое главное — поколений.

С тех первых, дилетантски-восторженных и наивно-романтических походов в Никиты начался отсчёт моим Подземным Пребываниям (общий стаж которых давно перевалил за год) и подземной спасательской деятельности.

Всё, что было потом — было иначе.

: Пришло понимание (не разгадка, не объяснение, но именно понимание) Спелео Аномальных Явлений; пришло профессиональное отношение к подземной экипировке и снаряжению, пришло историческое постижение сути спелестологии. Её философской и творческой составляющих; её социальных, духовных и спелеомедицинских граней.

Пришёл опыт организации подземных научных и творческих сейшенов,— конференций, праздников, слётов; опыт работы под землёй со звуковой и

осветительной аппаратурой переплавлялся в опыт подземной работы с медицинско-диагностической техникой, приборами геофизической разведки, включая компьютеры. Опыт организации 'подземного антисовкового импеданса', наших неофициальных концертов и слётов, помогал в организации экспедиций и длительных Пребываний —

: социально-творческое бытиё Никитского Круга не только дало возможность выстоять в недобрую эпоху совка и в последующие години перемен – стало соавтором написанной мной прозы и рифмованных строф.

— Надеюсь, поведанными эпизодами мне удалось показать как своё личное Подземное Начало – так социальный киот истоков нашего Подземного Мэйнстрима.

: *Нашего общего Подземного Притяжения.*